

**БЕРЕЖЛИВОСТЬ:
РАЗНЫЕ АСПЕКТЫ**

**ВОСПОМИНАНИЯ ВНУКА
ЛЬВА ТОЛСТОГО**

РАЗГОВОР О ПЕСНЕ

Одна из новых авто-
матических линий.

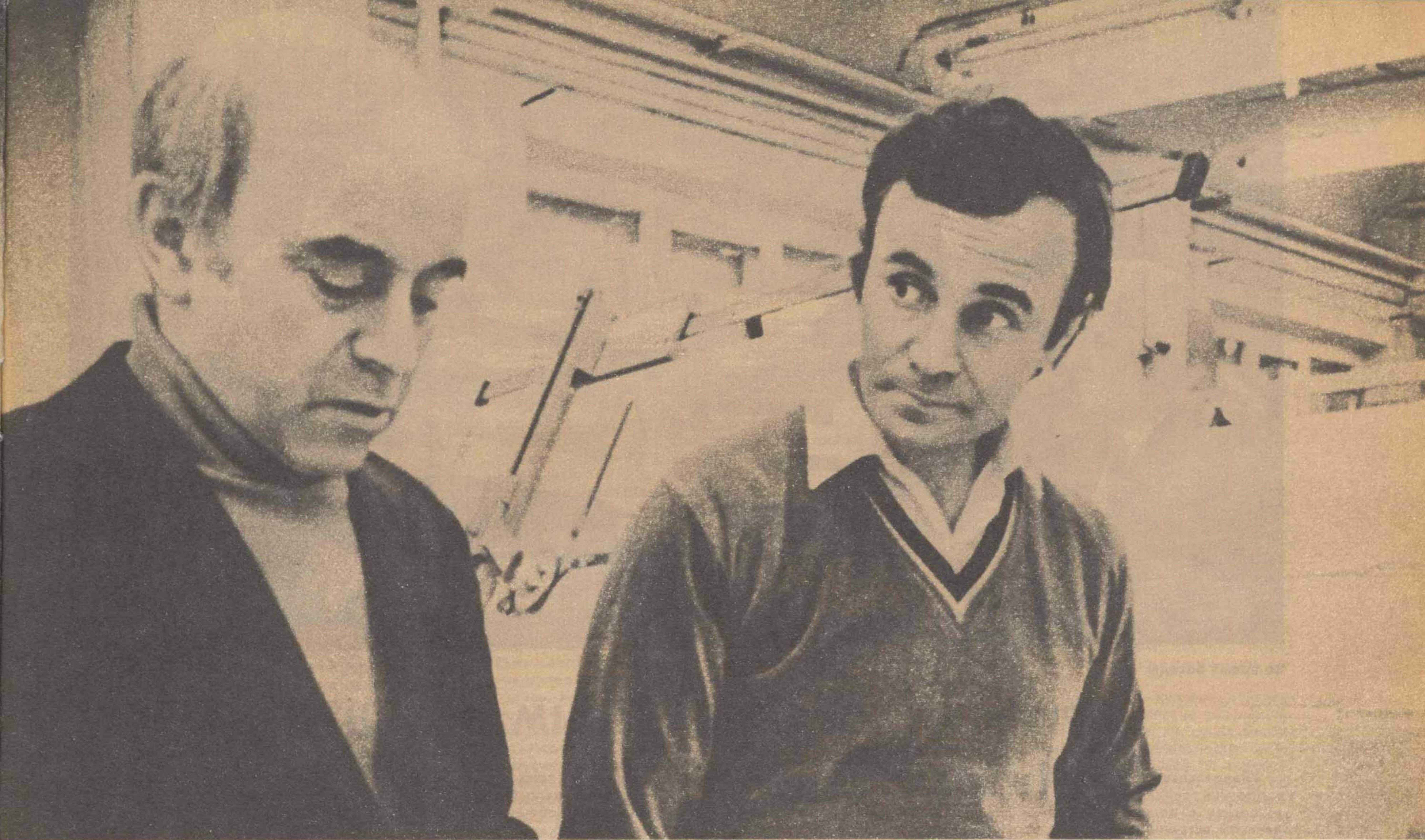
ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ ОСНОВНЫХ
НАПРАВЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СССР
НА 1986—1990 ГОДЫ
И НА ПЕРИОД ДО 2000 ГОДА.

СЕМНАДЦАТАЯ, УДАРНАЯ!

Годы творчества связывают
Виктора Александровича
Груздева (справа) и кон-
структора Михаила Львовича
Шпирта.

Уйдут наладчики, и новый
цех вступит в строй.

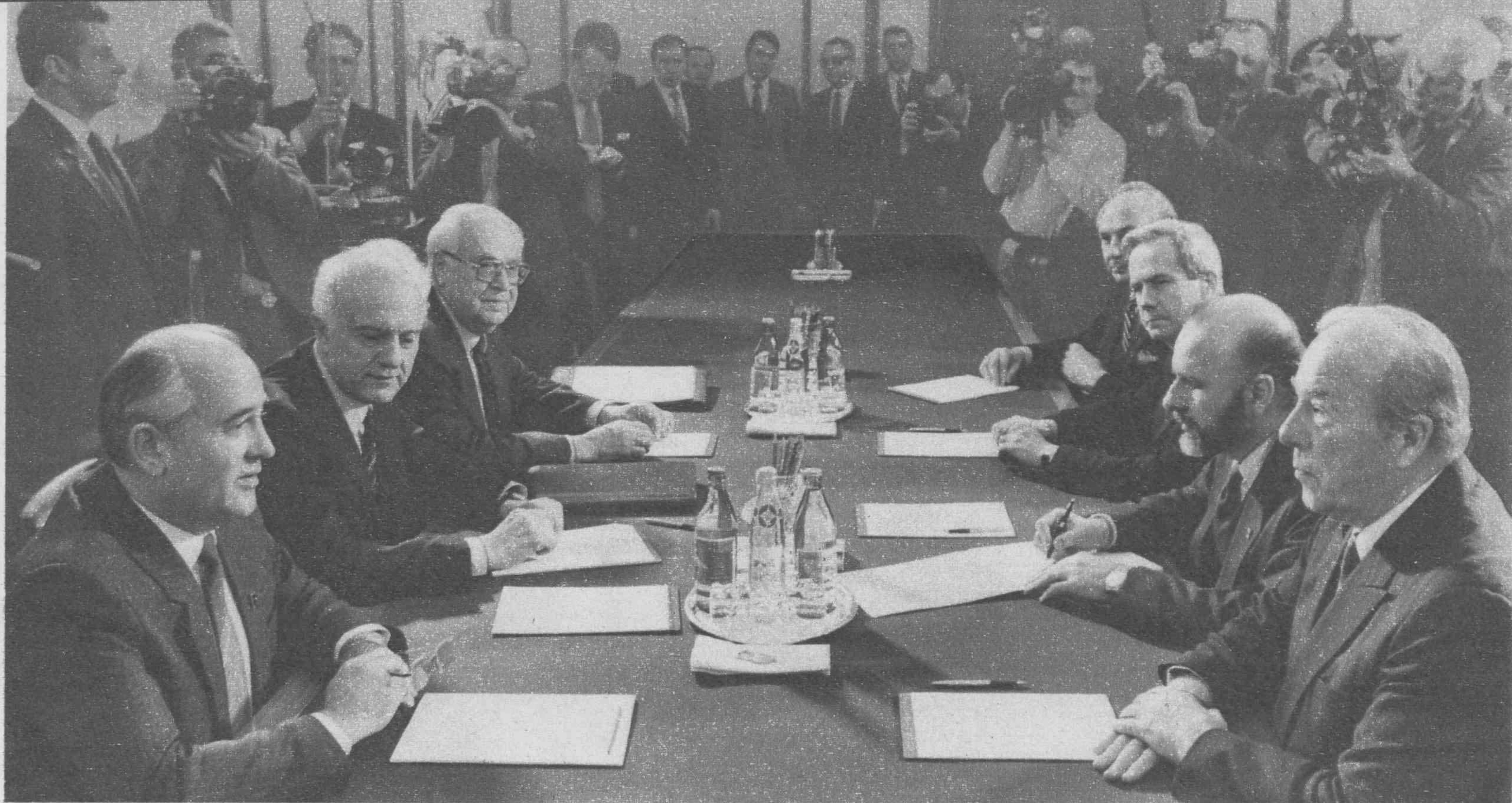

- АЗЛК: ПЛАН XI ПЯТИЛЕТКИ К 14 ДЕКАБРЯ
- ВИКТОР ГРУЗДЕВ: «МНЕ ПО ДУШЕ КОНЦЕПЦИЯ УСКОРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ!»
- ДНИ РОЖДЕНИЯ НОВОГО АВТОМОБИЛЯ «МОСКВИЧ-2141»

См.
стр. 3.

Во время беседы.

Фото ТАСС

ПРИЕМ М. С. ГОРБАЧЕВЫМ ДЖ. ШУЛЬЦА

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев принял 5 ноября в Кремле государственного секретаря США Дж. Шульца, прибывшего в Москву с деловым визитом в связи с подготовкой советско-американской встречи на высшем уровне в Женеве. В беседе принял участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе.

В принципиальном плане были обсуждены вопросы, касающиеся нынешнего состояния советско-американских отношений, положения дел в мире.

М. С. Горбачев отметил, что советское руководство придает важное значение предстоящей встрече на высшем уровне в Женеве и

исходит из того, что ее проведение в конструктивном деловом ключе способствовало бы улучшению отношений между двумя странами, стабилизации обстановки в мире. При этом внимание высших руководителей СССР и США должно быть сосредоточено на вопросах безопасности, прежде всего на решении центральной задачи — недопущения гонки вооружений в космосе и прекращения ее на Земле. М. С. Горбачев указал на важность обоюдного стремления вести дело к уменьшению военной опасности, снятию напряженности.

Дж. Шульц высказался за то, чтобы предстоящая встреча на высшем уровне прошла конструктивно и продуктивно.

Беседа прошла в откровенной и деловой атмосфере.

ЛЮДИ НАДЕЮТСЯ,

ЛЮДИ ЖДУТ

Макс ЛЕОН,
французский журналист

Нет нужды говорить о том, что обстановка в современном мире накалилась едва ли не до предела. Это ясно и понятно каждому человеку, где бы он ни жил. И именно поэтому взоры миллионов людей обращены сейчас к Женеве, где начинаются советско-американские переговоры на высшем уровне. От них зависит очень многое: будет ли достигнута какая-либо договоренность между СССР и США или перспективы ослабления напряженности в сфере международных отношений станут еще более мрачными.

Обе стороны, естественно, вели подготовку к этой встрече. Как известно, мы, французы, совсем недавно принимали у себя Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева, который имел длительные беседы с Президентом Франции Миттераном.

Конечно, в свете предстоящей встречи в Женеве и переговоров в Париже приобретают особое значение. Советский Союз выступил с

новыми инициативами в области разоружения и обеспечения международной разрядки. Эти предложения были изложены советским руководителем Президенту Миттерану во время встреч в Елисейском дворце. Они были оглашены в дальнейшем и в парламенте, и в ходе состоявшейся пресс-конференции. Предложения СССР получили большой резонанс не только во Франции, но и в других столицах мира.

Сейчас уже прошло какое-то время с тех пор, и мне хотелось бы сказать, какое впечатление произвел визит Михаила Горбачева на французов. Можно было бы охарактеризовать это впечатление одним словом — сильное. Никто, пожалуй, не остался равнодушным. Следует отметить, что антикоммунистические организации, включая некоторые партии, многие правые газеты и даже телевидение, вели длительную лживую пропагандистскую кампанию в отношении Советского Союза, и, как всегда, в ней было полно различ-

ного рода небылиц. Но могу с уверенностью сказать, что различные встречи советского руководителя с политическими лидерами, парламентариями, рабочими завода «Пежо», жителями Парижа и другие поставили многое на свое место. Миллионы телезрителей могли слышать разъяснения Михаила Горбачева в ходе продолжительного телевизионного интервью, а затем и пресс-конференции, которая была дана совместно с руководителем французского государства.

Простота изложения и ясность целей Советского государства были настоящим откровением для многих французов, особенно для молодого поколения, не пережившего ни времен фашистской оккупации, ни победы советского народа в ходе войны, ни периода освобождения Франции, ни даже периода европейской разрядки и советско-французского сотрудничества 60-х и 70-х годов.

Конкретные предложения советского руководителя по уменьшению напряженности между Востоком и Западом, прекращению гонки вооружений, разрешению ряда конфликтов, охвативших целые регионы, по предупреждению опасности, грозящей для человечества из-за планов США в отношении милитаризации космоса, произвели повсюду очень сильное впечатление. Конечно, они были адресованы в первую очередь непосредственно

Соединенным Штатам, и они станут предметом разговора в Женеве во время встречи советского и американского руководителей.

Мы знаем, что вся Европа, и Восточная и Западная, набита вооружениями — ракетами с ядерными боеголовками, самолетами, несущими тысячи атомных бомб, новыми видами фантастических вооружений. В морях и океанах плавают подводные лодки, начиненные орудиями уничтожения. Европа, особенно Франция и Англия, могли бы многое сделать для того, чтобы опасность приведения в действие всего этого кошмарного арсенала значительно уменьшилась.

Советский Союз сейчас показывает пример доброй воли, чтобы сдвинуть с мертвой точки дело всеобщего разоружения, он в том числе ввел мораторий на ядерные испытания.

Предложения Михаила Сергеевича Горбачева были благожелательно встречены в большинстве столиц. Президент Миттеран публично пожелал, чтобы в Женеве удалось достигнуть соглашения. Что касается граждан Франции, то подавляющее большинство хочет, чтобы наши страны укрепляли бы еще теснее свои отношения и чтобы эти отношения еще больше бы способствовали миру на земле и прекращению гонки вооружений.

Париж, ноябрь 1985.
Специально для «Огонька»

СЕМНАДЦАТАЯ, УДАРНАЯ!

Н. БЫКОВ

Фото И. ГАВРИЛОВА

Автозавод имени Ленинского комсомола. Конвейер времени выталкивает в прошлое последние дни пятилетия. Напряжение ощущается физически. Рабочий ритм будней задает тон всей жизни: смена за сменой, автомобиль за автомобилем, деталь за деталью... Бесконечной чередой ползут к рабочим местам сборки колеса, мосты, дверцы, капоты, кузова. Ритм двадцати семи предсезонных ударных декад! Идет семнадцатая... Конвейеры не знают усталости и простоев.

На исходе шестнадцатой ударной новый цех прессового производства озарила «Молния»:

ПОЗДРАВЛЯЕМ

Виктора Александровича Груздева с присуждением Государственной премии СССР 1985 года!!!

Виктор Александрович на заводе более пятнадцати лет. Его стихия — холодная листовая штамповка. А штампы — его рук дело. Пришел учеником слесаря, стал с годами слесарем-инструментальщиком, да каким! Штампово-инструментальное хозяйство на заводе играет определяющую роль. Автомобиль сварен, склепан, соткан, собран из сотен и сотен деталей. Чтобы их наштамповать, нужны штампы. Идеально точные, неустоящие, не знающие деформации. Виктор Александрович и его товарищи из прессового цеха изготавливали и ремонтировали штампы. Виктор Александрович родился, когда с конвейера сошли первые «Москвичи». Теперь мало кто помнит, как они выглядели. Сегодня на АЗЛК почти все готово для выпуска новой модели «Москвич-2141». Слово дали: первые машины — к XXVII съезду КПСС. Опытные образцы бегали около завода. Модель перспективная, красивая, переднеприводная, комфортабельная, скоростная...

Виктор Александрович перечисляет качества только что родившегося «Москвича» с любовью и знанием дела. Сам он, можно сказать, представитель третьего поколения заводчан, его совсем недавно выбрали в профком, а цех заполнила молодая смена, четвертое поколение московских автомобилестроителей. Ведь АЗЛК — Всесоюзная ударная комсомольская стройка. И опыт таких, как слесарь В. А. Груздев, нужен теперь больше в сфере организации труда. Когда-то он начинал вместе с Евгением Петровичем Мякиным, нынешним заместителем председателя профкома. А Мякин принял рабочую эстафету от большого мастера и настоящего человека Николая Ивано-

вича Киселева... Не зря Евгений Петрович повторяет слова поэта Е. Винокурова: «...воспитай учеников, чтоб было у кого учиться!» Вот он, ключ к пониманию родства тех, кто создал модель «2141». Темп, взятый в предыдущие годы, помогает сегодня решиться на впечатляющий технический рывок. За 1986—1990 годы АЗЛК увеличит объем производства не менее чем на 40 процентов. Будет создано гибкое автоматизированное производство, сорок шесть автоматических линий механической обработки, девятнадцать автоматических линий листовой штамповки, шестнадцать таких же линий в сварочном корпусе...

На счету Виктора Александровича двести шестнадцать рационализаторских предложений. Что он, один такой умный? Да нет, не один. В начале семидесятых в прессовом цехе № 2 подобрались такие ребята, которые работали не только руками, но и головой. Недаром сам Груздев скоро поднялся до 6-го разряда. Сложилась творческая бригада. Ее возглавлял Олег Борисович Кибис (теперь он уже начальник цеха крупной штамповки). Вскоре их бригада стала победителем в соревновании творческих бригад в Москве. А Виктор Груздев перешел в другой цех, тогда отставший, — нашел себя, стал искать нового места приложения творческих сил. Смекалка у него, по всему видно, от природы. Но еще и душа болела за производство.

Штамповка!.. Оглушительно бьет станок. Удар за ударом. Брызжет масло. Тяжело молодым выдержать смену. А внимание должно быть сверхповышенным. Чуть зазевался... Производство повышенной опасности, травмы случались. Когда-то. И вот ломали головы ребята, такие, как Мякин, Кибис, тот же Груздев, как улучшить условия труда. Штамповальщицы — создания чаще всего юные, приезжие, и было желание обезопасить их. Мысли работали в нескольких направлениях: техника безопасности, повышение производительности труда, экономия металла, снижение трудоемких операций, увеличение стойкости детали и штампа, чтобы изнася не знали. Ну, а упрощение ремонта штампов! Чтобы занимался этим ремонт не слесарь высшего разряда, какими были и Киселев, и Мякин, а потом вот и сам Груздев, но и ребята, пришедшие на завод вчера, из ПТУ...

Штамп делают из так называемой вырубной. Как ее поумнее скроить, чтобы поменьше металла шло в отход? Появлялась в конце концов идея, Виктор (Виктор Александрович теперь!) воплощал ее, идею, в металле. Олег Борисович напомнил: «Если пустить идею, так сказать, по законному кругу, то она вернется в цех и в металле лет через пять-шесть. Мы делали все сами. Почти все...» Почти — потому что была нужда в чертежах. Вот тут-то и срабатывал контакт рабочих-умельцев с конструкторами. Шли в КБ штампов или в КБ деталей и там находили отклик у конструкторов. Сильно помогали и помогают при всей занятости и М. А. Стародубов, и М. Л. Шпирт.

— Пойдемте в цех, а то перед ребятами неудобно, они остались, а я в профкоме, — решительно встает из-за стола Виктор Александрович.

Цеха потрясает необычно грандиозной кубатурой, новыми линиями. НТР здесь предстает воочию. АЗЛК перебазировался на новую производственную площадку, не останавливая главного конвейера. В новых цехах царит автоматика. Вот для чего годы и годы творили, выдумывали, пробовали Виктор Александрович Груздев и его товарищи. Нет, детали, нет штампа, которых бы не коснулись их пытливые умы, умелые руки. Они, например, заново создали полтора штампа, позволивших перевести изготовление детали с ручной штамповки на автоматику. А за счет внедрения более экономичной технологии сэкономили свыше шестисот тонн металла!

— На новое производство мы пришли не с пустыми руками, — удовлетворенно заметил В. А. Груздев.

Он еще в 1977 году был удостоен звания «Лучший рационализатор». Орденоседец. Член партбюро цеха. Делегат партконференции АЗЛК. Он из многих, кто шагнет в новую пятилетку технически вооруженным, с осознанием главенствующей роли тех, кто стоит сегодня за множеством пультов управления автоматическими линиями, станками на новой территории завода. А завтра в новых корпусах, откуда еще не ушли строители, будут работать не менее двухсот роботов и триста станков с программным управлением. Планируется так организовать труд бригад, так их заинтересовать оплатой, чтобы снизить трудоемкость изготовления новой модели почти на четверть — на 23 процента!

...Идем по цеху. Почти все штампы, изготовленные только что или поступившие на ремонт, он узнает «в лицо». Это его вчера. А в чем сегодня? Виктор Александрович развернул «Правду».

— В Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года есть немало строк, касающихся меня лично да и всех нас, увлеченных изготовлением новой модели нашего «Москвича». Вот, например.

И он нашел давно подчеркнутое: «Поднять общественный престиж добросовестного, высококачественного труда, профессионального мастерства». И еще: «...активнее воспитывать у каждого человека сознание необходимости добросовестно работать на общее благо, чувство личной ответственности перед обществом за результаты труда».

— Наш повседневный труд, будни, наполненные творческими поисками и совершенно конкретными делами, — сказал Виктор Александрович, — это же единственный источник благосостояния страны, нашего национального дохода. Потому и речь идет об интенсивном пути развития, о повышении производительности и престижа общественного труда, что все это поможет ускорить темпы экономического роста, социального развития. И в конечном счете увеличить национальный доход страны. А увеличить его надо почти в два раза! Вот здесь написано.

Новые линии, автоматика, программные станки, образованные рабочие, наконец, роботы на конвейере — все это уже реальность сегодняшних будней.

Работа роботов на сварке кузовов действительно впечатляет! Ни полмига на размышления. В ритмичных действиях ни сучка ни задоринки, торжество функциональности и во всем рационализм. Залюбуешься. Я спросил: «Кто же из них впереди? Как у них насчет соревнования?» Груздев парировал: «Соревнование было чуть раньше, когда соревновались конструкторы, создатели роботосистем, кибернетики и, конечно, наладчики, люди огромного практического опыта и повышенной интуиции».

«Остановись, мгновенье!» тут было явно неуместным — ни конвейерная лента, ни роботы не должны останавливаться. Прав Андрей Вознесенский: «Восстановись, мгновенье!» Общение с лауреатом Государственной премии СССР, авторитетным на АЗЛК человеком — Виктором Александровичем Груздевым помогло восстановить и мгновения, и годы творчества станочников, инженеров на пути к новому в нашем автомобилестроении. А главное, на пути к новому человеку! На принципиально новом производстве. Человек этот — прежде всего государственный. «Партия дала программу — она будет выполнена» — так сказал В. А. Груздев. Для этого производство должно постоянно самообновляться, жить в развитии, держать курс на перспективу.

— Мы так именно и живем, — заверил Виктор Александрович. — Не я один, нас тут, на АЗЛК, таких тысячи. В одном завидую им, кто молоде, кто из нового поколения, — удивительная техника у них в руках. Уже в двенадцатой пятилетке людей на заводе будет гораздо меньше. И легче им не будет. Компьютеры, автоматика, роботы не потерпят невежества, разгильдяйства, безответственности. Так что к человеку будущего нам еще идти и идти! Как там у поэта?

Жизни отпущено — минимум.

Живите — по максимуму.

Поэтому главные слова сегодня у нас: ускорение, программа, динамичное развитие, эффективность. И труд. Труд осмысленный, удовлетворяющий по существу. Курс на обновление и улучшение жизни обязывает. Жителей XXI века порадуют «Москвичи» новых моделей и модификаций, которые родятся в XIII пятилетке.

...Идет семнадцатая ударная декада! Напряженный финиш пятилетки. Многого надо успеть до XXVII съезда партии. Приоритет дела над словом очевиден. Он и есть краеугольный камень концепции ускорения социально-экономического развития страны.

Так было на АЗЛК в канун восемнадцатой ударной декады — осталось до съезда еще девять. Последняя треть.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 47 (3044)

16—23 НОЯБРЯ

© Издательство «Правда». «Огонек», 1985

ПАРОВОЗ ИДЕТ НА ФРОНТ

Посылаю фотографию военных лет. На ней запечатлена наша комсомольско-молодежная бригада по ремонту паровозов в депо на станции Ковров Горьковской железной дороги. Работали мы с семи утра до семи вечера, а бывало, что и целыми сутками. Паровозы нужны были фронту, и мы не уходили из депо, пока паровоз не выйдет в очередной рейс. После работы мы учились, и я в 1944 году получил удостоверение помощника машиниста. Когда

война кончилась, меня послали в Брест заниматься трофейной железнодорожной техникой.

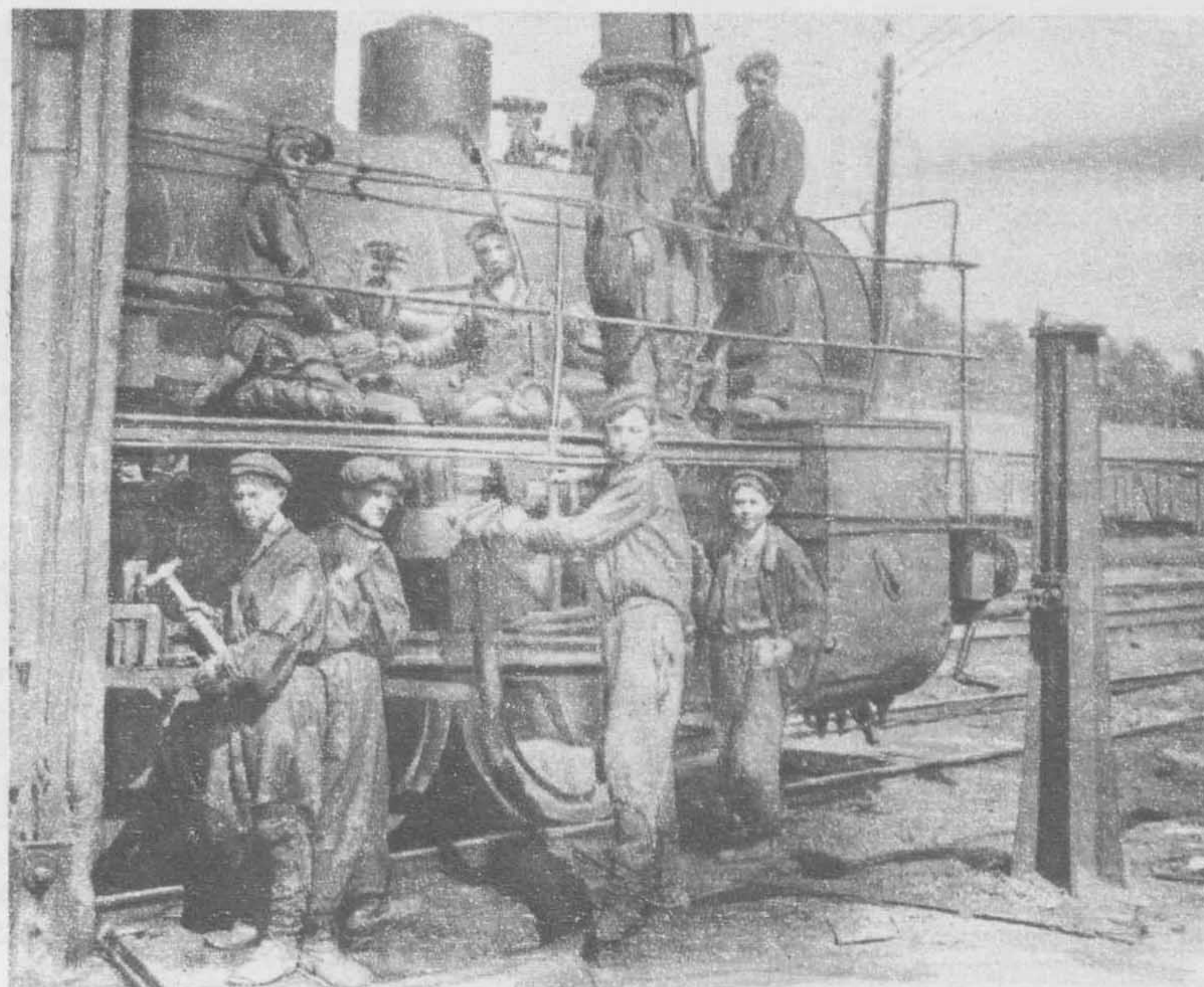
Сейчас идет уже сорок четвертый год моего трудового стажа. Хотя я и на пенсии, но продолжаю работать жестянщиком.

«Огонек» выписываю и храню более 25 лет.

На снимке я третий слева, в руках у меня зубило и молоток.

С. КОНОПЛЕВ

Судогда,
Владимирская область.

КРАСНОФЛОТЦЫ НА КОНЬКАХ

13-й дивизион сторожевых катеров Отдельного Донского отряда Азовской военной флотилии с конца сентября 1941 года занимал оборону по восточному берегу Таганрогского залива и Азовских плавней.

В ноябре 1941 года, когда мороз начал сковывать льдом Азовские плавни и восточное побережье Таганрогского залива, задача обороны значительно осложнилась. Личный состав дивизиона был преобразован в отряд морской пехоты, командир отряда старший политрук Цезарь Куников, комиссар старший политрук Василий Никитин и автор этих строк.

Участок по фронту около 40 километров, в глубину почти 15 километров, а людей осталось 84 человека. Что делать?

Решили весь участок обороны разбить на три опорных пункта, а по переднему краю обороны, в восточной части Таганрогского залива, построить ледяные доты с амбразурами, обеспечивающими хороший сектор обстрела из станкового пулемета.

Быстро вырубili ледяные блоки, из которых сложили домики на 2—3 человека, верх перекрыли жердями и накрыли камышом, сверху присыпали хорошим слоем снега, внутри пол по льду выстлали камышом.

Дежурство пулеметных расчетов было установлено по 4—6 часов. Расстояние от дотов до опорных пунктов составляло 8—10 километров. Расчетам и дежурным офицерам приходилось преодолевать это расстояние по два раза в сутки, а то и более. На обогрев и отдых не оставалось времени.

Комиссар отряда В. Никитин и командир отряда Ц. Куников срочно отправились в город Азов, сказав мне, что их вызывают в штаб флотилии. Вернувшись, они сообщили, что Азовский горком ВЛКСМ дает нам 32 пары коньков и 20 пар лыж.

Краснофлотцы быстро научились приспособлять коньки к сапогам и валенкам, и теперь расстояния в десять километров нам стали не страшны. Мы организовали также подвижные вооруженные

посты — два бойца на коньках и в маскхалатах.

Первые же попытки разведгрупп противника просочиться в плавни мимо наших постов кончились для них безуспешно.

В последних числах января 1942 года отряд получил срочное задание добыть «языка» из района Таганрога. Была создана боевая группа под командованием лейтенанта А. Белова и парторга отряда старшего сержанта С. Голубева. Группе в восемь человек предстояло пройти около двадцати километров. Двигаться решили на коньках. С собой взяли сани, на которые погрузили пулеметы. Дойдя до острова Черепашка, группа оставила сани и вышла к сторожевому посту порта. Едва лейтенант А. Белов успел дать команду «к захвату», как «языка» с кляпом во рту засунули в мешок. Часовой даже не успел вскрикнуть. Его дотащили до саней и двинулись в обратный путь.

В первых числах февраля 1942 года отряд получил новое задание — организовать разведку в районе северного побережья Таганрогского залива от Миусского лимана до Таганрогского порта. По имеющимся данным, там в рай-

оне побережья ночью проезжают вражеские автоколонны с боеприпасами. Создали сводную группу моряков и партизан, всего пятнадцать человек. Командование было поручено мне. Мы взяли двое конных саней, погрузили на них пулеметы, боеприпасы и противотанковые мины.

Подойдя к автодорожке, мы залегли между торосами в ожидании автоколонны. Леонид Сидоренко и краснофлотец Николай Бертель подползли к дороге и установили противотанковые мины, присыпав их снегом. Примерно около двух часов ночи показались огни автомашин. Вскоре раздался взрыв. Это передний грузовик подорвался на наших минах, а из следующих машин в панике выскакивали гитлеровцы. Тут заговорили наши пулеметы и автоматы. Мы захватили в качестве «языков» двух гитлеровцев, один из них оказался лейтенантом...

В. БОГОСЛОВСКИЙ,
старший лейтенант,
бывший начальник штаба
13-го дивизиона сторожевых
катеров,
заслуженный архитектор РСФСР
Москва.

ВСТАЛИ ПОДРОСТКИ К СТАНКАМ

Этот снимок был сделан в 1941 году в детском доме № 26 имени Ленина в городе Мелекесе Ульяновской области, ныне Димитровград.

Всем нам только что исполнилось 14 лет, сфотографировались мы перед отправкой в ремесленное училище № 2 в Ульяновск.

После окончания ремесленного училища меня направили в Омск работать токарем на завод, эвакуированный из Запорожья. Встали к станкам и ребята, которых вы видите на этом снимке. Интересно, как сложилась их судьба?

Я вот уже сорок четыре года работаю токарем в Запорожье. Во время войны два моих брата и сестра ушли на фронт. Один

брат не вернулся, другой нашелся в 1952 году, а с сестрой я встретился только через сорок лет.

На снимке я сижу третий справа в первом ряду. За мной чуть правее моя воспитательница Евдокия Дмитриевна, фамилию не помню, рядом с ней заведующая Вера Григорьевна Меньшикова, «хозяйка» детдома Мария Михайловна Калинина, пионервожатая Людмила Ксенофонтовна и (крайняя слева) Пана Григорьевна Дубина.

Назову имена тех товарищей, которые помню: Петр Галеев, Юрий Баннов, Николай Макеев, Виктор Субботин.

Откликнитесь, друзья!

Б. ДУБРОВСКИЙ
Запорожье.

МОЛОДЫЕ ИЗОБРЕТАТЕЛИ — НА ПЕРВОЙ ВСЕМИРНОЙ

Большие открытия делаются далеко не каждый день. Зато в паузах между ними нет минуты, утверждает статистика, чтобы кто-либо не предложил усовершенствовать доведенный, казалось, до идеала механизм, не решил задачу, над которой бились инженеры предшествующих поколений. Человечество привыкло к своим архимедам, и уже целые патентные бюро едва успевают разбираться в предложениях, иные из которых являются собой настоящее чудо технической мысли. Большинство идей, как правило, исходит от молодых. Так почему не собрать их со всех континентов вместе со своими изобретениями? И около года назад при обсуждении программы Международного года молодежи болгарскому городу Пловдиву, знаменитому своими международными ярмарками, выпала честь стать организатором первой Всемирной выставки достижений молодых изобретателей. В ноябре прибыли в Пловдив гости, бурлит ярмарочный городок, и не просто связаться из Москвы по телефону с дирекцией выставки. Наконец в своем кабинете трубку берет Бочо Захаринов, заместитель директора республиканского центра научно-технического творчества. Он готов ответить на вопросы журнала «Огонек».

— Какую главную цель преследуют организаторы смотра в Пловдиве?

— К участию в выставке приглашены изобретатели из 70 стран, родившиеся после 1 января 1945 года, экспонаты охватывают все области науки, техники и технологии. Главная цель — стимулировать обмен лучшими идеями не только в инженерной области, но и в сфере культуры, укреплять доверие, расширять рамки сотрудничества государств мира, развивать дружеские контакты молодых людей разных стран. Среди экспонатов нет ни одного, который можно было бы использовать в военной области!

— Подготовка столь крупной выставки, видимо, была делом непростым?..

— Да. Количество заявок на экспонаты намного превышало наши возможности! Некоторые изделия прибыли морским путем еще в середине августа, например, из Бразилии, Аргентины, КНДР... Мало-помалу их набралось свыше четырех тысяч, пришлось даже дополнительно выстроить три крытых павильона.

— А как представлена ваша страна?

— В рамках Всемирной выстав-

ки проходит тринадцатый по счету болгарский смотр научно-технического творчества молодежи. Большинство экспонатов НРБ отражает новейшие тенденции машиностроения, электроники, робототехники и биотехнологии...

— Хотелось бы узнать об экспонатах Советского Союза, других социалистических стран...

— Советский раздел второй по величине, он занимает площадь две с половиной тысячи квадратных метров. И многие экспонаты рассказывают об изобретениях, не имеющих аналогов в мире. Это аппаратура для исследования космической плазмы, устройство для снятия хронических болей, прибор, измеряющий вредность выхлопа автомобиля с одновременным определением неисправности двигателя... Национальные экспозиции социалистических стран напоминают мини-городки, в которых есть все — от игрушек до космических приборов. Если на осмотр одного экспоната выставки уделить не более пяти минут, все равно понадобится целый месяц!

— Чем будут заняты участники выставки в течение этого месяца?

— Будет проведен семинар «Изобретательство в целях развития», пройдет дискуссия «Молодежь за мирное использование космоса», состоится конкурс «Молодые творцы моды», дни национальных кухонь (это ведь тоже изобретательство), фестиваль фантастики, кинофестиваль, будут обсуждены также проблемы, связанные с методикой обучения детей работе с ЭВМ, и многое другое. Торжественное закрытие состоится 30 ноября.

— Какова, по вашему мнению, перспектива подобных выставок?

— Они нужны молодежи планеты, ибо мирное, творческое соперничество способствует ускорению научно-технического прогресса, укрепляет взаимопонимание народов. Об этом говорилось, когда Всемирный совет выставок принимал решение о проведении смотра в Пловдиве под эгидой ООН.

— Благодарим вас и желаем успеха выставке!

— Спасибо, привет читателям «Огонька»!

Интервью вел В. КОВАЛЕВ.

СЫН ЗЕМЛИ

ТВ

Центральное телевидение показало последние, заключительные серии телевизионного художественного фильма «Огненные дороги», созданного на студии «Узбекфильм» по заказу Гостелерадио СССР. После долгого перерыва зрители вновь встретились с главным героем телефильма — Хамзой Хакимзаде Ниязи.

— Завершен десятилетний путь, — рассказывает режиссер фильма и один из авторов сценария, народный артист СССР, профессор Шухрат Аббасов. — Завершен труд, к которому я шел всю жизнь. «Огненные дороги» — фильм о писателе, поэте, драматурге, общественном деятеле, человеке необычайно одаренном. Хамза выразил чаяния народа, то, что веками жило в нем и получило свое воплощение в революции. Сказать, что мне была интересна эта работа, слишком мало. Для каждого художника наступает час подведения итогов, час определения своей причастности к истории, к происходящему. Замысел картины вызревал годами, обретал логическую форму.

Меня давно привлекает историко-биографический жанр. В свое время я сделал о Бируни двухсерийный фильм. Эта работа была одной из ступенек на пути к кинематографическому повествованию о Хамзе.

Тема нашего киноромана — художник и народ, художник и будущее нации, ибо Хамза в недрах прошлого, в недрах существовавшего строя увидел будущее. Хамза мечтал о счастье народа, о том дне, когда расправятся его плечи

и не будет ни угнетенных, ни угнетателей. «Пусть в мире торжествует труд!» — это его слова.

Хамза стал глашатаем революционной борьбы Востока. И потому принимал на себя первые удары, брал на себя самое сложное. Он спешил делать доброе, будто знал, что проживет немного. Хамза не боялся смерти, но это была не бравада, а глубокая убежденность в правоте совершаемого дела. Наш герой — живой человек, мыслящий, создающий. Не застывший в бронзе памятник, не фигура исторического прошлого, а современник. Рассказывая о Хамзе, его товарищах, показывая врагов, хитрых, коварных, мы не стремились поднять своего героя на недосягаемую высоту и не делали из противников примитивных злодеев.

Работая над сценарием, во время съемок мы переживали часы радости, но и волнения, тревог, — что и как делать, как не переступить порог дозволенного, невидимую черту, разделяющую правду и вымысел... Мы стали единомышленниками. Съёмочный коллектив жил по законам доброй и уважаемой семьи. Во главе ее стояли Герой Социалистического Труда писатель К. Яшен, кинорежиссер Б. Привалов, исполнитель главной роли народный артист Узбекской ССР У. Алиходжаев, оператор А. Исмаилов, композитор Р. Вильданов, режиссер Д. Абидов... Эта картина стала для нас подлинным университетом жизни. Радостно, что фильм взволновал людей: мы получили и получаем множество писем, откликов, серьезных и вдумчивых...

Кадр из фильма «Огненные дороги».

Работая над сценарием киноэпопеи, мы ставили задачу создания оригинального произведения: обращались к первоисточникам, архивам, встречались с людьми, знавшими Хамзу. Словом, многое открывали заново. Работать с такими авторами, как Камилль Яшен и Борис Привалов, было и сложно, и радостно, ведь требовалось полное единство мыслей, взглядов. Наш союз выдержал все испытания, и замысел полностью осуществился в фильме. Как жаль, что Б. Прива-

лов не увидел последних лент — его жизнь оборвалась так внезапно...

— Скажу откровенно, — продолжает Ш. Аббасов, — мне грустно, что простился с Хамзой. Я настолько сжился со своим героем, его мыслями, поступками, что сейчас чувствую себя неуверенно, беспокойно: мне не хватает моего друга. Жизнь продолжается, будут и новые картины, но никогда Хамза не покинет моего сердца.

М. КОРОТКОВ

ВИВАТ КОРОЛЮ!

М. ТАЙМАНОВ,
международный гроссмейстер,
шахматный обозреватель
«Огонька»

Грандиозное шахматное сражение завершилось. Завершилось ярко, увлекательно, впечатляюще. Блистательной победой в бескомпромиссном решающем поединке Гарри Каспаров доказал свое право на высший шахматный титул.

Не припомнить единоборства столь напряженного, драматического и интригующего. Для выявления чемпиона не хватило 48 партий первого матча, 23 второго, и судьбу достойных соперников должна была разом решить одна-единственная, самая последняя, самая важная, поистине историческая партия. И она сложилась так, что буквально до самого конца, до заключительных минут многострадального соперничества исход ее был непредсказуем. Карпов вел борьбу в ней с настойчивостью отчаяния. Каспаров — окрыленный надеждой. Лишь когда в результате головоломных тактических осложнений Каспарову удалось добиться материального перевеса и его фигуры обрушились на неприятельского короля, стало ясно, что наступает кульминационный момент титанической баталии. Эти минуты незабываемы своим драматизмом. Карпов, понимая, что спасения нет, собрав волю, все-таки искал какого-то чудесного избавления, и на мониторе видно было, как он беззвучно считал варианты. Каспаров же, словно исчерпав силы до дна, устало откинулся на спинку кресла в ожидании бесконечно желанной капитуляции.

И, когда Карпов внутренне смирился с неизбежным и мужественно поздравил счастливого соперника с заслуженной победой, наступил финал единоборства, начавшегося, по существу, более года назад.

Такая развязка по своей эмоциональной насыщенности была созвучна всей необычной гамме матчевых переживаний, которым нет аналога в шахматной истории.

Но, чтобы проникнуться динамизмом сюжета, нужно вернуться к событиям последней недели.

Мы расстались с читателями после двадцати партий, когда счет был 11:9 в пользу Каспарова и по характеру борьбы ничто не предвещало резких перемен. Тем более что следующий поединок сохранил благоприятное для Каспарова статус-кво. В трех партиях Каспарову достаточно было набрать всего одно очко, Карпову требовалось минимум два с поло-

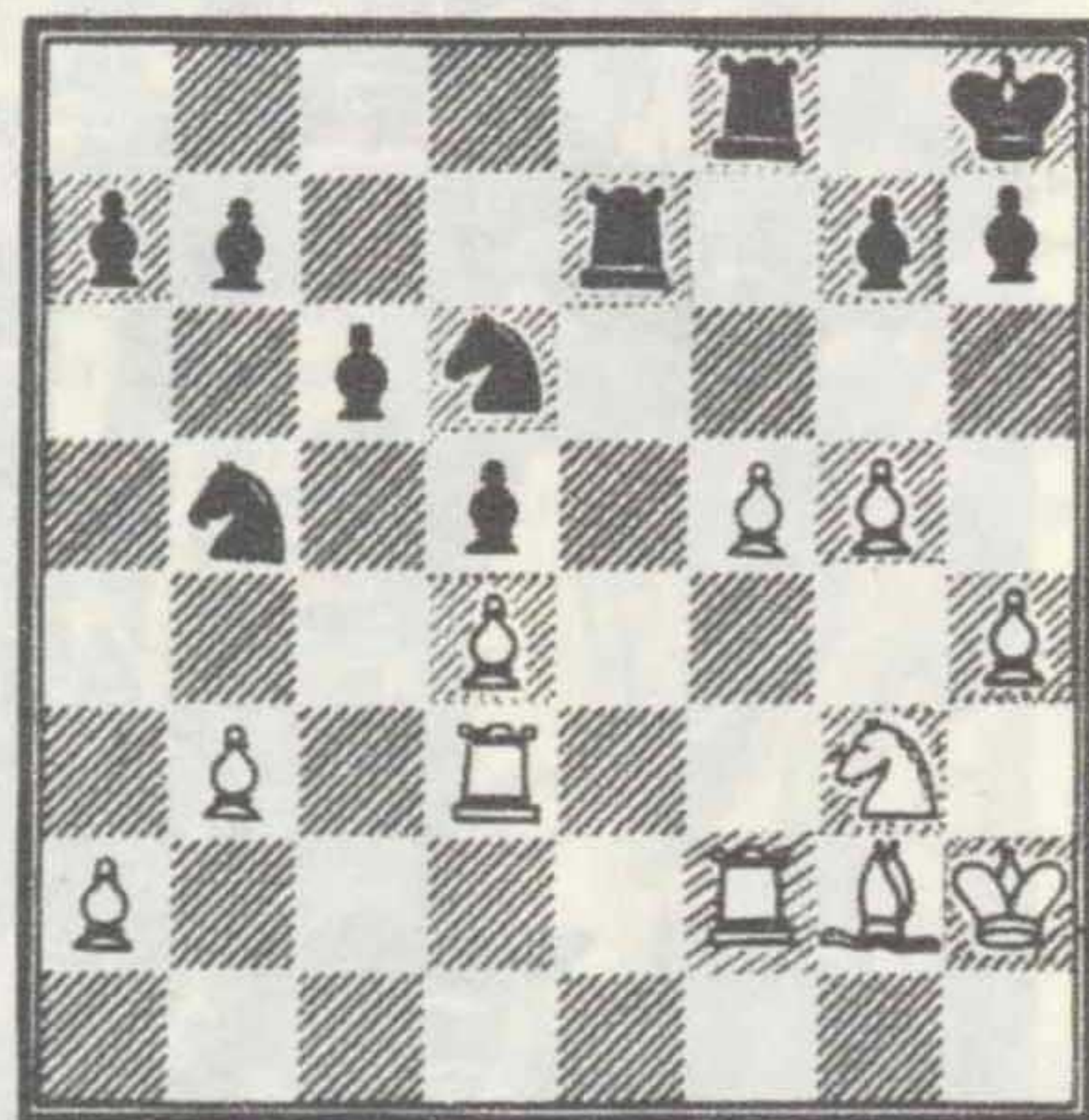
виной. Правда, поклонники чемпиона мира (не говоря уже о нем самом: Карпов всегда борется до конца!) не падали духом. «Почему все считают, что его дела так плохи? Ведь Толе нужно выиграть не две партии, а только одну, а уж потом еще одну — это вполне возможно...»

Были и философские оценки: «Если Каспаров не сумеет взять очко в трех партиях, значит рано ему еще становиться чемпионом. И напротив, выполнит Карпов свою героическую задачу — быть ему бесспорным шахматным королем и дальше!»

Двадцать вторая партия признавалась особенно важной. Карпов имел белые, что давало ему единственный и, по-видимому, уже последний шанс переломить ход событий. Каспарову важно было устоять.

И в этом поединке чаша весов склонялась то на одну, то на другую сторону.

Кризис наступил в самом конце.

Это положение возникло после 32-го хода белых. У белых некоторая активность на королевском фланге, у черных перспектива в центре, но при материальном равенстве и ограниченности оставшегося на доске материала игра не сулила богатых ресурсов борьбы. А ничья практически гарантировала Каспарову недостижимость. Казалось, все решится в тот вечер. Но своенравной Каиссе угодно было придать плавно развивающемуся сюжету финала острый драматический поворот...

Вместо того, чтобы подготовить вторжение коня на центральное поле ходом 32... Ле1, Каспаров в цейтноте импульсивно сыграл сразу 32... Ке4. Он стремился разменять форсировать события и скорее достичь желанного мира. Но идея была неудачной.

Последовало: 33. С:е4 де 34. Ле3 К:д4, и теперь неожиданно и очень сильно — 35. Крh3! Ле5 36. Крg4! Карпов надежно защитил пешку f5 и заметно активизировал свои силы. А восстановить материаль-

Фото А. БОЧИНИНА

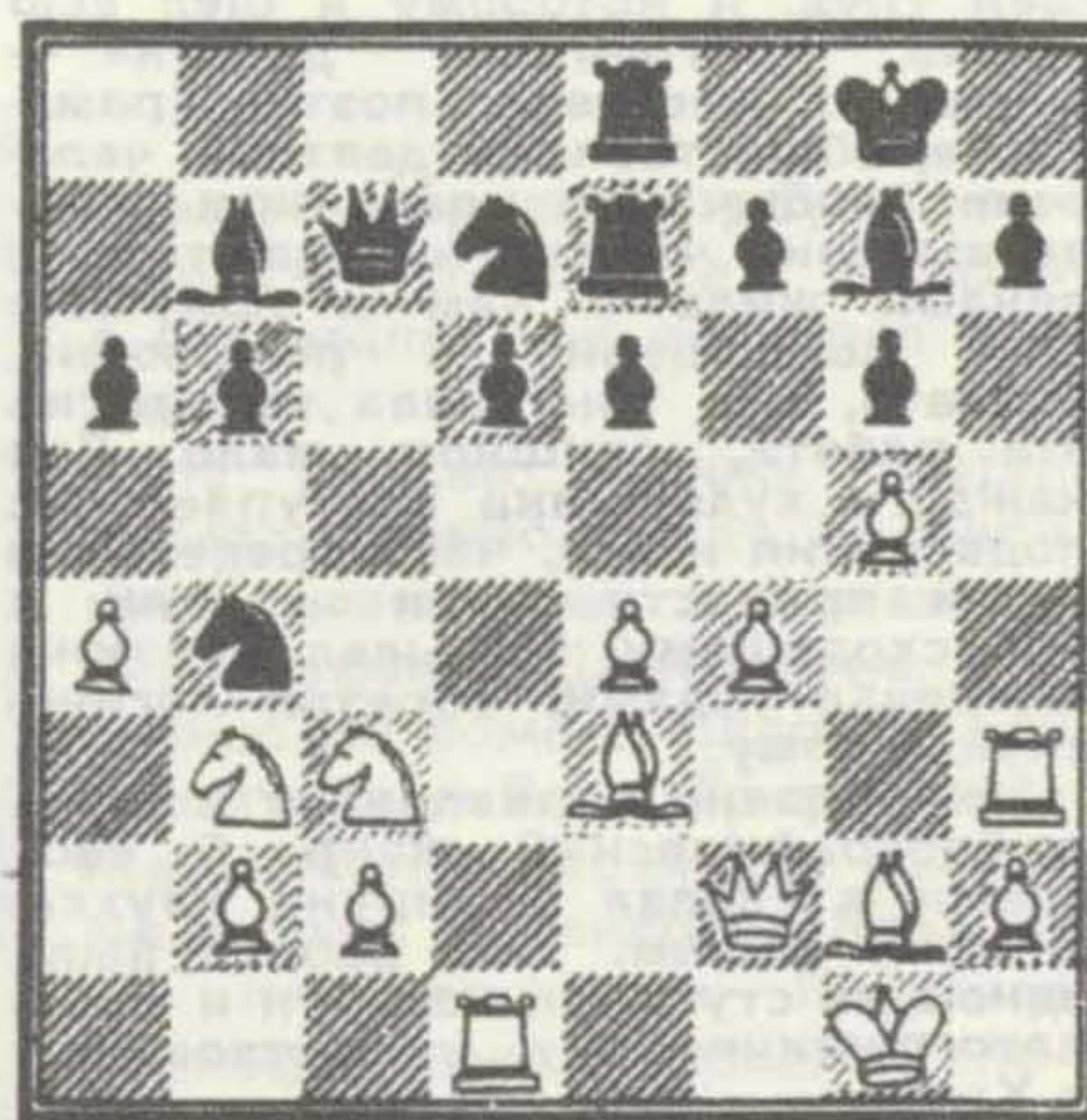
ное равновесие в удобный момент ему не должно было составить труда.

И все же этих достижений могло оказаться недостаточно для успеха, если бы Каспаров хладнокровно переключился на защиту посредством 36... Крg8. Тогда после 37. Лf4 Лfе8 38. Ле:е4 (на 38. Лf:е4 есть красивое возражение 38... К:f5!) 38... с5, черные сохраняли вполне обороноспособную позицию.

Но беда никогда не приходит одна, и Каспаров вновь допустил ошибку, уже решающую. Он сыграл 36... h5+, и после форсированного продолжения 37. Крh5 К:f5 38. Лf5 Лf:f5 39. К:f5 Л:f5 40. Ле:е4 выяснилось, что черные, несмотря на упрощения и размены, беззащитны... Было сделано еще всего три хода — 40... Крh7 41. Ле7 в5 (если 41... Лв5, то 42. а4! 42. Л:а7 в4 43. Крg4/этот ход был записан Карповым), и Каспаров сдался. Чувствительное поражение!

И опять все заколебалось. Особенно после того, как в предпоследний вечер претендент упустил в отлично сложившейся партии заслуженно добытые шансы на победу. Это было уже фатально. Три поединка подряд на последних минутах Каспаров не выдерживал напряжения борьбы — в 21-й и 23-й он в промежутке между 37-м и 40-м ходами лишился перспектив победы, в 22-м чуть раньше ничьей...

Теперь все ставки делались на заключительную 24-ю партию.

Достаточно взглянуть на эту позицию, чтобы понять, как бурно развивались события на доске. Карпов бросил в атаку пехоту на королевском фланге, но несколько обнажил тылы. Каспаров словно бы стеснен на трех последних горизонталях, но его фигуры, как сжатая пружина, исполнены внутренней энергии. И следующий ход

черных подливает масла в огонь. Каспаров переходит в контратаку. 25... f5! 26. g1 (на проходе) 26. K:f6! Типично каспаровское решение! Ради динамизации игры он никогда не останавливается перед жертвами пешек. 27. Lg3 При немедленном 27. C:b6 нужно считаться и с выпадом 27... Kd4. 27... Lf7! 28. C:b6 Фв8 29. Ce3 Kh5 30. Lg4 Иного пути уже нет. На 30. Lf3 очень неприятно 30... C:c3 31. вс Ka2! и неожиданно белые пешки начинают падать словно сами собой. 30... Kf6

Драматический момент

Это молчаливое предложение ничьей с позиции силы определяет кульминацию переживаний для Карпова. Чемпион мира славится своей объективностью, и ему, как никому, было ясно, что скромный отвод ладьи с повторениями ходов после 31. Lg3 Kh5 — по законам шахмат единственное правильное решение. Но законы борьбы диктовали иное. Ничья была признанием крушения надежд, и по своему характеру — самолюбивому и мужественному — Карпов не смел с ней смириться. Превозмогая себя как шахматного стратега и уступая требованиям спортсмена, готового биться до конца, он решается на азартные и обреченные осложнения. Вызывает огонь на себя...

Каспаров скажет потом на пресс-конференции: «Конечно, заманчиво назвать 24-ю партию лучшей в матче. Она была действительно интересной в творческом и спортивном отношениях. Но Карпов не воспользовался возможностью сделать ничью трехкратным повторением ходов, и это нарушило ход поединка. Нужно добавить: «Нарушило логику шахмат, но не логику борьбы...»

Итак, последовало: 31. Lh4 g5! 32. fg Kd4! Может быть, Карпов связывал свои надежды с заманчивым на вид ударом 32... K:e4? Тогда действительно после 33. Ф:f7+! Kр:f7 34. K:e4 его фигуры оживали. Теперь же события развиваются форсированно и не отвратимо. 33. Фd2 K:e3 34. Ф:e3 K:c2 35. Фb6 Ферзь не может покинуть диагональ g1—a7 ввиду страшной угрозы 35... Фa7+. 35... Ca8! 36. L:d6 И в случае 36. Ф:b8 L:b8 позиция белых рассыпалась как карточный домик. 36... Lb7 37. Ф:a6 L:b3 38. L:e6 Материальное соотношение сил для белых вполне приемлемое, но позиция... 38... L:b2 39. Ф:c4 Kph8 40. e5 Спасения уже нет. 40... Фa7+ 41. Kph1 C:g2+ 42. Kр:g2 Kd4+

Этот ход был последним среди нескольких тысяч ему предшествовавших в 72 партиях двух великих шахматистов. И решающим. Карпов сдался. Часы показывали 21.56 9 ноября 1985 года. Наступил исторический момент рождения нового чемпиона мира!

22-летний Гарри Каспаров стал самым молодым в истории обладателем высшего шахматного титула. Его стиль отмечают удивительная самобытность, широта и смелость замыслов, темпераментность и яркость фантазии. Как метко сказал английский гроссмейстер Раймонд Кин, «Каспаров как бы вносит новое измерение в наше понимание шахмат. Его идеи направлены прежде всего на захват инициативы, и для достижения этой цели он не останавливается перед жертвами».

И, кроме того, несмотря на свою молодость, Каспаров уже завоевал репутацию выдающегося исследователя и знатока теории.

В дебютной стадии ему нет равных. Это было одним из важных козырей в единоборстве с Карповым.

При сравнении достоинств соперников не раз отмечалось, что Каспаров сильнее в начальной стадии партии, в середине они примерно равны, хотя и исповедуют различные творческие веры, в окончаниях мастерство выше у Карпова. Но значение этих преимуществ совсем не однозначно. Специфика в том, что без дебюта партии вообще не бывает, без миттельшпиля практически тоже, а вот эндшпили случаются куда как реже...

Гарри Каспаров стремительно эволюционирует — в нынешнем поединке он предстал в новом свете. Играл масштабнее, увереннее, сильнее.

Недавно на лекции меня спросили: как возможна такая метаморфоза? Секрет прост. Мой приятель как-то заметил: «Молодые меняются очень быстро. Пока мы с тобой разговариваем, они растут». А талантливые и того быстрее.

Но Каспарову посчастливилось еще и с наставниками. Он получил замечательную закалку. С юных лет Гарри находился под творческим покровительством мудрого учителя. Он всегда с благодарностью подчеркивает, что его шахматное мировоззрение во многом складывалось под влиянием экс-чемпиона мира Михаила Моисеевича Ботвинника. «Убежден, что пять лет, проведенных в школе Ботвинника (1973—1978), сыграли решающую роль в моем формировании как шахматиста и определили пути дальнейшего усовершенствования». А последний год, как благородно и искренне признал новый чемпион мира на своей первой пресс-конференции, огромную пользу ему принесло творческое общение с Анатолием Карповым. Семьдесят две партии, сыгранные с выдающимся гроссмейстером за сравнительно короткий срок, послужили и накоплению бесценного опыта, и постижению тайн матчевой психологии, и обогащению шахматной эрудиции.

Гарри Каспаров возмужал и как боец. Не случайно дотошные журналисты подметили в его буйной шевелюре седые нити. Выдержать соперничество с чемпионом мира, длившееся более года, и с честью пройти через горнило испытаний по пути, отнюдь не усеянному одними розами, под силу только стойкому характеру. Каспаров уже твердо заявил, что завоеванный им титул определяет не только признание, но и обязанности. И по примеру своего предшественника он будет и активным, и играющим чемпионом. Эта декларация программная, и ее шахматный мир оценил.

...Еще перед прошлым матчем, Каспаров признался, что верит в «роковое» тринадцатое число.

Примета оказалась и впрямь счастливой: Гарри появился на свет в тринадцатый день апреля, достиг вершины своего успеха, став 13-м чемпионом мира, набрал при этом заветные 13 очков, да и год рождения его как шахматного короля — 85-й — в сумме цифр, как он сам подметил, тоже равен тринадцати.

Ставит ли целью Каспаров столько же лет удерживать это звание? В 22 года это не кажется невозможным.

Телефото Рейтер—ТАСС

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ДЮЖИНА

Теперь, когда чемпионат мира по спортивной гимнастике, состоявшийся в далеком Монреале, позади, когда полной победы добились и мужская и женская команды СССР, как-то не хочется разделять результаты, показанные ими: и гимнасты, и замечательные гимнастки были достойны друг друга!

Наша великолепная дюжина завоевала золотые медали в командном и в личном первенстве.

Первыми вышли на помост и начали борьбу за командное первенство мужчины. Наша шестерка, в которую входили такие испытанные гимнасты, как Юрий Королев из Владимира, уже однажды завоевавший абсолютное первенство, и его земляк Владимир Артемов, сразу же заявила о себе как о главном сопернике чемпионов мира — китайских гимнастов, выступавших в первой смене. Если на утреннем соревновании лидером стал гимнаст КНР Ли Нинь, то в вечерней смене лучшие результаты в обязательной программе показали Владимир Артемов, Сильвио Кролл из ГДР и Юрий Королев, а лидером стала команда СССР. После исполнения произвольной программы команда СССР вернула себе золотые медали, оставив на втором месте китайских гимнастов, а борьба за личное первенство завершилась победой Юрия Королева, обогнавшего на 0,3 балла Артемова.

По такому же сюжету развивались события и у женщин. Советские гимнастки завоевали командное первенство, а их спор за золотые медали в личном первенстве завершился тем, что на высшую ступень пьедестала почета поднялись сразу две гимнастки из команды СССР — Оксана Омельяничук и Елена Шушунова.

Заслуживают самых высоких оценок и другие наши гимнасты — в мужской сборной Валентин Могильный, Юрий Балабанов, Алексей Тихоньких и Александр Тумилович, а у женщин — Наталия Юрченко, Ольга Мостепанова, Вера Колесникова и Ирина Бараксанова.

Да, нашим тренерам удалось собрать под знамена сборной действительно великолепную дюжину!

ИСТОКИ ТАЛАНТОВ

В Москве состоялась очередная Всесоюзная выставка произведений самодеятельных художников. Она была во многом такой, как всегда, и все-таки особенной. Все так же полнились полотна светлым, радостным ощущением мирного бытия, поэтично, искренне звучал голос авторов, рассказавших о родном крае, о том, что им самим близко и дорого, все так же непосредственны и человечны их помыслы в выборе тем, сюжетов, почерпнутых в повседневности. Но была еще одна нота, антивоенная, которая звучала во всех экспозициях нынешнего года, — противостояние жестокости, смерти и утверждение счастья доброй, трудовой жизни.

Вводный зал на всех языках планеты славил мир. Солидарностью людей земли, их единодушием в отрицании войны проникнуты работы художников-любителей из социалистических стран, впервые принявших участие в экспозиции вместе с самодеятельными мастерами Советского Союза.

...Обычное, кажется, летнее утро с легким предрассветным туманом, табун, пасущийся на лугу. Ничто как будто не предвещает беды, но что-то тревожит нас в этом знакомом мотиве. Есть беспокойство в резком повороте коня на переднем плане, дернувшегося от звука летящих по небу самолетов, в общем дымчато-сероватом колорите. Оно рождается от магического действия чувства художника, которое вместе с мазками кисти ложится на холст, а затем властно вторгается в душу зрителя. Даже не глядя на подпись, понимаешь, что это не просто зарисовка, что-то здесь должно произойти. «Вторжение фашистов» — назвал свое полотно инженер-строитель москвич О. Войко.

Такое же понимание антигуманной сущности войны в картине «Блокада» кишиневского столяра О. Тихомирова. Классические, строгие линии старинной архитектуры, прекрасные, чистые в солнечный зимний день, и тут же — обессиленные от голода, от стужи люди, едва добравшиеся до проруби, чтобы набрать воды. Все здесь повествует о мужестве, стойкости ленинградцев, о жажде жизни...

Были на выставке залы, называвшиеся Скорбь, Подвиг, Мать, Труд, Земля, Зал героев.

Пожилая женщина на холсте Ф. Байгельдинова «Весть» окаменела от горя, прижимает к груди треугольник письма. Выразительна живопись, ясно читается смысл картины. Большие, натруженные крестьянские руки, глубокие морщины, будто враз прочертившие лицо, сухой, строгий взгляд. Тяжелые угловатые линии складок убора горянки вторят лаконичным очертаниям гор за ее спиной, подчеркивая состояние одиночества и печали.

С этим полотном перекликается «Последнее письмо» М. Калдырбаева. И тут рука, сжимающая листок, черты лица, ставшие суровыми от лихолетья, взгляд вдаль, в того, кто уже никогда не вернется... Схожие темы, близкие решения: страдание одинаково для всех.

С любовью изображают фронтовики своих друзей-однополчан — молодыми, отважными, какими были они весной 1945-го. А рядом — портреты теперь уже поседевших воинов Великой Отечественной сорок лет спустя.

В вихрь ликования сливаются картины, посвященные Победе. На них бойцы пускаются в лихой перепляс, исполняют огненную, стремительную лезгинку — на поляне, у стен рейхстага, там, где застала их радостная весть.

А в картинах сегодняшнего дня жизнь предстает во всем ее прекрасном многообразии: пишет ли, например, маляр из Тюменской области В. Чугунов «Родню» — все свое многочисленное семейство, которое он собрал ласковым весенним днем у большого крепкого дома с расписным крыльцом; или радуется ветеран труда из Мукачева А. Пинтар, что может вот так, как показал на полотне, выехать вместе со своими сыновьями на трех тракторах в поле; или когда учитель Ш. Хведелиани изображает яркое национальное торжество — Тбилисбугу.

— Три тысячи живописных холстов, графических листов, скульптурных и декоративно-прикладных работ создали довольно полное представление о творчестве художников-любителей всех союзных республик, — говорит Николай Александрович Семенов, сотрудник Министерства культуры СССР, которое вместе с ВЦСПС стало организатором выставки. — Люди самых разных профессий, различных возрастов — студенты, токари, летчики, инженеры, учителя, сотрудники милиции, пенсионеры встают перед мольбертом или гончарным кругом, берут в руки резец скульптора, молоточки и пунсоны чеканщиков, склоняются над ткацкими станками или режут линогравюры, чтобы передать свое восхищение тем, что нас окружает, что составляет наше существование. Их произведения пронизаны радостным восприятием действительности, верой в лучшее. Заряд тепла, духовного подъема несут портреты. Как правило, это люди, близкие художникам, — друзья, родные, те, кем они гордятся и восхищаются. И поэтому так одухотворена кисть, так ясен колорит и полнокровны формы, когда, например, ветеран труда А. Кучеренко пишет буковинскую поэтессу Параску Амбросий, а инженер из Татарии А. Зимин создает образ Хакимова, столяра, бывшего солдата Великой Отечественной.

Не зная многих профессиональных приемов, опираясь главным образом на интуицию, художники-любители пишут жизнь такой, какую знают. Их работы очень личные, искренние, и в то же время в них

глубина и правда жизни. Здесь личное приобретает значение общечеловеческого, потому что каждое произведение не просто творческий порыв, желание зафиксировать увиденное, но результат больших переживаний, размышлений; их рождает ярко вспыхнувшие чувства, большой жизненный опыт, голос памяти. Они подкупают эмоциональной щедростью, неожиданностью выражения. Самодеятельное творчество дорого нам и тем, что в нем ощутимо народное начало. Черты традиционного искусства — элементы повествовательности, рассказа с бытовыми подробностями, насыщенный цвет — живут в работах любителей.

Был на выставке и детский раздел, отразивший представление ребят о добре, справедливости. В этих рисунках — любовь к Родине, национальное своеобразие, многие из них посвящены миру и дружбе.

В залах Государственной картинной галереи, где развернулась экспозиция, мы увидели разные почерки, манеры художественного письма, почувствовали связи самодеятельных мастеров не только с традициями, но и с профессиональной живописью, скульптурой, графикой, — ведь многие любители занимаются в изостудиях и кружках, созданных во дворцах и домах культуры, на предприятиях.

«Чудо!.. Сколько талантливых людей в нашей стране. Некоторые работы выполнены мастерски, и не верится, что это любители.

Спасибо большое за вашу работу и за красоту, за радость встречи с вами», — написал в книге отзывов московский педагог А. Петров. Это всего лишь одна запись, но, пожалуй, самая характерная из тех, что сделали зрители.

Сто тридцать работ ВЦСПС закупил для выставочного комплекса в Ливадийском дворце под Ялтой. А пока они составили передвижную выставку, которую уже видели в Горьком, Тюмени и Красноярске, она побывает еще в восьми городах и завершится показом в Ленинграде.

Всесоюзная экспозиция закрылась, но пройдет еще немного времени, и начнутся новые смотры самодеятельного творчества — районные, областные, городские, республиканские, чтобы через два года лучшие произведения снова представили в столице.

— Уже сейчас социологи замечают своего рода бум в увлечении изобразительным искусством, — утверждает Нина Ивановна Лукьянова, заведующая отделом Всесоюзного научно-методического центра народного творчества и культурно-просветительной работы. — Социологический прогноз обещает, что в самом ближайшем будущем этот интерес возрастет. Помните великолепный фольклорный праздник «Лето в Коломенском», проходивший во время XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов? Там действовал Город мастеров — свое умение показывали художники-любители: на глазах у зрителей сплетались в хитрые узоры вологодские кружева, появлялись усольские эмали, узбекская и грузинская керамика, ситцевая набойка из Таджикистана. В Центральном парке культуры и отдыха столицы, в культурно-выставочном комплексе фестиваля тоже работали самодеятельные мастера; во все концы планеты увезли гости сувениры, сделанные их руками.

В Николаевской области на Украине чуть ли не в каждом крупном селе есть центры своего, традиционного для тех мест искусства: где плетение из лозы — корзины, вазы, мебель, где вышивка, соломка, ткачество. Все они входят в творческое объединение «Прибужье». Сельские музеи народной архитектуры и быта создаются в колхозах, рядом с домами культуры, спортивными комплексами. Для них обычно выбирают подходящую усадьбу, реставрируют хату, крышу покрывают, как в старину, соломой или черепицей, для интерьера отыскивают, привлекают ребятишек, давние, забытые предметы обихода, сокровища наших прабабушек — рушники, ткацкие станки, расписные половики. Здесь же размещают выставки; занятия искусством проходят в обстановке почти домашней, а дни ремесел превращаются в настоящие праздники — с музыкой, песнями, с новыми обрядами. Конечно, практическая нужда в предметах, которые делали народные мастера, ушла, но живет потребность в сохранении истоков этого искусства, в его красоте. Не потому ли колодцы-криницы в степи до сих пор украшают узорчатыми деревянными домиками — один затейливей, прихотливей другого, а на вершиях водосточных труб безудержная фантазия кузнецов превращает в сказочные короны. Не зря знаменитый председатель колхоза имени К. П. Орловского в Могилевской области В. К. Старовойтов, мудрый, рачительный хозяин, строя удобные современные коттеджи для колхозников, не скупится на резные деревянные фронтоны, карнизы, наличники — их делают свои, местные мастера. А в городах мы убираем свои квартиры гжелью, хохломой, нарядными жостовскими подносами: эти промыслы возникли из тех же родников, что питают народное творчество.

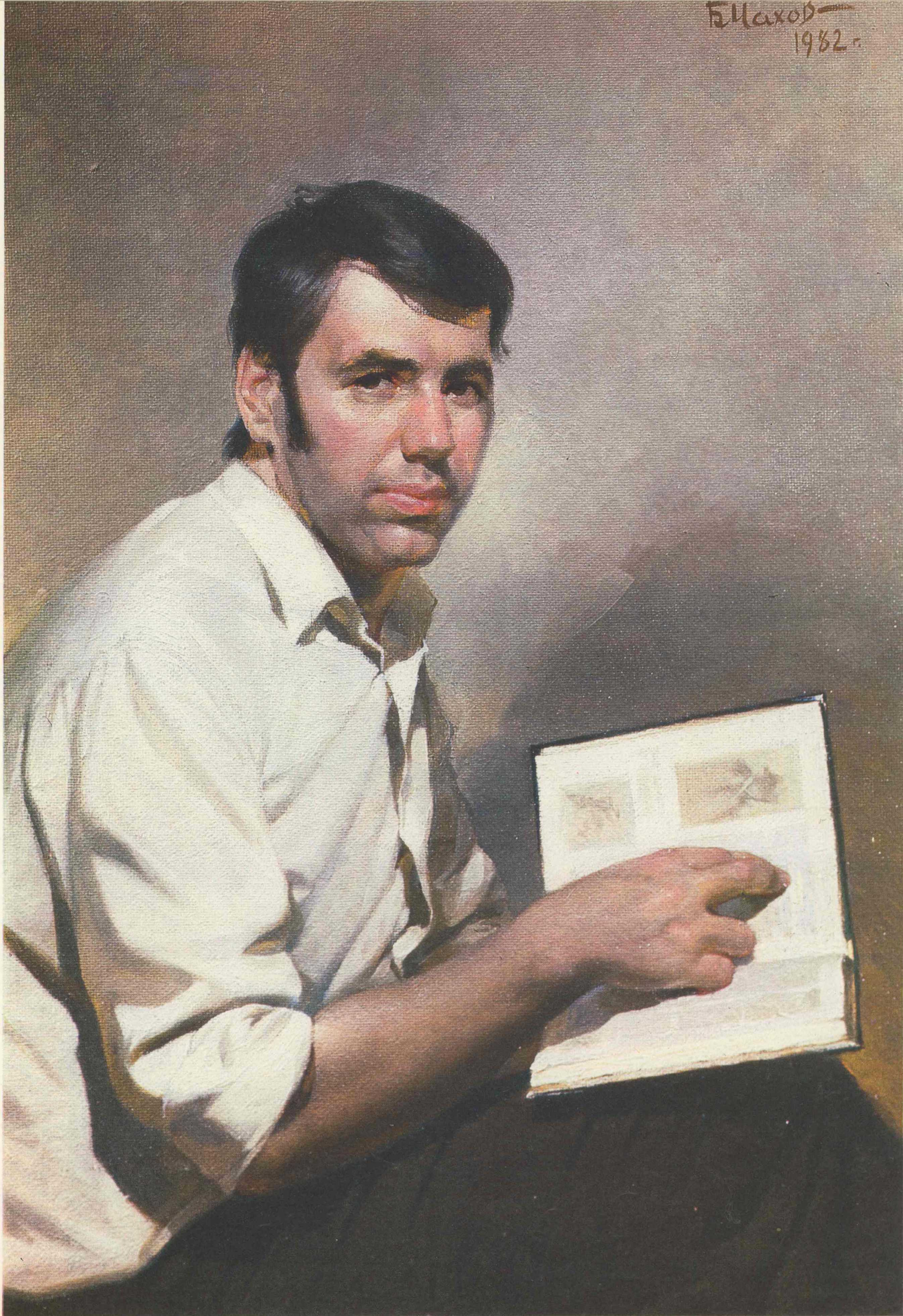
Есть разные формы организации самодеятельных художников. В Литве, например, это Общество народного искусства, которое имеет свой салон, выставку, организует творческие консультации. Все привлекательней становится идея клубов, объединяющих людей по интересам; в них может вступить и художник-любитель, и тот, кто, будучи поклонником искусства, сам не умеет рисовать, лепить или делать декоративные вещи.

За клубами, обществами — будущее, надо только помогать их рождению. Дело за энтузиастами...

Б. Махов (электросварщик, Волгоградская область). ПОРТРЕТ РАБОЧЕГО. 1982.

Всероссийная выставка произведений самодеятельных художников.

Б. Махов —
1982 г.

Б. Махов. ПОРТРЕТ ОТЦА. 1982.

Всероссийная выставка произведений самодеятельных художников.

Мальчик все дальше уходил от дома. Ключья последнего снега синели на дне оврагов, и весь исполнинский лес под хмурым небом был полон загадочного тумана и тихого перезвона капель, летящих с елей на мох и мертвую хвою. Мальчик ждал и верил в чудо. И оно случилось! Туман вдруг раступился за краем просеки, и там, посреди болотца, бесшумно бродил серый журавль. Все в нем было удивительным! Грациозные и хрупкие по сравнению с тяжелым туловищем ноги птицы, казалось, сами выбирали дорогу... Заметив мальчика, птица с плеском и шумом крыльев взлетела и исчезла между деревьями.

Мальчик вернется сюда завтра, послезавтра. Но журавля он здесь больше не увидит никогда. Чудеса не повторяются.

Через 28 лет Александр Николаевич Тихонов, кандидат биологических наук, лауреат премии Ленинского комсомола, скажет:

— Кого первым увидит гусенок, вылупившийся из яйца, того и примет за мать и не отстанет от нее ни на шаг! Думается, что и у детей есть похожие периоды, например, в пору выбора профессии. Встреча с журавлем, наверно, и определила мою любовь к птицам.

Саша коллекционировал перья птиц, зарисовывал птичьи следы. Какое-то время собирал птичьи яйца и гнезда, но это «исследовательское направление» быстро прекратил, причем по собственному почину.

— Мне отвратительно браконьерство, и птицы стали для меня чем-то большим, чем предмет изучения. Но я никогда не относился к ним как к неприкосновенным, священным животным. Между прочим, и охотничий азарт мне не чужд. Все в свое время.

С книгой «Спутник следопыта», альбомом и фотоаппаратом Саша не бродил, не гулял, а именно крался по лесам, стараясь оставаться для птиц незамеченным. Чтобы услышать, как на заре, в строгой очередности, предписанной законами леса, пернатые певцы «выходят на эстраду», приходилось ночевать в лесу.

— Первый раз уж очень страшно стало — сбежал. Потом привык. А сколько мерз, мок, кормил комарье по болотам из-за этих птиц, будь они неладны! — Он смеется.

И сейчас, в 35 лет, не отпускает Александра его юношеская любовь к птицам, кружит по всей стране. Недавно на юге Чукотки, где собираются крупнейшие в мире птичьи базары, его маленький отряд, заброшенный вертолетом, прожил две недели на трехдневном запасе продуктов. Штормило, и ни с воздуха, ни с моря к ним нельзя было добраться. А до этого были камчатские скалы и болота Таймыра, Ямал и камышовые дебри в дельтах Волги, Дуная, Днестра.

В 14 лет Саша Тихонов начал составлять собственный определитель

птиц. Два года ушло на этот труд. Он совмещал его с чтением серьезных трудов по орнитологии. На биофак МГУ Тихонов пришел с уже сложившимися научными интересами.

— Курсовая на третьем году обучения стала моей первой научной работой. Решил повторить опыт, проведенный известным ученым К. Лоренцом на домашних гусях. Он присутствовал при вылуплении птенцов и стал для них как бы матерью. Я же решил «усыновить» потомство дикого гуся — гуменника — мы привезли их из Ненецкого автономного округа, а потом доставить гусят обратно на север и попробовать вернуть их к дикой жизни. Вначале все шло хорошо. Даже на выдавшем виды биофаке нас провожали улыбками, когда я шел по коридору, а за мной гуськом бежали пятеро гуменников. А поторапливал я их вот так, — и Александр, оглянувшись на дверь: нет ли еще студентов, которым он читает лекции на том же факультете, где учился сам, — выразительно прокашлял, подражая голосу гуменников. — Но на родине гуси так и не одичали, а ко мне, повзрослев, стали относиться как к вожаку стаи. Не знал, что с ними делать, когда пришла пора возвращаться в Москву. Для опытов они больше не нужны были, а бросать жалко. Погибли бы. Упросил начальство разрешить взять их с собой. Сдали гусей в зоопарк. Ходил потом, навещал.

— И кто кого первый забыл?

Любимая птица-жаворонок

— Они, неблагодарные...

Окончив биофак, Александр твердо решает изучать звуковое общение птиц. Двигаться в этом направлении он начал от самой пещки — с момента становления голоса у пернатых.

Молодой биолог доказал, что птичья «речь» впервые звучит еще из яйца. Эти щелкающие звуки раньше принимали за проклевывание птенцом скорлупы. Оказывается, между матерью и цыпленком, еще находящимся в яйце, идет настоящий диалог. В ответ на мамин голос дитя чаще дышит, а значит, и щелкает быстрее. При перегреве яйца частота щелчков увеличивается, и мама в ответ отодвигается от яйца. Общаются ли птенцы друг с другом будучи еще в яйце? Вопрос, казалось бы, курьезный. Но ответив на него, Тихонов решил важную биологическую проблему и принес государству прибыли несколько миллионов рублей.

Особо громкие и частые щелчки доносятся в кладке от яйца, отложенного первым и содержащего самого зрелого и крупного птенца. Звуки этого лидера становятся для остальных как бы синхронизирующими сигналами. Подстраиваясь под них, птенцы учащают дыхание, а значит, больше двигаются, что ускоряет их созревание. Таким образом, хотя яйца откладываются птицей с интервалом в сутки, вылупляются птенцы почти одновременно за несколько часов. Это по-

зволяет маме-птице сразу увести новорожденного выводок от гнезда и не метаться между заботой о яйцах и уже вылупившимися птенцами.

Тридцать видов птиц изучил Тихонов, прежде чем убедился в правоте своей гипотезы, а потом вместе с инженерами создал генератор импульсов, который щелкает громче и быстрее самого голосистого птенца. В инкубаторской кладке яиц «электронный лидер» дирижировал хором будущих цыплят, подчинял их развитие единому ритму.

В итоге птенцы вылуплялись за меньший интервал времени. Из каждых 150 яиц это позволяет получить на полтора процента больше цыплят. На тех тридцати птицефабриках, где установили приборы, это дает в год экономический эффект более двух миллионов рублей!

Так же уверенно, профессионально, как рассказывает о птицах, Александр говорит о рентабельности, капиталовложениях, доходах птицефабрики.

— Этот наш прибор «Синхротемп» мог бы быть еще полезнее, если бы нашелся завод, наладивший его выпуск. Очень жаль, что пока «Синхротемп» делают кустарно в нескольких мастерских или мы сами. Вы знаете, насколько прибор облегчает труд рабочих, которым по несколько раз в день приходится обходить инкубаторские кладки и отбирать вылупившихся цыплят? — продолжает ученый. — На большой фабрике это маршрут в несколько километров, а работают там в основном женщины.

Полезной народному хозяйству оказалась и другая научная работа Александра Тихонова. Всего од-

сочками зеркал, на которых играли солнечные лучи. Птицы приходили в панику, когда их ослепляли отраженные вспышки света.

— Скажите, Александр, а над чем вы работаете сейчас?

— Много думаю над системами, которые сегодня могут показаться фантастическими. Например, как создать автоматы, которые распознают звуковые сигналы сельскохозяйственных животных, сами включают подачу корма, воды, регулируют тепловой режим словно по желанию животных.

— Какое вам больше по душе из двух направлений вашей научной работы: прикладное или теоретическое?

— Я их не разделяю. Когда ме-

ному воробышке достаточно попасть в турбину самолета, чтобы турбина вышла из строя. А только снять с самолета двигатель для ремонта стоит 25 тысяч рублей!

Получается, что птицы мешают крылатым машинам. Но как их отпугнуть с аэродромов? Александр и его коллеги записали на магнитофон птичьи крики тревоги. Расставили по летному полю громкоговорители, пустили пленку. Стаи мигом поднялись и... помчались к динамикам выяснять, в чем дело. Несколько раз пугнули так воробышек, но вскоре птицы перестали обращать внимание на предупреждение. Тогда через динамик добавили к оповещению об опасности еще и крик воробья, попавшегося в клюв хищника. Он как бы подтверждал для птиц действительность первого сигнала. Опять эффект был недолгим! И лишь подключение к записи крика хищника — обитателя здешних мест заставило воробышек поверить в подлинность сигналов об опасности, несущихся из динамика. Правда, кое-где даже и это не помогло. Уж очень прельщала воробышек и индийских скворцов полынь, что росла вблизи аэродрома. Заменяли ее верблюжьей колючкой. Подобным же методом хотели отвадить птиц от виноградников. Но здесь добиться успеха помог вращающийся шар с наклеенными ку-

ня спрашивают, какой наукой вы занимаетесь, отвечаю: занимаюсь птицами. Изучаю их поведение. А исследовать — значит не только понять, но и попытаться обратить то, что узнаешь, на пользу людям. Иначе наука бессмысленна.

— Оставляет ли занятие наукой время на другие увлечения?

— Боюсь показаться односторонним, но из прозы чаще всего перечитываю Бунина, Куприна, Пришвина — замечательных знатоков не только человека, но и природы. Люблю стихи Заболоцкого. Не знаю, кто из людей искусства так же знал и чувствовал птиц, как он. Недавно в Москве выступал американский композитор Пол Винтер, представитель так называемого экологического направления в джазе. Он перекладывает на ноты птичье пение, иногда сочетает его с музыкой. Я получил большое удовольствие от концерта.

— Но хоть какое-то хобби, не относящееся к природе, у вас есть?

— По-моему, нет, — смеется Александр. — Разве что с сыном в шахматы играю, он у меня пятиклассник.

— И последний вопрос: кто ваша любимая птица?

— Жаворонок.

— Почему?

— Ну как без него представишь лес, поля, травы, солнце, Россию!

Торопимся на праздник.

Вот это повезло!

Фото Е. КОЗЮЛИ

ЛОТЕРЕЯ, В КОТОРОЙ

Зовем на кирмаш!

Корзины — на любой вкус.

Какая же ярмарка
без цыганской песни!!

Дары полесской земли.

ВЫИГРЫВАЮТ ВСЕ

Эти фотоснимки сделаны в городе, которого... нет. Ни на карте, ни в справочниках. И все же город есть. Как гриб после дождя вырастает он на Полесье, близ Столина, осенью, после уборки урожая. И на один день туда переезжают едва ли не все население райцентра, многие жители здешних мест, а также гости из других городов и сел.

ВОСПОМИНАНИЯ О

Л. Н. Толстой рассказывает внукам Соне и Илюше Толстым «Сказку про мальчика и семь огурцов». 1909 год.

И. А. ТОЛСТОЙ

Исполняется 75 лет со дня смерти Л. Н. Толстого. Мы печатаем воспоминания Ильи Андреевича Толстого (1903—1970) — любимого внука Льва Николаевича. Это ему и его сестре Соне (1900—1957) 18 сентября 1909 года Л. Н. Толстой рассказывал «Сказку про мальчика и семь огурцов».

Воспоминания Ильи Андреевича Толстого на русском языке публикуются впервые.

Мои первые воспоминания о дедушке относятся к пятилетнему возрасту: в то время моя мать¹, сестра и я вернулись в Россию после поездки в Англию. Мы отправились прямо в Телятинки, имение моего дяди Черткова, расположенное в трех верстах от родового имения Толстых — Ясная Поляна. Мы прибыли рано утром, а около полудня дедушка и бабушка приехали навестить нас.

¹ Ольга Константиновна Толстая (урожд. Дитерихс) (1872—1951) — невестка Толстого.

Привыкнув к английскому фасону одежды, я удивился при появлении дедушки. На нем была темная теплая рубашка навыпуск, сшитая на крестьянский манер. Брюки были темные, глаженные и заправлены в голенища черных сапог из мягкой русской кожи.

На этом темном фоне резко выделялась длинная белая борода и седая взлохмаченная голова.

Я знал, что наш дедушка не похож на других людей, но чем, не мог понять и при первой встрече только испытывал благоговейный страх. Огромный незнакомый дом из сорока комнат нам, детям, казался бесконечно интересным для изучения, и с дедушкой мы в тот день больше не виделись.

Последующие годы моего отрочества прошли в соседних имениях моего отца и в Ясной Поляне. Для всех нас стало обычаем, почти традицией подолгу гостить в Ясной Поляне как зимой, так и летом. Иногда мы жили там неделями и даже месяцами. Многие сыновья и дочери Толстого приезжали туда с семьями, и я вскоре обнаружил, что у меня есть много веселых двоюродных братьев и сестер, которые любили повозиться и побегать в длинных липовых аллеях вокруг помещичьего дома или

побродить в мрачных лесах имения. Липы были двухсотлетними, посаженные нашим прапрадедушкой. Они до сих пор составляют одну из примечательных черт имения.

Я помню, что впервые попал в дедушкин дом зимой. Как и во всех русских домах, общие комнаты здесь находятся на втором этаже, а личные комнаты на первом. На следующее утро мы встали рано, но, поднявшись в столовую, нашли там дедушку, который, как всегда, встал раньше всех. Он бодрствовал уже несколько часов, успел позавтракать и собрался на прогулку. На ногах у него были валенки, одет он был в черный короткий полушубок, который носят крестьяне, а на голове башлык, длинные плечи которого обматывали шею и могучие плечи. Позвав с собой любимую сибирскую лайку по кличке Белка, он с тростью в руке отправился на утреннюю прогулку по глубоко заснеженному, молчаливо стоящему лесу. Во время утренних прогулок он обычно доходил до деревни, расположенной у ворот Ясной Поляны. Здесь он останавливался, заходил в чью-нибудь избу, где были болезнь или горе, либо навещал кого-то из бывших учеников. В молодости... он организовал у себя в усадьбе школу для крестьянских детей и всю жизнь живо интересовался теми, кто там учился, будучи особенно заботлив и внимателен к ним.

Почти каждое утро группа крестьян из наших или отдаленных деревень поджидала его, чтобы вместе с ним отправиться на прогулку. Он разговаривал с ними, выслушивал их жалобы, помогал советами, предложениями.

Когда дедушка уходил в кабинет, мы знали, что шуметь нельзя. Детским умом своим мы понимали, что величайшим человеком для всех на свете его делала именно работа за письменным столом. Для нас же он всегда оставался любимым, добрым дедушкой, делавшим такой радостной жизнь в Ясной Поляне.

Многие годы он был строгим вегетарианцем. Я помню, что его любимым блюдом за завтраком была овсяная каша с вбитым в нее одним или двумя яйцами всмятку.

Каждый день, даже в самую ненастную погоду, после завтрака и небольшого отдыха у себя в комнате дедушка отправлялся на прогулку верхом. Доктор Маковицкий, его личный врач и друг, разделявший его взгляды, обычно ездил вместе с ним. Я никогда не пропускал приготовлений к этим прогулкам. Когда появлялись лошади, я спешил во двор. Как хорошо я помню дедушку, который выходит из дома в длинной рубашке, с хлыстом для езды в руке. За ним идет дворецкий с небольшой скамейкой — не более пятнадцати сантиметров. Дедушка разрешает ему посадить меня в седло и сделать мне круг по двору. Это были первые уроки верховой езды в моей жизни, а на следующее лето моя радость стала безмерной, когда дедушка стал брать меня с собой на недолгие прогулки верхом.

Он ехал на красивом гнедом мерине по кличке Делир, английской и арабской крови. Как я любил, когда в лучах яркого зимнего солнца он нервно гарцевал, поджидая седока!

Накануне такого «переселения» повсюду в округе только и разговоров про кирмаш... С грохотом катятся по брусчатке шоссейные телеги, слышится тревожный гомон наживавшихся за лето гусей, побрякивание не менее упитанных уток, глухой перезвон глиняных горшков и кувшинов... Везы эти вместе с автофургонами и палатками райпотребсоюза и становятся окраинами города, имя которому Кирмаш — по-белорусски «ярмарочный праздник». Откуда в «город» ни зайдешь — встают торговые ряды. Чего только тут нет! Работники государственной и кооперативной торговли привезли товары, которые пользуются спросом. У «магазинных» сапог да кофточек появились конкуренты — не менее добротные изделия местных умельцев. Оживленность торгового ряда — от радужного гостеприимства, праздничного настроения, которых, к сожалению, почти не встретишь в магазинах... Как не бывает ни в одном универсаме и таких домотканых ковриков да

вышитых рушников, резьбы по дереву и, конечно, лаптей, корзин, деревянных граблей, дубовых бочек для солений. Просто глаза разбегаются.

В глубине городка — ряды «аппетитные». Они ломаются от даров полесской природы. Будоражат воображение запахи, что доносятся из русского трактира, украинского шинна, белорусской бульбяной, литовской корчмы... Украинцы, что приехали из соседнего Дубровицкого района, на подступах к своему «кварталу» выставили тучные копченые окорока и целиком жаренных поросят. Говорят, что ученые-этнографы начинают свои исследования незнакомо-го быта с типичных для него трапез.

И все же это еще не кирмаш, а только его прелюдия. Праздник начинается, когда все население городка (даже торговые лотки пустеют!) собирается на центральной площади-поляне, где девушка Осень и хлопец Урожай со снопом в руках встречают героев минувшей страды. Им

вручаются пышные караваи нового хлеба... А потом все кирмашовцы направляются к выставке-продаже, которую привезли колхозы района. Присматриваются, приниживают, чего стоят эти картофель, лук, свекла, капуста. Тут же, рядом, таблички с именами тех, кто это вырастил. Отсутствие доклада и звонких рапортов не мешает узнать, как богат Столинский край замечательными людьми. Кирмашовое изобилие, пожалуй, самое веское свидетельство тому, что труженики района добиваются хороших результатов в выполнении Продовольственной программы.

Сноп устанавливается в центре площадки. Обрядом «Полесская жатва» начинается фестиваль самодельного и фольклорного искусства. Чуть поодаль объявляется веселое племя скоморохов, от которых достается и нерадивому колхозному бригадиру, слишком охочему до самогонки, и работникам торговой базы, где растворимый кофе как только прибывает,

Разгоряченные ездой, всадники обычно возвращались после полудня, когда мы собирались вокруг самовара пить чай. Они рассказывали о приключившихся происшествиях, что и кого видели, а также местные новости, которые им довелось услышать. Дедушка редко пил чай; он быстро уходил к себе в кабинет работать или, возможно, просто подумать и помечтать.

В Ясной Поляне не было дня, чтобы наша семья насчитывала менее двадцати человек; людей там часто бывало много больше. Здесь собирались тети и дяди со своими семьями, другие родственники и друзья из ближайших имений, посторонние — известные люди литературного и музыкального мира. Было много иностранцев, приехавших издалека с единственной целью увидеть того, кого они почитали святым.

Это были великие умы современности, приезжавшие в далекую лесную российскую глушь только для того, чтобы обменяться мыслями с дедушкой. На этих собраниях за обеденным столом нам, детям, говорить не разрешалось, мы должны были сидеть тихо и во время длительной трапезы, и во время еще более длительных споров. Я очень гордился дедушкой, потому что, когда он говорил, его все слушали, а многие незнакомые люди что-то писали в блокнотах или на листах почтовой бумаги, которые они прятали под столом на коленях, записывая каждое произнесенное слово.

По вечерам в Ясной Поляне беседовали и веселились, что было достойным завершением радостных, наполненных трудом дней. Когда у нас гостили музыканты, что случалось часто, потому что дедушка любил музыку, то вся семья и гости рассаживались группками в большой гостиной и наслаждались волнующей душу мелодией, которой наполнялся дом. Помню, что в такие вечера дедушка обычно садился поодаль и, слушая музыку, рукой прикрывал глаза от света. По окончании, когда он опускал руку, на его щеках иногда блестели слезы. После ухода музыкантов он часто подходил к фортепьяно и одним пальцем подбирал какую-нибудь понравившуюся ему мелодию. По вечерам, когда гостей не было, мы, дети, собирались за столом красного дерева в углу той же большой гостиной, а бабушка приносила бумагу, клей, ножницы и акварельные краски. Очень скоро стол покрывался фигурками необычных людей и забавных маленьких животных. У бабушки были умелые руки. И маленькие фигурки казались нам совершенно живыми. Бабушкины руки не знали отдыха. Она рисовала, долгие часы проводила за столом, разбираясь с делами по дому и имению, часами кропотливо редактировала огромные сочинения дедушки.

Любимым дедушкиным развлечением были шахматы, хотя он всегда немного смущался, признаваясь, что любит выигрывать. Иногда он пододвигал к себе небольшой столик с двумя свечами, горевшими на нем, и раскладывал карточный пасьянс — еще одна игра, которую он любил. На столе стоял колокольчик в форме черепахи. Я любил вечера, когда он нахо-

дился там, потому, что, входя поцеловать дедушку перед сном, я всегда просил его позвонить в колокольчик. При этом он обычно говорил мне несколько слов, таких простых и нежных, что они наполняли меня спокойным счастьем, заставляя желать наступления следующего столь же замечательного и незабываемого дня в Ясной Поляне.

Лето всегда пролетало слишком быстро. Это была свободная жизнь на открытом воздухе — трапеза на широкой веранде или прямо под деревьями, поездки в соседние имения, прогулки в лесу, купание в реке или же пикник в каком-нибудь красивом и интересном глухом месте.

Дедушка любил детей, и мы принимали участие во всем, что делали взрослые. Мы все отправлялись на пикники — дети на длинной линейке с сиденьями по обеим сторонам, так что пассажиры сидели спиной к спине. Тройка самых крупных и лучших лошадей впрягалась в эту повозку. Бабушка, дяди, тети, двоюродные братья и сестры и гости следовали в открытых экипажах. Дедушка, доктор Маковицкий и другие обычно присоединялись к нам в условленном месте после прогулки по лесу верхом.

Как и во многих странах, рождество в России самый радостный праздник для детей. Я очень хорошо помню волнение, когда обе половинки дверей гостиной были открыты и мы смотрели на ярко освещенную елку. Вид красивой елки из нашего леса в свечках и серебряных украшениях завораживал нас, лишая дара речи.

На елку приходили также крестьянские мальчики и девочки из имения и соседней деревни; поначалу они держались робко, неловко чувствуя себя в костюмах ярких цветов и жестких новых валенках. Многим из них костюмы не подходили по размеру, потому что были взяты на вечер у старших братьев или сестер. Мало-помалу скованность проходила, особенно когда каждому вручались мешочки с конфетами и подарки, и мы забывали себя от радости, делая всех окружающих счастливыми.

Однажды в конце осени 1910 года мама нам очень строго сказала, что дедушка уехал из Ясной Поляны на поезде. Скоро стало известно, что он больной лежит в доме начальника станции в Астапове. Следующие несколько дней были мучительными. Повсюду, у моего дяди, в Ясной Поляне и в деревнях, стояли группами люди, будто боялись остаться одни. Казалось, все покрыла черная туча — все ждали новостей и боялись их услышать. Мама попрощалась с нами и уехала к дедушке, но не доехала до него, когда стало известно, что он умер.

Тело дедушки привезли в товарном вагоне на станцию Засека, что верстах в шести от Ясной Поляны. Из-за огромного скопления народа, собравшегося на станции, мы не могли поехать туда. В Ясную Поляну мы выехали от Чертковых рано утром. Холодное, унылое, пасмурное утро подступающей зимы, ухабы промерзшей дороги, похрустывание тонкого льда, затянувшего лужи, наше молчание — все действовало на меня угнетающе.

Такой праздник на Столинщине — в пятый раз. Ну, а когда же был самый первый в этих местах кирмаш? «Возрожден осенью 1981-го», — ответил заведующий отделом культуры райисполкома Александр Стовба. Сказал и вдруг смутился. Слишком нелепо прозвучала такая «дата рождения» старинного народного белорусского праздника, которому сотни лет.

Кирмаш — это и мощный стимул развития народных художественных промыслов, широкая аудитория ценителей самодельного творчества.

И, конечно же, при этом не забывают и об экономике. Не зря так заинтересовался праздником Белкоопсоюз. Только в Столине торговый оборот за один осенний день вырос со 160 тысяч рублей в 1981-м до 450 тысяч в последние годы.

Но главное, чем окупает себя этот день, не деньги. Радость, которую он дает. И след от нее

Когда мы проезжали по деревне, то заметили необычно много людей, вышедших на улицы; но их было слишком мало по сравнению с тысячами, собравшимися на станции и вдоль дороги. Казалось, правительство больше боялось мертвого Толстого, чем живого, и поэтому останавливало специальные поезда, везшие студентов на похороны, а вдоль дороги, по которой должна была пройти процессия, расставило конную полицию.

У старых круглых башен, ворот Ясной Поляны, мы вышли из повозки и ждали приближения процессии.

Наконец мы увидели, как медленно двигавшаяся толпа народа спустилась с отдаленного склона и направилась через дорогу прямо к нам. Когда они подошли ближе, мы услышали торжественное пение замечательной «Вечной памяти» — сначала только как глубокий стон, доносящийся из окружающего леса, затем громче и громче, пока мощностю звуков не стала похожей на звуки огромного органа. На склоне холма мы видели полицию, высланную правительством. Но единственное чувство в душе каждого было чувство глубокого горя.

Крестьяне из деревни Ясная Поляна шли впереди траурной процессии, неся сделанные ими полотнища, на которых в основном была одна надпись: «Вечная память нашему любимому учителю Льву Николаевичу от осиротевших крестьян Ясной Поляны». Многие скорбящие так плакали, что друзья должны были вести их под руки, когда они подходили отдать последние почести. Родственники и близкие друзья несли открытый гроб — останки нашего дедушки.

Гроб был установлен на первом этаже, в комнате для приезжающих. Дверь, ведущая в сад, была отворена, и полные благоговения люди шли и шли мимо открытого гроба. Помню, как я стоял будто во сне с мамой в этой комнате, оцепеневший и смущенный массой незнакомых лиц.

Некоторых из них я помню и сейчас: убитые горем старые крестьяне, давшие волю неподдельному, безутешному горю.

Простые похороны были без церковного обряда, как хотел дедушка. Процессия двигалась к лесу, к девяти дубам, которые дедушка так любил. Ребенком он играл здесь со своим старшим братом Николаем, которого обожал. Всю жизнь он любил приходить на это место, уединенное и спокойное. Он выбрал его как свое последнее место успокоения.

Студенты встали в цепочку по обе стороны процессии, и, пока мы шли, они тихо пели. У могилы кто-то стал произносить речь, а остальные стояли, обнажив головы, в полном молчании. Многие забрались на деревья, чтобы лучше увидеть и услышать. Когда говоривший замолк, все опустились на колени и еще раз запели «Вечную память».

Вступительная заметка,
перевод с английского и публикация
В. АЛЕКСАНДРОВА,
научного сотрудника ИМЛИ
имени А. М. Горького.

так и растворяется... От души хохочут полешуки.

В этом городке принято то, что не всегда уместно в городе по соседству, где живут в остальные дни года. Здесь можно «валить ваньку», знакомиться «на улице», петь-танцевать без всякой причины, просто так...

Каждый шаг — как поворот калейдоскопа: открывается новое захватывающее зрелище. Вот звенит гонг на птичьей аукционе: «Кто больше?» Дети толпятся у сказочного шатра «озера», из которого можно выудить самую красивую игрушку. Местные модницы собрались у настала, где районная служба быта показывает, что значит сегодня одеваться современно. Ведут перепалку юмористы-частушечники. Поют дуэтом скрипка и гармонь — показывают свое мастерство деревенские музыканты. Столб с подвешенным наверху призом напоминает огромный вопросительный знак: кто он, тот удалец, который заберется на самый верх?

долгий. Кирмаш потом весь год вспоминают. После такого праздника легче поднимать на плечи будничные хлопоты.

Однако вернемся в необычный «город»... Крутится-вертится калейдоскоп праздника, бурлит, переливается всеми цветами радуги кирмаш. Особенно людно у киосков беспроигрышной лотереи. И хоть давно я не верю в лотерейное счастье, но, завидев, как оно привалило моему соседу по очереди — выиграл бычка и потянул его в родную деревню, — тоже покупаю билет. И получаю... яблоко. Приз «утешительный». Но утешения и не нужно. Я ведь выиграл! И праздник выиграл.

А много это или мало — судите сами.

Виктор ЖУК

Брестская область.

Поселился я в этой гостинице днем, а вечером, вернувшись в номер, увидел, что в раковину сбегает струйка воды...

И началось мое сражение с водопроводным краном. Крутанул вентиль — никакого внимания. Завернул его еще туже, вода течь вроде бы перестала, но...

Кап-кап-кап...

Понял, полностью усмирить кран не удастся, и подставил под него большой графин, который по замыслу здешнего начальства должен был скрасить казенный уют комнаты.

...А ночью мне явилась тень куратора древнеримского водопровода Секста Юлия Фронтини. Хозяйственник сетовал на нежелание гордых римлян беречь воду, на их наплевательское отношение к проблемам большого города. Я от души ему посочувствовал, а когда проснулся, увидел: накапало столько, что вода переливается через край. Вызванный на помощь слесарь-сантехник начал менять в кране прокладку.

— Предложить бы всем людям, у которых краны худые, — разговорился слесарь, — доплачивать за воду ну хоть по полтиннику. Тогда сообразят, что надо заботиться о том, чтобы вовремя дать заявочку на замену прокладки.

же, сколько сотни литров питьевой воды — бесценного дара! Цена на воду у нас не коммерческая, а щадящая. И — развращающая. Ведь эта дешевизна породила непозволительную «щедрость» в расходовании воды.

Научно-техническая революция упразднила старый, но верный водяной счетчик — колодезное ведро. Сколько принес, столько и истратил. Теперь вода рядом. Повернул кран — и тугая струя ударила по фаянсу раковины, только успевай поворачиваться.

— Есть разумный норматив расхода воды для каждого города, — говорит заместитель начальника Главмосжилуправления В. З. Заварцев. — Для москвича он составляет 220

какая ущербность образовалась при литье...

Собрать бы воду, что теряется в стране из-за всего этого, что уходит зря у рассеянных жильцов, — целая река получится. Может, даже судоходная.

Миллионы рублей уходят в никуда.

— Не миллионы, а миллиарды, — поправили меня в Научно-исследовательском институте коммунального водоснабжения и очистки воды. — Около двадцати одного процента — пятая часть питьевой воды не используется по назначению.

Вот мы и установили две основные причины потерь воды — ненадежный кран и беспечность тех, кто воду льет без счета, часто без надобности. С «щедростью» за счет общества мириться не хочется, но раз у человека нет совести, то это надолго. А вот с сантехникой разобраться можно, ведь не мы для нее, а она для нас.

Есть ли у эксплуатационников выбор смесителей? Существует ли какое-нибудь разнообразие, соответствующее условиям использования и природным особенностям местности? Какие краны зарекомендовали себя надежной службой?

— Выбор? — удивились в ДЭЗ-14 Первомайского района столицы и показали ту же «елочку».

— Надежны ли? — переспрашиваю директора магазина.

— Это уж как повезет. Советую перед установкой смеситель разобрать и проверить.

— Дефицит? Ненадежная работа? — изумился главный инженер Главсантехпрома Министерства промышленности строительных материалов СССР М. Н. Алфимов. — Наши заводы выпускают три четверти всех смесителей, почти половина продукции идет со Знаком качества. Ни один из приборов не выходит с завода без испытания. Любой из них рассчитан на 150 тысяч циклов. У нас самое надежное оборудование...

А миллионы кранов твердят свое: кап-кап-кап.

Михаил Николаевич устало потянулся за сигаретой:

— Резинка, понимаете, резиновая прокладка там стоит, и никуда нам от нее не деться. Каблук на ботинках от ходьбы изнашивается, но вы на него металлическую подковку можете набить. А мы резиновому клапану подковки не набьем. Истирается резина...

Пятнадцать лет... Сколько же за эти годы воды потеряется из-за такого «вечного» крана? Я прикинул на калькуляторе, ужаснулся — по золотой цене шел кран!

Неужели нет более надежных конструкций? Ведь проблемой занимаются Минстройматериалов СССР, Минжилкомхоз РСФСР и Госгражданстрой. Они разработали программу повышения качества сантехники. А в Научно-исследовательском институте санитарной техники мне показали более надежные и совершенные конструкции.

Вот смеситель с одной ручкой, которой регулируются и температура воды, и напор. Его конструкторы сумели обойтись без резиновых прокладок. Правда, такой смеситель дороже «елочки», требует высококачественных материалов, точности в изготовлении, но, по отзывам, значительно надежнее и удобнее в эксплуатации. Вот смеситель так называемого порционного действия. Нажал кнопку — вода течет 20—30 секунд; хотите пользоваться дольше — нажмите еще и еще раз. Принцип ручкомойника плюс сегодняшнее инженерное решение. Здесь часть деталей пластмассовая, это, само собой, снизило стоимость прибора. Оснащение аэратором (это небольшой наконечник, насыщающий водяную струю воздухом) дало тридцатипроцентную экономию воды. В приборе конструкторам удалось много снизить износ резины...

Работают над проблемами кандидаты наук, конструкторы, инженеры ВНИИсантехники, производственники ломают голову над переоснащением заводов, снабженцы «выбивают» фонды на материалы... Но лишь в перспективе планируют полностью перейти на производство арматуры новых образцов. А пока?.. Пока капает вода из кранов: кап-кап-кап...

— Почему бы этот «налог» не переложить и на сантехников, да и на тех, кто сконструировал и выпустил такую аппаратуру? — возразил я. — Нельзя же от каждого требовать знаний и навыков слесаря.

Хотя, если в квартире обнаружится утечка газа, каждый поспешит вызвать аварийную команду, и она немедленно приедет, даже маячком в пути помигает: авария, дайте дорогу. А вода из крана течет — привычное дело.

...Стакан подкрашенной сиропом газировки стоит столько

литров в сутки. Это поднятые на ваш этаж 22 ведра питьевой воды. Пейте, купайтесь, стирайте! Но вот беда — оказывается, и этой воды мало. Почему? Большая часть пропадает из-за несовершенного оборудования. Один из самых распространенных смесителей для мойки — «елочка». Он рассчитан на 15 лет работы, но говорят, что может прослужить гораздо дольше. На практике же часто не так. Установили смеситель, а он через неделю потек: то прокладка с дефектом, то резина неплотно прилегает, то в металле

— Наша потребность в оборудовании для ремонта удовлетворяется на двадцать — двадцать пять процентов, — говорит заместитель начальника Главжилуправления Министерства жилищно-коммунального хозяйства РСФСР Н. Ф. Поспелов. — Какой уж тут выбор! Добывать, а порой и изготавливать краны приходится на наших производственных базах. И получается продукция заметного дорожее.

...В магазине «Сантехника» я увидел несколько типов довольно дорогих смесителей.

КОСТОМУКША:

Город на земле Калевалы

**Когда не срабатывает
человеческий фактор**

**Не только окатыши,
но и фарфор**

**РАДОСТИ,
ТРЕВОГИ,
МЕЧТЫ...**

**Галина КУЛИКОВСКАЯ,
фото Алексея ГОСТЕВА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»**

ГОРОД

Чем очаровывает Костомукша? Благодатной тишиной, которая воспринимается в современном городе как нечто нереальное; воздухом кристальной чистоты, богатством сохраненной природы и целесообразностью планировки, которая при всей своей продуманности не навязчива, а натуральна, естественна, как сосны и ели, глядящие в окна, как валун, похожий на спящего медведя, что для колоритности пейзажа оставлен на лужайке. Вот аллея, вот плавное закругление стоянки для автомашин, мотоциклов и мопедов, вот детский городок...

Акционерное общество «Финнстрой», принимавшее участие в сооружении комбината и города, выпустило красочный буклет, который так и называется «Костомукша. 1-я, 2-я и 3-я очереди». Все схемы буклета на сочном зеленом фоне. Зеленое царство с вкрапленными в него синими будинами больших и малых озер, которые здесь ласково по-карельски называют ламбушко, ламбияно...

Черника, брусника? Пожалуйста, они в пяти минутах от подъезда жилого дома. Да и сам дом вынырнул из соснового бора неожиданно, будто корпус санатория, а ведь он не так уж мал — пять этажей. Рыбалка? Будьте добры, садитесь на весла или ставьте паруса, и желаем вам удачи. Но только чтоб не моторки и не катера... Выход в воды озера Контонки на них категорически запрещен — тут суровы правила по охране окружающей среды. А летом... Купаться? Милости просим: вот он, пляж с песочком и благоустроенностью ничуть не худшими, чем в Юрмале. Словом, город-курорт и содержится как подобает уважающим себя курортам, в чистоте, к чести горожан будь сказано, и величайшей опрятности. Вы не увидите на его улицах ни мусора, ни изуродованных многократными строительными переделками тротуаров и аллей.

В старинных городах жители превращают свои любимые улицы, хранящие запечатленный в камне облик эпох, в пешеходные. Горожанам Костомукши по-

вполне понятным причинам ее малолетства — в мае ей исполнилось всего два года — не пришлось этим заниматься: они предусмотрели такую магистраль заранее. Может быть, еще на ватмане проекта. И назвали ее улицей Первооткрывателей. Тонкой, почти километровой стрелой круто взлетела она вдоль озера в самом центре города. Наверху, на горе венчает ее монумент советско-финляндской дружбы и плодотворного добрососедского сотрудничества двух стран. У подножия двух фигур, тесно ставших друг к другу, не согнувшихся под тяжестью плиты на плечах, — постоянно живые цветы. Отсюда, с вершины, прекрасно обозревается живописная перспектива города, воздвигнутого, как и комбинат, усилиями тысяч советских и финских рабочих и инженеров.

Пешеходную улицу с полным на то основанием можно было бы назвать улицей Детства. На ее стороне, противоположной жилым домам, детские сады, за ними школа. И нескончаем вверх-вниз к магазинам, поликленике, почте, что на горе, поток колясок разного типа. Это единственный вид транспорта, разрешаемый здесь и весьма распространенный в Костомукше. Родилась даже шутка: «У нас больше колясок, чем пешеходов». За ней видна и проблема: многие мамы сидят дома. Вынуждены сидеть. Детских садов не хватает. Рождаемость бурно растет. А местные строители вовремя не набрали нужный темп и теперь не успевают строить не только детские учреждения и объекты социальности, но и жилье — тут много очередников. По первоначальным планам жилья хватало бы для горняков и рабочих комбината. Но им пришлось потесниться — нужно было предоставлять квартиры врачам, учителям, поварам, продавцам. Молодых специалистов, приезжающих из других комбинатов, в общестиях и «малосемейках» не удержишь. Вот вам и вторая проблема, о которой мы узнали, разговаривая с симпатичной мамой, спустившейся с двумя малышами с горки.

КАК НАШЛИ ЖЕЛЕЗО

Внизу, неподалеку от здания Дворца культуры, в которое упирается пешеходная улица, мы расстались. Наша попутница пошла в магазин, а мы задержались у громадной глыбы руды, водруженной на зеленом ковре газона. Вот он какой, железистый кварцит, вызвавший к жизни в северном краю этот красивый, если употребить аналогию с городами-садами, город-бор. Вспомнились песенные строки бессмертного эпоса, строки Руны; Вайнямейнен рассказывает о том, как нашли железо на земле Калевалы. Оно ведь пряталось «в зыбких топях и болотах». Так где же ему быть, как не в Костомукше, само название ко-

торой толкуется как гнилое болото?

Вспомнился будущий кузнец Ильмаринен из «Калевалы». Вблизи болота поставил он свое горнило, железо «потащил из почвы черной», прямо в кузницу доставил... Впрочем, это могло произойти и не в Костомукше, а в каком-либо другом месте... Но что именно в этой деревне гениальный народный поэт, так сказал об Элиасе Лённротте М. Горький, записывал в 1837 году песни, доподлинно известно.

Дощечка на черной глыбе гласит о том, что она здесь в честь первооткрывателей, современных ильмариненов. К сожалению, их имена тут не значатся. О них рассказывают документы в музее.

Пилот А. Попов, штурман С. Верещагин, геофизик З. Макарова. Это они с помощью первого в мире аэромагнитометра, изобретенного ленинградским профессором А. Логачевым, первым послевоенным летом 1946 года по заданию экспедиции совершая облет Калевальского района, выявили здесь мощную магнитную аномалию. Уже зимой здесь работала поисково-разведочная партия геолога П. Иванова, подтвердившая рудный характер аномалии. Выходы железистых кварцитов были обнаружены на глубине полутора метров. А первую скважину весной 1947 года пробурил Василий Иванович Макарьин. В том же году по представлению Министерства геологии СССР и правительства Карелии профессору Логачеву была присуждена Государственная премия. Сегодня мы знаем: за открытие Костомукшского месторождения Государственной премии 1985 года в числе других удостоены и З. А. Макарова, и П. И. Иванов, и В. И. Макарьин... Кстати, Петр Иванович Иванов специально приезжал на открытие этого памятного знака. А В. И. Макарьин, мастер буровых дел, и поныне живет тут, на Интернациональной улице, что за Дворцом культуры.

Квартира Макарьина напоминает музей: в прихожей — необычная ваза, в комнате — торшер из ольховой коряги, на телевизоре — изящная колокольня, на полках — черт, стерегущий шкатулку из березового нароста... Чего тут только нет!

— Когда же успеваете все это сотворить?

— У нас вахтовый метод. Четыре дня на буровой — три свободных. Вот и занялся. Я еще книги читать люблю... — Голос у Василия Ивановича тихий, незвонкий, как у человека, прошедшего большую часть своей жизни в лесах. И родился он в лесном городке Вельске, на Архангельщине, известном своими лесобазой и запанями.

— А как на буровую попали?

— В сорок пятом меня призвали, но не на передовую, война шла

к концу, а на трудовой фронт. Поработал немного в Петрозаводске, потом направили в поисковую партию. Искали руду. Очень нужно было Ленинграду железо. А в сорок седьмом приехал сюда, в Калевальский район. К Костомукше добирались лошадами на санях. Помню, стоял март, но зима не сдавалась. Бездорожье, глухомань...

— Где же была ваша, та самая первая скважина?

— Там, где сейчас карьер. Но она не вышла на руду. У нас были две бригады. Мы бурили нечетные скважины. Вторая — четные. Ей больше повезло — попала на железо. Но зато третья по счету, наша, оказалась на рудном теле. С той поры и Костомукше я прикипел, жену себе здесь нашел. Мария Ивановна моя — карелка, Кивисало ее фамилия. Тут и родилась, в самой Костомукше. Она у нас на буровой верховым работала, свечи научилась опускать. В пятьдесят четвертом партию закрыли. Мы с Марией уехали. Вернулись, как только услышали, что другая геологоразведочная партия, которая обосновалась недалеко от Ледмозера в поселке Заречном, возобновила там работы. В этой партии я и работаю последние пятнадцать лет. Так что считаю себя аборигеном здешних мест. Люблю наш город. На пенсию вышел, но продолжаю работать с геологами. Не на буровой... Плотничаю теперь. И сыновья тут. Дмитрий — крановщик. Леонид — шофер.

На этой же улице, не зря она называется Интернациональной, живет агломератчик И. Н. Салайчук, родом с Украины; водитель стодеятитонного БелАЗа Г. А. Гаврилов из Великих Лук, он член Президиума Верховного Совета Карелии; бригадир обжиговой машины, депутат Верховного Совета СССР, белорус В. З. Сычевский... Вообще среди тридцати тысяч жителей этого городка можно встретить представителей пятидесяти народов и народностей нашей страны. Со всех концов страны торопились в Костомукшу специалисты городов Рудного и Кривого Рога, Старого Оскола и Урала — надо было помочь быстрее стать на ноги новому комбинату.

ГОК

...И получился комбинат под стать городу. Десятки корпусов главного и вспомогательного промышленного назначения, сооруженных по строгим правилам современного дизайна: светлый низ и темно-терракотовый, темно-вишневый или даже темно-коричневый верх из профилированного металла. Даже эстакады и теплотрассы выдержаны в этой гамме: темно-красные фермы и серебристо-белые трубы. Нетрудно представить, как мажорно все это выглядит на зеленом или белом фоне в тусклый короткий день под северным небом.

Добротностью отделки и продуманностью интерьера отличаются и внутренние производственные помещения. Тут преобладают тона светлые, даже белые. Но если в пультных, операторских и диспетчерских залах с дисплеями

и экранами они закономерны, воспринимаются как само собой разумеющееся, то что тогда сказать о цехе по производству окатышей с белыми стенами и белыми колоннами? Поясним: в этом цехе обжиговые машины работают на мазуте. Да-да, на мазуте. Кому не известно, сколько копоти, сгорая, выбрасывает эта черная жидкость, остающаяся при перегонке нефти? Самое же удивительное, успели мы заметить, в том, что стены и колонны в корпусе продолжают оставаться белыми. Это «секреты» начальника цеха В. И. Ивина, его помощников, рабочих и специалистов.

Невысокий, седоватый, в очках, он так углубился в чтение бумаг, которые держал в руках, что почти не был виден из-за большого стола в своем просторном кабинете. От его сосредоточенности не осталось и следа, когда по праву хозяина он повел нас, гостей, по участкам, показывая и объясняя.

— Вот только сейчас стал ходить чистым, а то залезешь, бывало, в утробу обжиговой машины, смотришь, как там все... И вспотать некогда было. Не давался нам мазут. Нигде, ни на Соколовско-Сарбайском ГОКе, ни на уральском в Качканаре, я уж не упоминаю южные ГОКи и центральные, нигде и никто не работает на мазуте. Все на природном газе. Пробовали освоить мазут кустанайцы и качканарцы — не получилось. К Соколовке срочно подтянули газопровод. Качканарцам дал газ Нижний Тагил — они рядом. А в Карелии газа нет, эта проблема не решится и в ближайшем будущем. Газ может прийти только из Ленинграда. Для нас голубой огонек — голубая мечта... Выхода у нас не было, как нет и сейчас. Бились мы, бились... Только перед самым запуском первой обжиговой машины удалось «приручить» мазут.

Ивин наконец остановился на верхней площадке, и мы перевели дух. Открыл небольшое окошечко в горне обжиговой машины, и мы увидели ярко-мандариновые шарики, движущиеся по конвейеру в таком же ярко-мандаринового цвета пламени. В этом пекле все было раскислено, и трудно было поверить, что источник этого ровного чистого огня — черный мазут...

— Вот видите — не дымит и не пахнет. И серы не чувствуется. Ни-ни, — сиял начальник цеха. — Тепло у нас — это есть. Но тепло чистое, без убийственного «амбре»...

«БЕРУ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НА СЕБЯ!»

Мы все же попросили, когда вернулись в кабинет, рассказать об истории приручения мазута.

— Существовало два проекта по применению его для обжига окатышей: разработанный Всесоюзным НИИ металлургической теплотехники в 1964 году, правда, подправленный, залатанный, тот самый, который, к стыду их творцов, провалился на Соколовско-Сарбайском ГОКе; и зарубежный проект. Минчермет и Минмонтажспецстрой категорически настаивали на отечественном варианте: времени оставалось мало. Пришлось подчиняться. Но когда привезли и смонтировали оборудование для подготовки и подачи мазута, то конструкция получилась столь громоздкой и неуклюжей, — «коровой на бане» прозвали ее наши остряки, — что вызывала сомнение в ее работоспособности. Но самая главная беда была в том, что она действительно оказалась ненадежной. Мазут выбивало. Не были автоматизированы подача горючего, управление горелками и контроль за работой всей системы.

Ивин, поддержанный дирекцией

ГОКа, настаивал на необходимости срочной закупки за рубежом горелок со всеми системами автоматики и арматурной станцией. Противников было много. Сомневались, удастся ли привязать дорогостоящую зарубежную технику к мощной уралмашевской обжиговой машине. «А если не получится, кто будет нести ответственность?» Именно так был поставлен вопрос на одном из совещаний. И тогда встал невысокий крепкий человек с седеющим чубом и во всеулышание сказал:

— Я беру ответственность на себя!

Ивин не был бы Ивиным, если бы поступил иначе. Он из людей магнитогорской породы, людей с сильными характерами. Сын строителя Магнитки, родился в доме, что стоял напротив того самого прокатного стана, который строил отец. Вениамин Иванович и техникум оканчивал в Магнитогорске, и на рудообогатительной фабрике Магнитки поработал. А потом, после института, в котором учился на вечернем отделении, оказался на Соколовско-Сарбайском комбинате и сам был участником неудачной попытки применить мазут для обжига окатышей по тому самому первому проекту.

Начальнику цеха Костомукшского ГОКа поверили. Поверили и доверили!

Приближался пуск первой очереди комбината, но доставка оборудования задерживалась. А ведь его надо было увязать, состыковать с установленными уже агрегатами. Можно себе представить, сколько бессонных ночей досталось Ивину и работникам цеха, когда оно пришло! На ходу, во время монтажа заменяли элементы присоединения горелок к форкамерам обжиговой машины, по своему компоновали узлы, разрабатывали схему автоматического управления... Приехавшие потом фирмачи с удивлением показывали головами: «Сделать лучше, чем вы, мы не смогли бы...» Ивин видел, что все получается как надо, всех подбадривал, вселял уверенность. Все было много раз выверено, но в глубине души нет-нет да и предательски пробегал холодок: «А вдруг не сработает, а вдруг что-нибудь откажет, а вдруг не зажжется?»

Наконец наступил тот долгожданный день, тот час, тот миг, когда в новом огромном корпусе воцарилась необычная тишина. Смолкли оживленные голоса членов комиссии по приемке первой очереди ГОКа, представителей министерств, гостей с других комбинатов, строителей и монтажников. Агломератчик Н. А. Ткаченко нажал на пульте кнопку, автоматика сработала, и горелка зажглась. Горела ровным чистым пламенем.

— Вы не представляете, какой это был восторг! Я зафиксировал тот миг. — Вениамин Иванович, пошарив по карманам, достал записную книжечку. — Вот, нашел: 15 июля 1982 года, 22 часа 50 минут.

— Сегодня сентябрь 1985-го. Значит, все трудности позади?

— Что вы! — Начальник цеха сразу помрачнел, вернувшись к прежнему состоянию, в котором мы его застали. — Положение остается тревожным. «Уралмаш» создал прекрасные, мощные обжиговые машины ОК-520, которыми можно гордиться. Это лучшее, что есть в стране. Что же касается систем автоматики, контроля и устройств для подготовки и сжигания мазута, то это до сих пор вопрос открытый. На первых двух обжиговых машинах сразу было установлено импортное оборудование. Для третьей было решено изготовить отечественное. Разработали план действий. Заместители министров пяти министерств утвердили особый план-график. Головным заводом-поставщиком определен был «Уралмаш». Вот эта бумага.

Да, тут фамилии ответственных

руководителей: В. Виноградов, замминистра черной металлургии; Э. Звижилев, замминистра тяжелого и транспортного машиностроения; В. Карибский, замминистра приборостроения; З. Садардинов, замминистра Минмонтажспецстроя; В. Резниченко, замминистра химнефтемаша.

— Как же был выполнен этот авторитетный график?

— На третьей машине поставлены корпуса горелок, изготовленных «Уралмашем», все остальное — по импорту. Мы вынуждены были пойти на это, иначе был бы сорван ввод в действие третьей очереди комбината.

— И что же, никто не понес за это никакой ответственности?

— Никакой. Более того, в таком же положении все остается и поныне. У нас нет запасных частей. Контракты все кончились. Аппаратура работает в тяжелых условиях — высокие температуры и давления. На первой машине через год-другой вообще надо будет менять мазутное оборудование. На все заводы-изготовители были разосланы образцы деталей и узлов. А воз и ныне там... Вот вам еще один относительно свежий документ, от 14 января 1985 года.

Ивин извлек из папки два зелененьких листочка. Это протокол технического совещания по мазутным горелкам. В нем перечислены детали и узлы, требующие доработки, и согласован срок: в I квартале этого года ПО «Уралмаш», учтя все замечания, поставит 30 форсунок в комплекте.

— Не поставили! — негодует начальник цеха. — Есть только форсунки, комплектующих изделий и остальных узлов, которые должны поставить другие заводы, нет, а ведь кончился третий квартал.

— А как обстоит дело с качеством офлюсованных окатышей?

— Это главная забота всего комбината. И на завершающей стадии успех дела зависит от нашего цеха. Очень важно обеспечить стабильность содержания в окатышах известняка и кремнезема. Если пропорции колеблются, то доменщикам работать трудно, надо все время приравниваться, перестраивать режим. Впоследствии это скажется и при получении качественной стали.

Помолчав, добавил:

— А стабильность может обеспечить автоматизированная система управления технологическими процессами.

Тут, к нашему удивлению, выяснилось, что на столь новом, с иголочки, современном комбинате, каким является Костомукшский, нет автоматизированной системы управления производством, как нет еще и вычислительного центра... Об этом с горечью рассказывал В. А. Эндеров, начальник отдела АСУ. А время идет. Апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС поставлены новые задачи по научно-техническому прогрессу. На их решение уже недостаточно ассигнованных ранее средств. Комбинат вправе рассчитывать на помощь союзных орга-

низаций с тем, чтобы в 1990 году завершить создание его АСУ.

ЗАГЛЯДЫВАЯ В ЗАВТРА...

Так, знакомясь с успехами, волнениями и заботами города Костомукши и комбината, мы невольно коснулись их будущего. В самом деле, какое оно? Что предстоит этому, одному из самых юных городов нашей страны? Не обратимся ли нам по этому поводу к идущим впереди, к разведчикам завтрашнего дня — геологам, что в поселке Заречном? Кандидат технических наук В. Оленников, исполняющий обязанности начальника геологоразведочной партии, и главный геолог, лауреат Государственной премии этого года Н. Н. Голубев обрадовались нашему приходу. Есть у них предмет для разговора. Подвели к шкафу. На полках облицовочная плитка, литье из голубоватого камня, белый порошок в пробирке, щебень, стакан. Глазурь. Фаянсовый кувшин. Чашечка из тонкого фарфора, которую захотелось поддержать в руках.

— Нравится? И нам тоже. Все это сделано из спутников железной руды Костомукшского месторождения. Плавиковшатовое сырье, так называемые геллефлинты. Их довольно много в составе вскрышных пород, в контуре проектного карьера — 650 миллионов кубометров. После обогащения, как показали лабораторные, технологические и заводские испытания, из них можно получать прекрасный прозрачный, так называемый мягкий низкотемпературный фарфор, со значительно меньшими затратами энергии и тепла, чем на производство обычного.

— То есть в Костомукше можно построить фабрики фарфора и стекла и тем самым решить проблему занятости населения?

— Не только эти фабрики. Прежде всего щебеночный завод, щебень очень нужен Москве и области, Центральному Нечерноземью. Разные ведомства намерены строить в нескольких местах Карелии свои карьеры, что обойдется во много раз дороже, чем использовать Костомукшский.

— Нужна лишь одна обогатительная фабрика дополнительно, — продолжил рассказ Оленникова главный геолог Голубев. Экономические расчеты, выполненные Кольским филиалом АН СССР, показали, что только предприятия по фарфору и стеклу и добыча щебня смогут дать продукции на 13—15 миллионов рублей в год. ГОК превратится, по существу, в горно-промышленный комплекс. Станет меньше накапливающихся в отвалах отходов, а это весьма благоприятный фактор с точки зрения охраны окружающей среды. Тем временем ценнейшее народнохозяйственное сырье — геллефлинты — вместе с другими породами вскрыши вывозится в отвал... Ведь уже сейчас его можно складировать отдельно. Вот что нас беспокоит. Мы считаем, что веское слово свое должны сказать Минчермет, Госплан СССР.

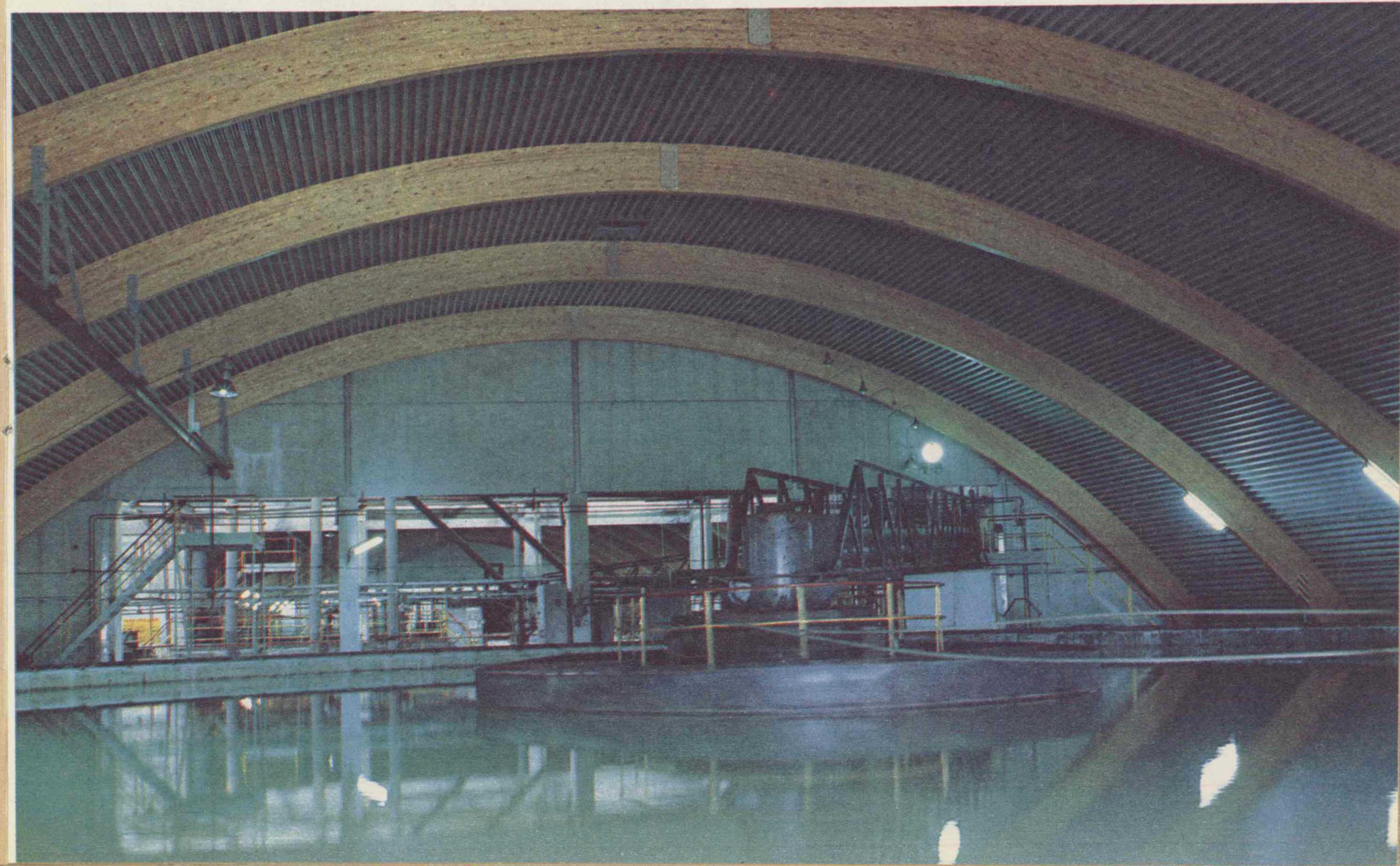
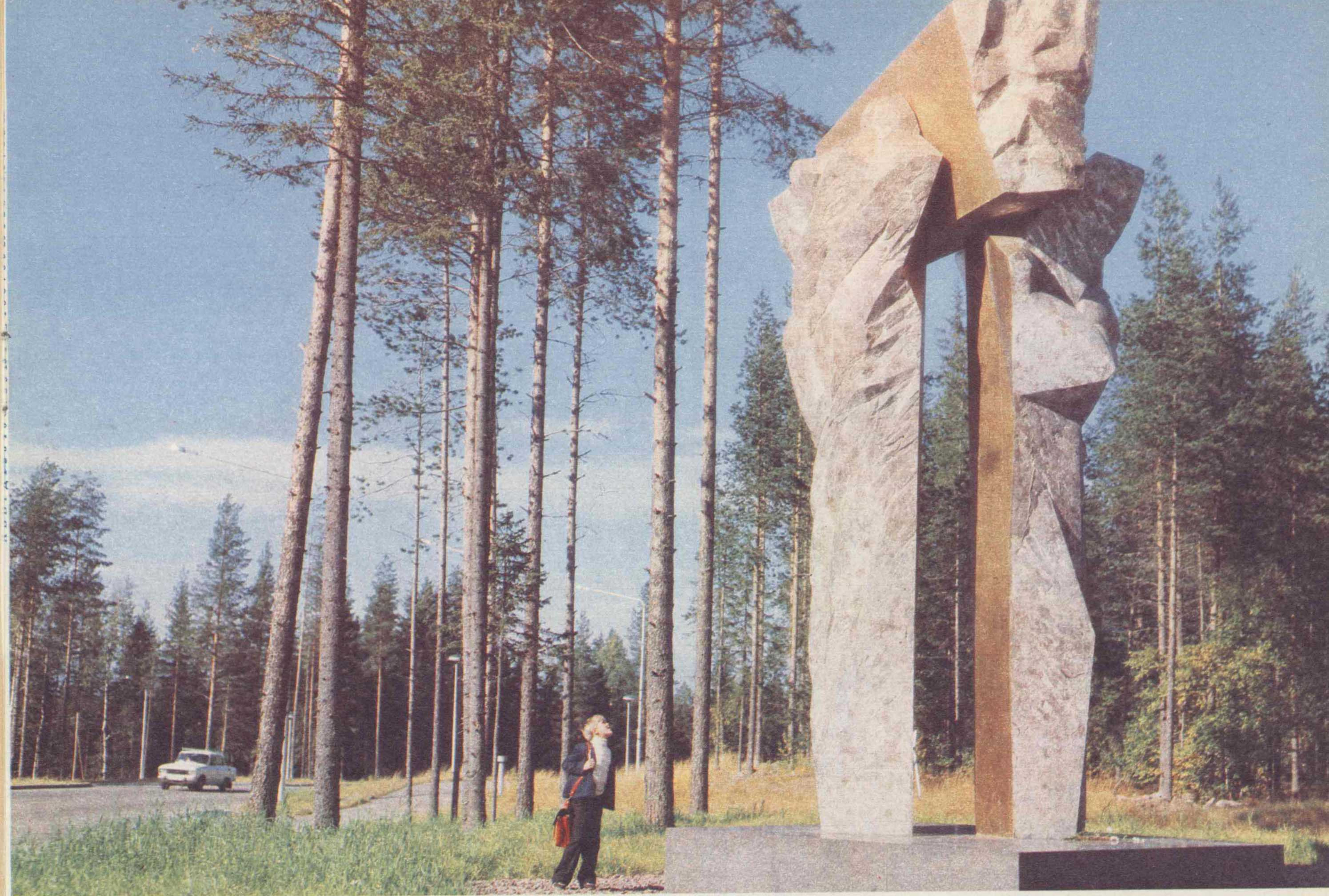
— А как обстоит дело с запасами железной руды?

— Рудное тело здесь велико, его хватит для ГОКа по крайней мере на полвека. Мы продолжаем изучение района, идем и вглубь, и вширь. Руда есть. Вот только расположена она под тяжелыми болотами. В общем, Костомукше жить и жить!

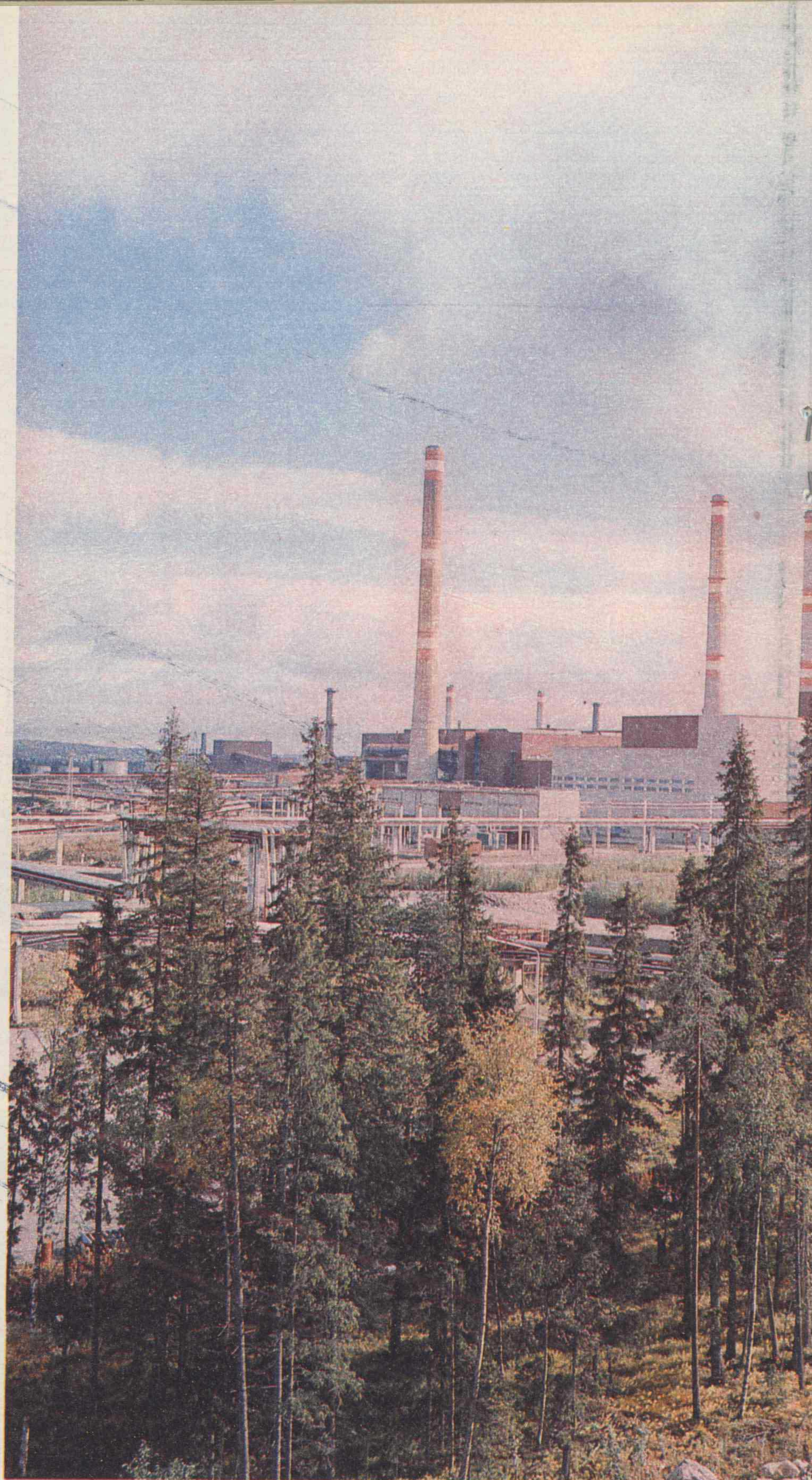
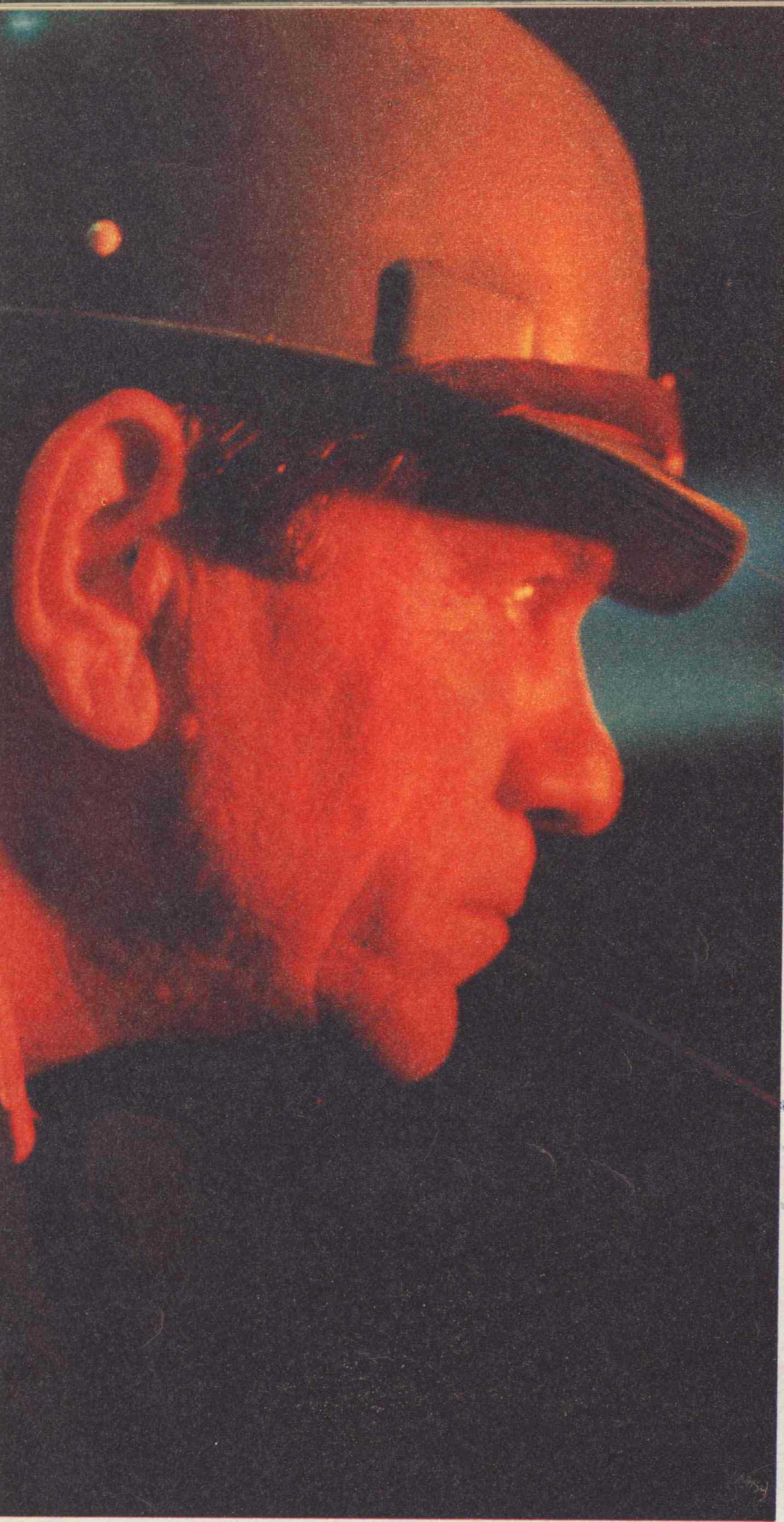
Монумент советско-финской дружбы * В цехе сгустителей.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Бурильщик В. И. Макарьин * Общий вид одной из фабрик горно-обогатительного комбината * В карьере * Помощник начальника цеха по производству окатышей В. А. Ляпки * Теплоцентральный к городу * Начальник цеха по производству окатышей В. И. Ивин (справа) и агломератчик И. Н. Салайчук * Везут руду * На улицах Костомукши.

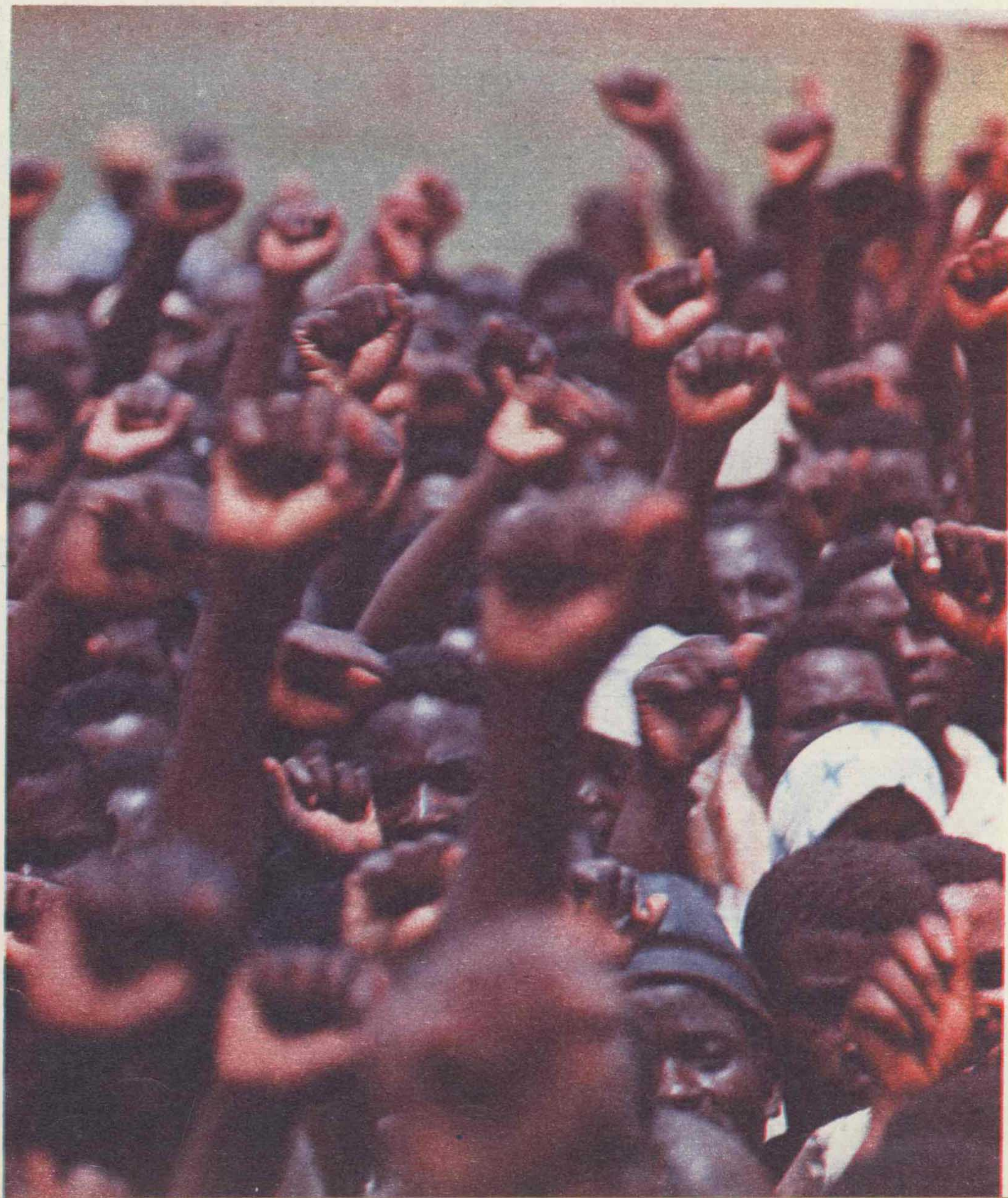
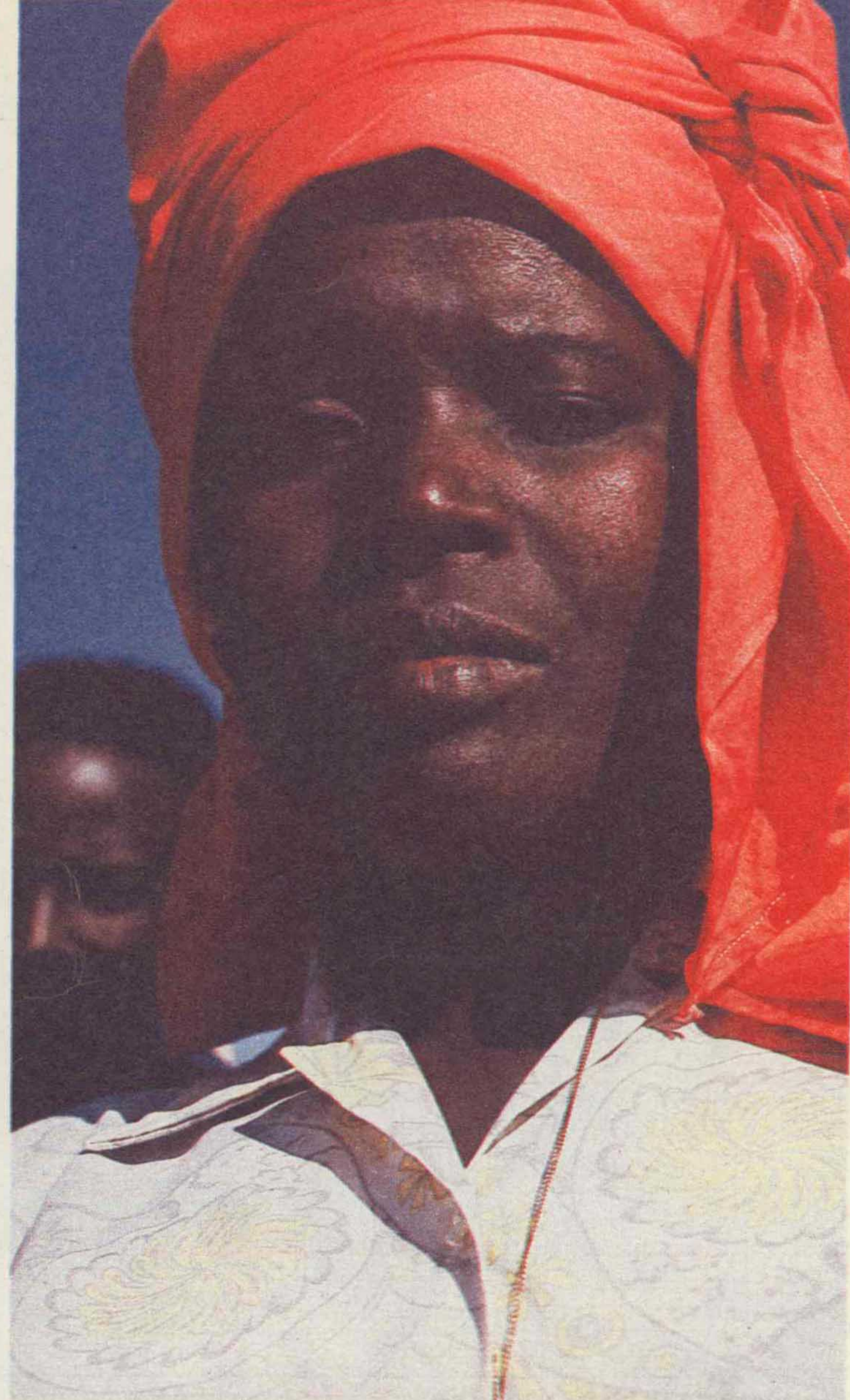

Победа неизбежна!

11 НОЯБРЯ — ДЕСЯТАЯ ГОДОВЩИНА
ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ
НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ АНГОЛА

Сергей КУЛИК,
политический
обозреватель ТАСС

Писатель Габриель Гарсиа Маркес, побывавший в Луанде вскоре после победы ангольской революции, сравнивал этот город с «блестящей пустой раковиной», на восстановление которой потребуются столетия. Уверен: если бы великий колумбиец вновь посетил Луанду сегодня, когда вся Ангола празднует 10-летие независимости, он бы признал, что ошибся в своих прогнозах.

Уходящий 1985-й объявлен в народной республике «годом II съезда МПЛА — Партии труда», который состоится в декабре. И, готовясь к этому важнейшему событию в жизни НРА, ангольцы подводят итоги всему, что было сделано ими за истекшее десятилетие, строят планы на будущее с тем, чтобы претворить в жизнь главную цель, поставленную перед народом партией: руководствуясь марксистско-ленинской теорией, заложить в Анголе базу нового общества, основанного на принципах научного социализма.

С первых же дней существования независимой Анголы правительство МПЛА — Партии труда взяло курс на осуществление коренных социально-экономических преобразований в интересах широких народных масс. Были национализированы банки, промышленные предприятия и транспорт, земля передана в руки тех, кто ее обрабатывает. В итоге на долю крепнущего год от года государ-

ственного сектора приходится уже 80 процентов продукции легкой и пищевой промышленности, 60 процентов — тяжелой. Ширится процесс кооперации сельских труженников. Сегодня в Анголе насчитывается 4 тысячи крестьянских ассоциаций, в кооперативах объединены более 400 тысяч человек. Здравоохранение стало бесплатным и общедоступным. Более одного миллиона ангольцев научились читать и писать с тех пор, как первый президент НРА А. Нетто объявил войну неграмотности, призвав молодежь и интеллигенцию включиться в национальную кампанию ликбеза.

10 ЛЕТ БЕЗ МИРНОГО ДНЯ

Однако успехи народной Анголы могли бы быть куда более впечатляющими, не будь необъявленной войны, развязанной против нее расистской ЮАР и поддерживаемой Соединенными Штатами. Практически за десять лет своего существования НРА не знала ни одного мирного дня. За этот период ангольцы потеряли десятки тысяч своих сыновей и дочерей, республике нанесен огромный материальный ущерб, оценивающийся в 15 миллиардов долларов. Причем размеры этого неоплаченного долга ЮАР ангольскому народу растут с каждым днем. Можно смело утверждать: ни одна страна в Африке южнее Сахары не понесла такого ущерба от военных действий, как Ангола.

Я был в Луанде, когда ее в преддверии провозглашения НРА покидали колонизаторы. Убегая, они не упускали случая сорвать со стены своего кабинета телефонный аппарат, пустить под откос свой автомобиль, подпалить свой особняк, взорвать завод или сжечь ферму. В итоге, как рассказывал мне министр финансов НРА А. Т. ди Матуш, ко дню рождения республики в рабочем состоянии была всего четверть транспортно-го парка. Две трети промышленных предприятий оказались закрытыми, весь рыболовный флот затоплен.

В августе 1975-го началась не

прекращающаяся и по сей день агрессия ЮАР, оставляющая на ангольской земле незаживающий кровавый след. Юаровская военщина разрушила 80 процентов мостов и 90 процентов железнодорожного транспорта, многие важные экономические объекты ангольского Юга. Вслед за расистами появились поддерживаемые Преторией и Вашингтоном террористы УНИТА. Столица и северные районы страны оказались отрезанными от традиционных поставщиков зерна и продуктов животноводства. Одновременно сотни тысяч крестьян, спасаясь от агрессии ЮАР и разбоя УНИТА, начали бросать кормившие их наделы и в поисках защиты со стороны народной армии устремлялись в северные города. Около миллиона человек к тому же пострадали от засухи.

В последнее время под ударами правительственных войск террористы отступают, но освобожденная земля не может плодоносить: армия ЮАР применила здесь химическое оружие, а унитовцы засыпали колодцы и разрушили плотины, лишив крестьян возможности орошать поля. С болью в голосе рассказывают сегодня ангольцы о трагедии города Нжива, ставшего своего рода символом бессмысленных разрушений, практикуемых юаровцами.

В катастрофически тяжелом положении оказалось население освобожденных от юаровцев и террористов УНИТА районов. У крестьян в большинстве деревень провинций Мошико, Квандо-Кубанго и Уила нет одежды, жилища, семян. Тысячи человек, подвергавшиеся истязаниям или получившие тяжелые психологические травмы, не находят в себе сил вернуться в родные места, сызнова начать жизнь на пепелищах.

КРАХ ОПЕРАЦИИ «АРГОН»

— Утром патрульная группа, которой я командовал, пошла по обнаруженному следу, — рассказывал мне младший лейтенант Народных вооруженных сил освобождения Анголы (ФАПЛА) Андриану Паулу. — Затем к нам присоединились еще несколько бойцов. Мы прорезывали густые заросли кустарника к востоку от нефтехранилища, когда двое наших ребят упали, истекая кровью. Я понял — кто-то стреляет из автоматов с глушителями.

— Вы тогда еще не знали, что имеете дело с южноафриканскими диверсантами? — спросил я.

— Это выяснилось, как только мы начали теснить противника на край опушки и командир нападавших отдал распоряжение отступить в сторону Заира. Он говорил на языке африкаанс. А вскоре я настиг его и приказал поднять руки. Юаровец попытался вскинуть автомат, но я опередил его и взял в плен. Он назвался капитаном специальных сил армии ЮАР Уинаном де Тойтом.

— На допросе, судя по сообщениям печати, он вел себя отнюдь не как герой? — вспомнил я.

— Во всяком случае, «расколосился» сразу и военную тайну хранить не стал, — согласился А. Паулу. — Он признался, что с наступлением темноты во главе группы из 14 командос на миноносце израильского производства, принадлежащем ВМС ЮАР, приблизился к побережью ангольской провинции Кабинда. На трех надувных лодках юаровцы высадились на пляж, а затем спрятались в буше. На вопрос: «Какие цели вы преследовали?» — де Тойт без обиняков сказал: «У нас было четкое задание: взорвать нефтехранилище».

Если бы не бдительность и отвага А. Паулу и солдат из его отряда, террористический акт командос обошелся бы НРА потерей не только примерно 500 миллионов долларов, но и доверия иностранных компаний, с которыми Луанда начала вести переговоры о расширении добычи «черного золота», уже сейчас обеспечивающего республике до 80 процентов ее валютных поступлений. Кроме того, организаторы диверсии надеялись с помощью этого преступления резко поднять престиж... УНИТА, поскольку, как признал де Тойт, дело рук белых командос Претория собиралась приписать «людям Савимби» (Ж. Савимби — главарь УНИТА).

— В этих целях, как заявил на допросе де Тойт, его люди собирались оставить в Кабинде после себя в качестве «улик» множество пропагандистских материалов, восхваляющих Савимби, а также автомат и старый мечете, призванные «доказать», что взрыв на нефтехранилище — дело рук «повстанцев», — продолжал А. Паулу. — Захватили командос с собой и канистру с красной краской, которой должны были писать

Бойцы ФАПЛА после успешной боевой операции против террористов * Активистка организации ангольских женщин * Она учит детвору Луанды * «Да здравствует МПЛА — Партия труда!»

Фото С. КУЛИКА

на деревьях победоносное: «Да здравствует УНИТА!»

К подобному же камуфляжу юаровцы прибегали всякий раз, когда, маскируясь под унитовцев, совершали наиболее крупные преступления против НРА с целью добиться экономического краха республики: диверсионные акты на нефтехранилище в Лобиту, на Бенгельской железной дороге и в порту Луанды. Гигантский пожар в Кабинде в случае успеха операции «Аргон» — так спецслужбы ЮАР закодировали диверсию под командой де Тойта — должен был сделать рекламу террористам УНИТА, подкрепить на международной арене позиции Претории и Вашингтона, тщетно доказывающих, что «только согласие с УНИТА и включение его представителей в правительство Анголы» могут-де принести мир этой стране.

Однако крах операции «Аргон» обернулся для УНИТА и его покровителей из Претории скандальными разоблачениями, вновь доказавшими всему миру, что банды Савимби — подставные марионетки расистов ЮАР. На страницы западной печати просочились также сообщения о том, что вся операция — от обучения ее участников до отхода после взрыва — «подготавливалась с использованием разведанных, полученных от американских источников». Ведь в утвержденном Белым домом «Руководстве по управлению политическими и тайными операциями, проводимыми правительственными учреждениями США внутри страны и за рубежом» Ангола фигурирует в числе 12 государств, определенных первоочередными мишенями спецслужб США.

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИСТАНИЩЕ — БУНКЕР

«Ваши цели — наши цели. Желаю удачи, и благослови вас бог» — такими словами напутствовал Р. Рейган сборище главарей террористических банд, собравшихся летом нынешнего года в одном из лагерей УНИТА. Вместе с Ж. Савимби на встрече наемных убийц присутствовали эмиссары никарагуанских «контрас», афганских душманов и лаосских контрреволюционных банд, доставленные в африканский буш на личном самолете близкого друга президента США нью-йоркского миллионера и руководителя архиреакционной организации «Граждане — за Америку» Лью Лермона. Состав этого сборища лишней раз говорит, кого Вашингтон прочит на роль «выразителя воли» ангольского народа.

Западные журналисты, освещавшие этот слет главарей контрреволюционных банд или побывавшие в логове «вождя УНИТА», позже невольно пролили свет на истинное положение Ж. Савимби. Из их сообщений видно, что главарь УНИТА, словно зверь, загнан в непроходимые тропические заросли, не доверяет никому, боится всех и прячется в подземном бункере. Английский корреспондент из агентства Рейтер передал: «Вряд ли кто-нибудь из журналистов, посетивших этот бункер, сможет указать его местонахождение на карте после того, как нас в целях конспирации часами возили кру-

гами по сотням проселочных дорог».

Когда нынешней осенью народные вооруженные силы освобождения Анголы начали крупномасштабную операцию, предусматривающую ликвидацию банд террористов на юго-востоке НРА, Савимби пришлось искать укрытие по ту сторону этой границы, под защитой у расистов. По сообщению правительственного агентства АНГОП, за полтора месяца боевых действий было уничтожено около 1400 унитовцев, захвачены крупные партии оружия, поставленного Ж. Савимби его юаровскими и американскими хозяевами, освобожден важный в стратегическом отношении город Казомбо.

И тогда над соединениями ФАПЛА на подступах к Мавинге появились юаровские самолеты. Под лживым предлогом «преследования партизан СВАПО из Намибии» Претория в очередной раз развязала вооруженную агрессию против НРА. Пытаясь спасти своих марионеток, регулярные войска ЮАР приняли прямое участие в боях против частей ФАПЛА. Одновременно откуда-то из южноафриканского буша раздался вопль Ж. Савимби: «Только помощь США позволит нам отбить самое решительное наступление, которое Луанда когда-либо предпринимала против УНИТА. Я уверен, что поражение антикоммунистов в Анголе не отвечает интересам Рейгана. В администрации с симпатией относятся к УНИТА. Вопрос стоит только так: когда и как США непосредственно вмешаются в события».

Говорить столь уверенно о намерениях Белого дома главарю террористов дали право сами представители администрации. Сначала Рейган настоял на том, чтобы на Капитолии отменили так называемую «поправку Кларка», принятую конгрессменами в годы «вьетнамского синдрома», для того, чтобы помешать Вашингтону втянуть Америку в прямую военную авантюру — на сей раз не в Юго-Восточной Азии, а в Южной Африке. Избавившись от этой поправки, Белый дом практически легализовал американскую политику государственного терроризма в отношении НРА, получил возможность беспрепятственно снабжать УНИТА оружием. Затем был предпринят новый шаг с целью «накачивания мускулов» УНИТА. В конгресс США был внесен законопроект о предоставлении 27 миллионов долларов на оказание военной помощи бандитам Ж. Савимби.

***

«Социализм был и остается стратегической целью ангольской революции» — эти слова Жозе Эдуарду душ Сантуша находят живой отклик в сердцах ангольцев, которые ощутили реальные плоды своей борьбы и готовы защищать их. В той кровавой и грязной игре, которую Вашингтон и Претория ведут против Анголы, империалистические силы не приняли во внимание главного — того, что последнее слово принадлежит ангольскому народу. А его слова «Борьба продолжается! Победа неизбежна!» звучат сегодня по всей ангольской земле, от Кабинды на севере до Кунене на юге...

Песни

ПЕСНЯ — ДУША НАРОДА

КОМПОЗИТОР НЕ УЗНАЁТ
СВОЮ МЕЛОДИЮ

ЧЕМ ОПАСЕН ПРИМИТИВ

Композитор, песня, народ... Пожалуй, трудно подыскать собеседника на эту тему лучше, чем художественный руководитель Государственного академического русского народного хора имени М. Е. Пятницкого Валентин Сергеевич ЛЕВАНОВ, народный артист СССР, лауреат Государственной премии РСФСР и премии имени А. В. Александрова.

— Валентин Сергеевич, вы рассказывали, что фольклорные экспедиции по селам Сибири стали вашими «университетами», рассказывали о встречах с удивительной омской крестьянкой Аграфеной Оленичевой, чьи напевы дали своего рода импульс вашим некоторым сочинениям. Вот смотрю пластинку фирмы «Мелодия» с циклом песен в исполнении хора имени М. Е. Пятницкого и читаю в аннотации: «Еленичек-березничек» (напев и слова А. Оленичевой, обработка В. Леванова). А собираясь на встречу с вами, я услышала, как диктор одной из музыкальных передач радиостанции «Маяк» объявил: «Композитор Гридин, «Утушка». Человек неискушенный вдруг да подумает, что эту известнейшую народную песню сочинил объявленный товарищ. Как это понимать?

— Думаю, что в этом случае произошло досадное недоразумение. Но тем не менее у нас встречается легкое отношение некоторых музыкантов к нравственно-этическим нормам творчества: две-три ноты переделал человек и не чинясь ставит под народной песней свою фамилию.

Впрочем, это не только этика и профессионализм музыканта, но и, если угодно, позиция определенных руководителей, доверивших судьбы народной песни на радио и телевидении людям недостаточной квалификации. Уж они-то должны уметь отличать истинного автора песни от того, кто ее просто обработал.

Но это мелочь по сравнению с тем, что из эфира и телевизионных передач как-то незаметно исчезает песенная классика В. Соловьева-Седого, А. Новикова, В. Белого, С. Каца, В. Мурадели, Б. Мокроусова. В то же самое время оттуда на слушателей «бурным потоком» низвергается безликая, серая, оглушающая музыка, которую нам подносят как торжество современных ритмов, полностью игнорируя вопрос о национальных признаках подобных сочинений, об их гражданской сути.

Я вспоминаю вечер у Василия Павловича Соловьева-Седого в конце пятидесятых годов, на котором присутствовал вместе с Андреем Петровым и выдающимся венгерским композитором Золтаном Кодай. Василий Павлович показывал нам тогда музыку только что поставленного своего балета «Тарас Бульба». Сыграл увертюру, еще кое-что, а потом перешел к песням. Он показал нам полученную им из Латинской Америки пластинку, где «Вечер на рейде» исполняла какая-то очень темпераментная бразильская певица в соответственном музыкальном обрамлении. Начинала

Ю надо беречь

она точно, а потом вместе с музыкальным сопровождением забиралась в такие дебри, а точнее — джунгли, что от песни, ее мелодии, мысли, настроения не оставалось и следа. Золтан Кодай возмущенно спросил, давал ли Василий Павлович разрешение на такую интерпретацию песни. Нет, ответил Соловьев-Седой.

Ну, бразильцы, спасибо, хоть фамилию Седого оставили. А у нас сейчас иной раз слушаешь песни одного автора, через полчаса другого, а они как сестры-близнецы, почти неотличимы. Известные, влезшие в слух музыкальные цитаты и попевки переползают от одного к другому, а порою просто сознательно и беззастенчиво заимствуются. Сочинители разные, а музыка одна и та же. Исчезают индивидуальность, мелодическая яркость. Заниженные критерии дают массовый наплыв, «набег» тех, кто не только сам причисляет себя к композиторам, но и с помощью средств информации популяризуется, представляется как кумир и повелитель песенных вкусов, особенно молодежи. Напел несколько мелодий — и милости просим в композиторы.

— Не могу с вами, Валентин Сергеевич, не согласиться. Вот передо мною номер украинской молодежной газеты «Комсомольское знамя», где публикуется интервью с певцом Юрием Антоновым. Так он тут, можно сказать, иллюстрирует ваши мысли: «...популярность... пришла ко мне после песен «Море», «Двадцать лет назад», «Вот так бывает», «Это — жизнь». Эти песни с напевной мелодией и сейчас входят в мой репертуар. Телеэкран помог донести их до множества людей. И сразу же выявилась огромная аудитория современной, так называемой «спокойной» песни. Отсюда и начался тот самый стиль Антонова».

— Вот видите: ни много ни мало, а стиль... Но такое «спокойствие» не затрагивает ума и души, не пробуждает гражданских чувств, высоких устремлений, ощущения своей принадлежности к великому народу, к Родине нашей. Неужели не ясно, как нам необходимы сегодня именно эти чувства, именно такое сознание, способное одержать победу в идеологической борьбе с нашими противниками! К сожалению, как раз подобного уровня музыкальные сочинения усиленно пропагандируют сегодня некоторые сотрудники радио и телевидения, не знающие, что «Утушка» — песня народная, да, боюсь, и не желающие знать.

Как-то по телевидению выступал один ансамбль. Обычно при виде таких «музыкантов»

приходит на память крыловский «Квартет», где все «дерут, а толку нет».

Я сел за рояль и попробовал им аккомпанировать. Такое занятие, сразу скажу, не составило особого труда. Так что же? Мы с вами можем собраться, полчаса порепетировать и уже создадим свой новый ВИА.

У меня был случай, когда один очень модный в Ленинграде среди многих себе подобных ансамбль сделал аранжировку моей песни и прислал мне ее уже в записи на пленке. Если бы не стихи, которые там все-таки сохранились, то я никогда бы не догадался, что песня эта моя.

Все эти нелепости защищаются порой рассуждениями о необходимости осовременивать песню, приспособливать ее к ритмам жизни. Под этим предлогом многие ВИА правятся с любыми подлинниками. Но ведь так же можно дойти до абсурда.

Почему бы, например, к картине Шишкина «Рожь» не пририсовать в целях «осовременивания» трактор, а к картине Левитана «Над вечным покоем» — реактивный самолет? В том-то и дело, что в живописи кощунственность этого очевидна. А в музыке оказывается дозволенным все.

Тем ребятам из ленинградского ансамбля я тогда написал, что прошу мою песню в таком виде не исполнять.

Я не ханжа. Я приемлю все жанры музыкального искусства. Наряду с серьезной пишу и легкую и эстрадную музыку, особенно работая над фильмами. И, конечно же, у меня и в мыслях нет ратовать за то, чтобы «закрыли» все ВИА. Среди них есть хорошие, профессиональные коллективы со своим творческим лицом и достойной судьбой: «Песняры», «Червоная рута», есть и иные.

В данном случае речь идет о том, что подавляющее большинство вокально-инструментальных ансамблей идет не по правильному пути.

И ведь надо задуматься наконец: что же прячется за оболочкой подобных «модных» песен? Что скрывают в себе такие музыкальные ребусы? Порой откровенную нелепицу, облаченную в пестрые одежды труднодоступных метафор и зажигательного ритма. А когда раскрываешь для себя содержание такой песни, приходит понимание того, чем опасен подобный примитив. Опасен он своей безыдей-

ностью. Здесь зачастую отвергаются высокие понятия добра, справедливости. Такие дорогие нам чувства, как любовь, верность, преданность, низведены до самого примитивного и вульгарного их толкования. Тоскливые вопли чередуются с безумным ликованием и грубым натурализмом. Так музыка становится каналом для пропаганды чуждых, вредных нам идей. Опасность усвоения этих идей в несколько раз возрастает из-за доступности источника. Такое «приобщение» к искусству уводит молодежь от общественных и политических проблем, в решении которых она призвана участвовать.

— Мне кажется, что истинный интернационализм заключается в общности идей, а не в обезличенно-модной форме песни. Мне очень по душе мысль, высказанная одним французским коллегой на международной встрече деятелей музыки в Москве: чем музыка национальнее, тем она интернациональнее.

Если в произведении заключена высокая гуманистическая идея, которая объединяет слушателей, значит, это интернационально, тем более если оно обладает яркой национальной формой...

Теперь поговорим о пристрастиях. Несколько лет назад приехала ко мне группа молодых шведов. Они хотели создать у себя любительский хор русской народной песни. Ну мы, естественно, помогли им — подарили инструменты, ноты, дали несколько уроков.

И вот присылают они мне пленки с записью своего концерта. Вы знаете, великолепно звучат голоса балалайки, но главное — чувствуется стремление души песни русской понять и передать. Мы были потрясены. Вот так — они у нас богатства народной песни берут, а мы у них — «АББА» и т. п. Равноценный ли обмен?

— Общеизвестно, что русскую и советскую песню любят и ждут далеко за пределами нашей страны, где она становится знаменем мира, способствует взаимопониманию народов...

— Да, вы правы. У нашей песни немало искренних друзей, но хватает и оголтелых врагов. В этом убеждаешься во время многочисленных гастролей в буржуазные государства.

Наше искусство, наша песня — надежный товарищ в борьбе за мир, за доверие людей друг к другу. Ее язык, ее мысль понимает каждый разумный человек. Мы выступали в Торонто — канадском городе, расположенном неподалеку от границы штата Нью-Йорк, когда узнали, что предстоящие концерты в самом Нью-Йорке почему-то отменены. И американцы поехали на наши концерты в Канаду. Стою однажды и вижу, как подъезжает к входу в концертный зал многоместный «додж» с нью-йоркскими номерами, загруженный большим семейством. Все весело выскочили из машины и побежали в зрительный зал, а к отцу семейства, замыкающему шествие, подлетел пикетчик и сунул ему очередную антисоветскую листовку, спрятанную в программе нашего концерта. Этот рослый, спокойный американец развернул программу, пробежал глазами извлеченную оттуда листовку, смачно плюнул на нее и, прилепив пикетчику на физиономию, пошел в зал.

Есть в каждом народе здоровое, цельное ядро, которое не приемлет зло, грязь, клевету, ненависть, агрессию. К сожалению, судя по тому, что происходит ныне в США, как нагнетается антисоветская истерия, многие из «средних» американцев потеряли не только политические, но и духовные, нравственные ориентиры.

Во имя возвращения человеку человеческого, кем бы он ни был — американцем, англичанином, африканцем или японцем, — у меня и моих товарищей по искусству есть в этой борьбе надежное, испытанное оружие — песня. И ни убить, ни победить ее невозможно.

Беседу вела Ирина ПИРОГОВА.

«Огонек» поздравляет

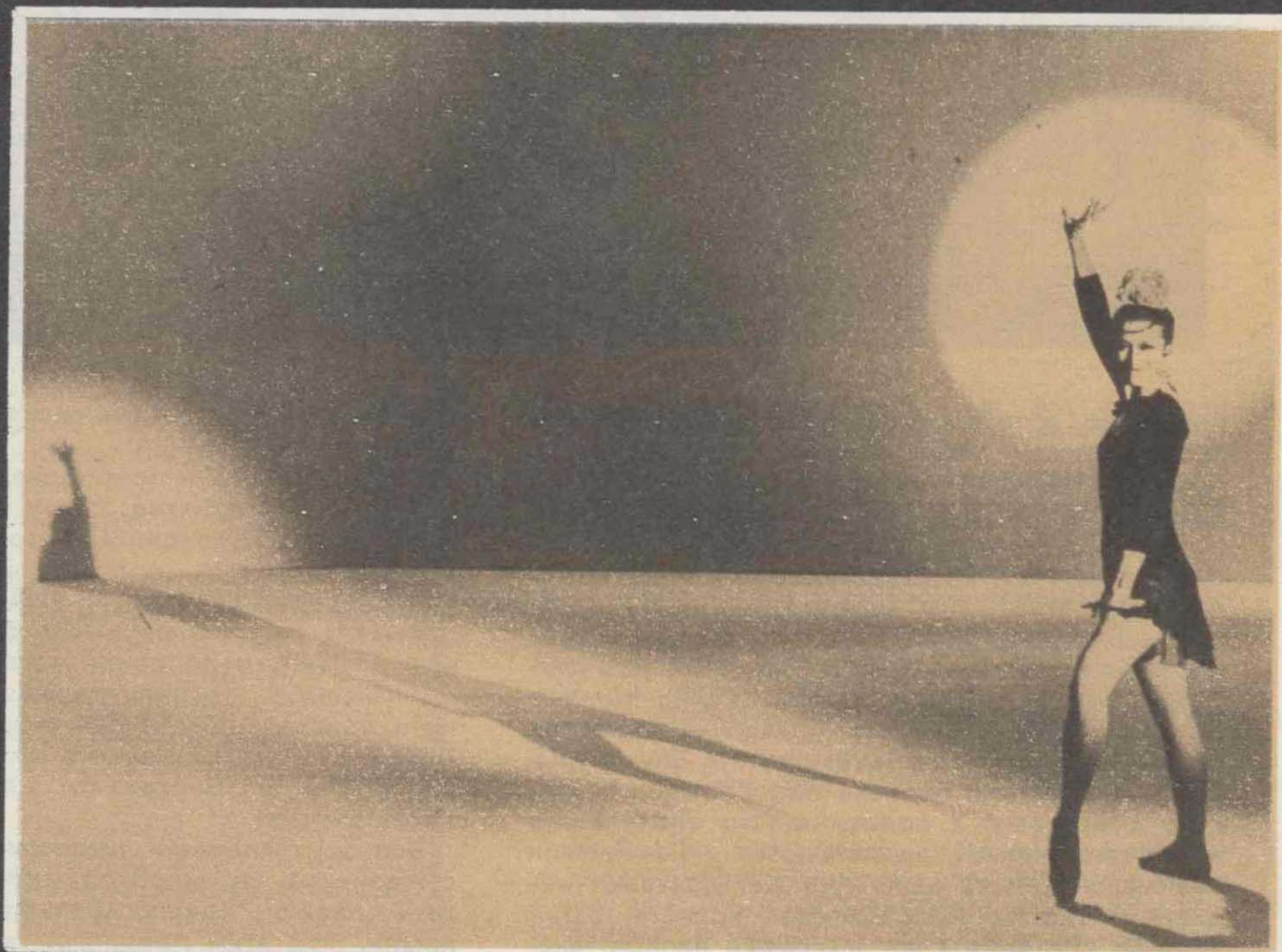
Майя Плисецкая... Это откровения русской балетной классики и психологическая пластика современного танца. Это образы блистательные и поэтичные, одухотворенные и страстные.

Сорок лет на сцене Большого театра — и каждый сезон снова и снова дарит зрителям незабываемые встречи...

«Умиравший лебедь».

«Бахчисарайский фонтан».

«Кармен-сюита».

П

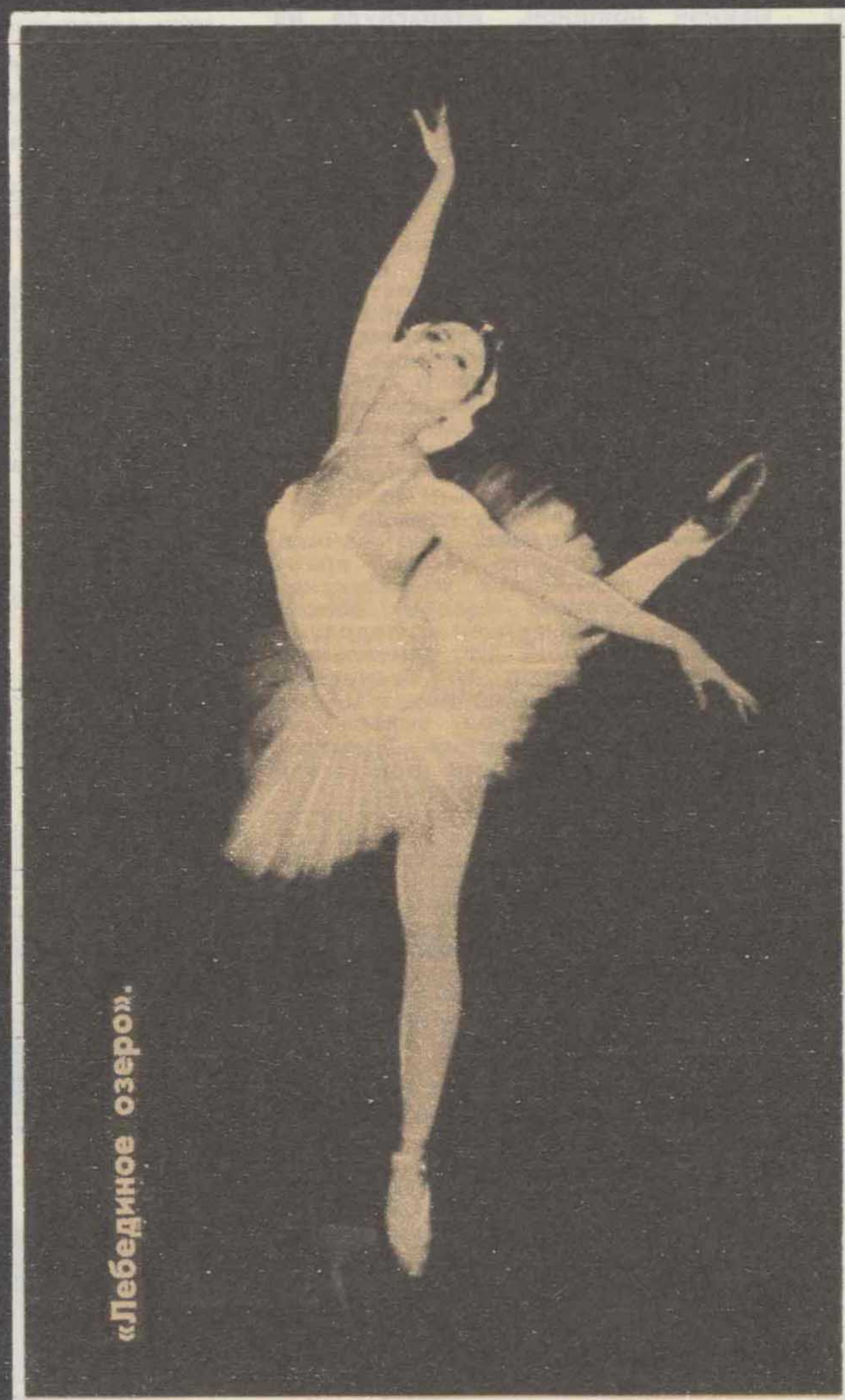

«Айседора».

«Чайка».

«Лебединое озеро».

ЛИСЕЦКАЯ

Ущелье Пяти львов

ПОДВИГ

А. ОЛИЙНИК

Внезапный взрыв расколол монолит отвесной скалы. Разламываясь в воздухе, глыба рухнула вниз. Тут же в раскатистое эхо взрыва вплелась гулкая дробь крупнокалиберных пулеметов. Косые пучки огненных трасс рассекли каньон, прижали десантников к камням. Казалось, под таким огнем головы не поднять. Но каньон ожил: загрохотали гранатометы, длинными очередями ударили пулеметы и автоматы. Черные пасти пещер, откуда вели огонь душманы, закрыли облака разрывов.

Гвардии капитан Николай Кравченко, оглушенный взрывом, упал в сотне шагов от не существующего больше выхода из каньона. Гудела и кружилась голова. Сбитая на затылок каска казалась пудовой. Он ослабил ремешок, поднялся, пытаясь разобраться в обстановке. В лицо брызнуло каменной крошкой, взвизгнула на рикошете пуля. «Ловушку подстроили знатную. Нелегко будет вырваться из этого каменного мешка», — подумал он.

Кравченко оглядел близкие склоны. Веером рассыпавшись по каньону, укрывшись за камнями и в щели, десантники вели ответный огонь. «Потерь нет», — отметил Николай. Нащупав сбившуюся головку ларингофона, он включил коротковолновую радиостанцию, назвал позывной командира группы. Эфир отвечал треском, едва различимым в перестрелке. Гвардии капитан Владимир Федоров отозвался тяжелым дыханием:

— Принимаю командование. После паузы раздался взволнованный голос радиста: «Командир ранен», — сообщил он. — Врач под огнем оказывает ему помощь».

Николай подумал, что сейчас, пожалуй, труднее всего врачу гвардии лейтенанту медицинской службы Евгению Козлову, совсем недавно прибывшему в подразделение. Уставший от длительного горного перехода, от бесчисленных перевязок ободренных о камни рук десантников, теперь он, вчерашний выпускник Томского мединститута, должен под огнем оказывать помощь раненым.

— Вызывать вертолеты? — спросил радист.

— Попробуй, — ответил Кравченко, стараясь как можно точнее определить свои координаты.

«Хотя «вертушкам» (так по-своему все называли вертолеты) вряд ли к нам пробиться», — озабоченно подумал офицер, глядя на тяжелые облака, громоздившиеся над отрогами Гиндукуша. Это знало, что в ближайшее время помощи не будет...

Каньон, где находились десантники, был одним из самых глухих, в печально известной долине Пяти львов — так называют Панджер. На карте долина, вытянутая дугой, напоминает след от сабельного удара, рассекающего главную в Афганистане автомобильную трассу, связывающую Кабул с северными провинциями. «Генерал» от контрреволюции Ахмад-шах Масуд в свое время превратил эти труднодоступные места в бандитское логово, терроризировал население приграничных с Пакистаном провинций, нещадно разбойничал на горной дороге.

Летом прошлого года во время Панджерской операции афганские воинские части разгромили его бандитские формирования. Вытес-

нив душманов из долины, принялись за очистку панджерской земли от смертельной начинки — мин новейших образцов с иностранным клеймом. Отступая, душманы ставили их всюду: на вырубных тропах, в опустевших кишлаках, у колодцев — чувствовалась направляющая рука профессиональных зарубежных инструкторов. Типы взрывоопасных устройств были различны: натяжного действия, выпрыгивающие, с пневматическим натяжным взрывателем, управляемые дистанционно. А взрыв одной американской управляемой мины — это разлет 750 смертельных шариков на десятки метров. Сколько бед они могли принести, сколько смертей!

Афганские власти обратились за помощью к советским войскам из состава ограниченного контингента наших войск. Одна из групп, усиленная саперами, во главе с гвардии капитаном Федоровым день за днем обследовала высокогорное ущелье. Боевые машины и другую технику пришлось оставить внизу. Уже несколько дней десантники все дальше углублялись в лабиринты ущелья. И все чаще необъявленная война напоминала о себе угрюмыми, заброшенными кишлаками, искореженными, побитыми машинами, опаленными огнем скалами.

Видел Николай Кравченко и новую жизнь, ростки которой все активнее пробивают дорогу в самых отдаленных кишлаках. Видел, как дехкане делят земли феодалов, вступают в кооперативы, учат детей, вступают в отряды самообороны. Неоценимую помощь оказывает афганцам Советский Союз. Наша страна снабжает их всем, в чем они сейчас нуждаются. Грузы с хлебом, сельскохозяйственной техникой, горючим идут постоянно, несмотря на душманские обстрелы. А при необходимости, как и сейчас, советские войны из ограниченного контингента, рискуя жизнью, ведут трудные поединки с душманами, развязавшими «минную войну», бушующую уже не один год на многострадальной афганской земле.

...Впереди шли саперы с минно-

розыскными собаками. На пути встречались завалы, камнепады, минные ловушки — дело рук недобитых банд. И вот засада. Подорвав скалу, душманы считали, что десантники блокированы. Все учли бандиты: малочисленность группы, плохую погоду, отдаленность района. Не учли главного — мужества и боевого мастерства советских воинов.

Николай Кравченко приказал зажать дымовые шашки: надо продержаться до темноты. Через минуту черные вихревые клубы уже заполняли недоступные ветрам уголки каньона, надежно маскируя десантников. Огонь ослабел.

Кравченко из-за своего укрытия прощупал биноклем противоположные склоны. Заледевшие пики на глазах теряли яркость, четкость очертаний. Землю, словно паранджой, накрывала беззвездная ночь. Первый раунд поединка десантники выиграли. Можно было перегруппировать силы, продумать план дальнейших действий. Вырваться из западни надо под покровом темноты — это ясно, иначе на рассвете их встретят душманские пулеметы.

Все рации группы работали только на прием. Десантники ждали, что предпримет командир.

— «Сатурн», ко мне! — прозвучал в эфире голос Кравченко.

«Сатурн» — это позывной его друга гвардии капитана Александра Лепешкина. Вместе с ним Кравченко начинал службу на афганской земле, вместе они прошли по горным тропам не одну сотню километров. Кравченко решил поручить именно ему выполнение смелого, но очень рискованного плана: с группой десантников пройти сквозь душманские заслоны и на рассвете атаковать их с тыла.

В глубине души ему хотелось самому возглавить эту группу. Но опыт показывал: нет у него на это права, не там его место. Отчетливо вспоминалось первое задание. Тогда парашютно-десантная рота под командованием гвардии капитана Кравченко обеспечивала движение колонны с грузами. Обледенелая дорога спирально под-

нималась в горы. Окрестности заснеженных скал казались безжизненными. И вдруг со склонов ударили пулеметы! Оставив за себя заместителя, Кравченко на бронетранспортере помчался навстречу пулеметам. Так ему удалось отвлечь огонь на себя и тем самым облегчить отход охранения.

Офицер блестяще выполнил этот опасный маневр, был доволен, что не дрогнул в сложной ситуации. После марша с удовлетворением докладывал об этом командиру батальона гвардии майору Василию Пименову, в будущем Герою Советского Союза. Вопреки ожиданиям комбат рассудил иначе. В память навсегда врезались его слова: «Мужество командира проявляется прежде всего в твердости управления подразделением!»

Случилось это больше года назад, и Николаю Кравченко никогда больше не приходилось краснеть перед комбатом. За время службы на афганской земле было все: и опасные походы в горах, и студеные ночи во время охраны объектов, и горечь потерь — его подчиненные легких заданий не получали. Заналенным, прошедшим суровую школу мужества бойцам крылатой пехоты во главе с Кравченко были доступны не только седые вершины Гиндукуша, но и вершины подвигов. Многие десантники удостоились орденов и медалей. Орденом Красной Звезды был награжден и сам командир.

— Оборудуем позиции, потерь нет, — доложил неслышно вынырнувший из темноты Лепешкин.

Укрывшись плащ-палаткой, командиры склонились над картой. После недолгого совещания маршрут для группы выбрали самый сложный, по отвесной скале. Трудно будет взбираться наверх, зато меньше шансов наткнуться на душманские заслоны.

— Смотри там, поосторожней, — сказал на прощание Кравченко.

— Ничего! В случае чего у нас получится неплохой разговор. — В руке Лепешкина тускло сверкнул ствол ручного пулемета.

Прошло несколько часов с тех пор, как группа растворилась в темноте. Время тянулось томительно медленно. Подставляя полупочному ветру обострившееся, небритое несколько дней лицо, Кравченко вслушивался в гулкое безмолвие. Ломило в висках, неосторожные движения болью отдавались в поврежденном, наскоро перевязанном плече.

Внезапно откуда-то издалека донесся едва уловимый, но хорошо знакомый гул. Почудилось? Нет, гул был явственный: летели вертолеты. Шум винтов то утихал, то усиливался, машины шли, повторяя крутые повороты ущелья. Через несколько минут Кравченко уже обговаривал по радио с ведущим пары МИ-8 опознавательные сигналы, место посадки — необходимо было эвакуировать раненого командира, пополнить боеприпасы. На случай стрельбы из пещер подготовили заградительный пулеметный огонь.

Пещеры молчали. Бандиты, видимо, полагали, что посадка вертолета невозможна.

Включив прожектор почти у самой земли, вертолет с выража пошел на посадку. Казалось, вихревое кольцо светящихся винтов вот-вот зацепит стену каньона.

«Мастерски приземлился», — подумал Кравченко, сожалея, что не может сейчас же позвать руку пи-

Гвардии майор Николай Кравченко.

Фото В. Хабарова

лоту, совершившему почти невозможное. Он решил непременно разузнать фамилии вертолетчиков и лично поблагодарить их. Но для этого необходимо возвратиться с задания...

Истекал последний час тревожной ночной тишины. Восточная половина небосклона наливалась малиновым отсветом невидимого, но уже близкого рассвета. В сизой тьме все четче выступали ледники Гиндукуша. Свежий, прохватывающий «афганец» тянул по каньону.

Кравченко поехал от холода, поправил наушники, прислушался. Эфир по-прежнему был наполнен сухим треском, едва различимым в завывании горных вихрей. Незнакомость и молчание были сейчас хуже всего. Тьма скоро рассеется.

Вдруг в наушнике раздался голос Лепешкина:

— Я «Сатурн». Вышел к цели! Дошли! Лепешкин, верный друг, опытный офицер, сумел пройти незамеченным сквозь душманские секреты и заслоны. Кравченко хорошо понимал, чего стоило десанникам в крошечной тьме взбираться по отвесным скалам, к тому же без страховки, без альпинистских веревок и специального горного снаряжения. Не знал он только одного: чтобы вскарабкаться на последнюю, почти с отрицательным углом вершину, Лепешкин, а за ним остальные сняли рюкзаки, сапоги и головные уборы. Оставили только оружие и боеприпасы. Хотя каждый был не новичок в горах и хорошо знал: от простуды на большой высоте человек умирает быстрее, чем на равнине истекает кровью.

— Вышел к цели. Как поняли? — повторил Лепешкин.

И тут же на ближней горе заплескали короткие алые сполохи — залпом ударили гранатометы десантников.

— Вперед! — коротко скомандовал Кравченко.

Прижав подбородок к бронжилету, с автоматом наперевес, он рванул к скалистому подъему. Сейчас, в этот яростный миг атаки, он перестал быть тем хладнокровным командиром, которому по уставу надлежит двигаться в тылу наступающей цепи. Сейчас он был тем отчаянным офицером, бесстрашным коммунистом, который в критический момент прибегает к последнему средству: податься во весь рост перед фронтом наступающих бойцов и увлечь их за собой. С ними вместе умереть или победить!

Команда офицера вихрем подняла солдат с холодных камней. В предрассветной серой мгле их силуэты чернеющими тенями скользили к подъему. Короткие малиновые вспышки у короткоствольных срезов автоматов молниями озаряли напряженные лица.

Кравченко еще не знал, что через несколько часов вместе с группой вырвется из этой западни, что будет он чуть живой, с разбитыми в кровь руками, с пустыми магазинами автомата и единственным патроном в пистолете. Не знал, что за мужество и героизм десантники будут представлены к наградам, а сам он удостоится высшей награды Родины — Золотой Звезды Героя.

А пока сумрачный рассвет наполнялся автоматным грохотом. Влажные, потемневшие от сырости скалы качались перед залитыми потом глазами. Короткими, стремительными бросками десантники рвались вверх, к каменным пещерам. Они атаковали молча, обжигаясь стволами автоматов и стреляными гильзами. И только раскатыстое эхо волной катилось по израненным скалам безымянного каньона в ущелье Пяти львов.

...И нежность горло сводит:
Олешек ждет людей и не уходит,
И я, обняв грустящего кэю*,
Невольно превращаюсь вновь
в девчонку,
Шепчу на ухо брату-оленьке:
Какое счастье жить в родном краю...

Это строчки из цикла «В страну своих снов». Им открывается новый сборник стихов чукотской поэтессы Антонины Кымытваль «Под крылом моей яранги». Эта тоненькая книжечка переносит нас в своеобразный мир Севера, и возникает образ лирической героини — женщины яркой судьбы, пылкой и вместе с тем сдержанной, нежной и любящей...

Десятилетней девчонкой Кымытваль написала первое стихотворение. Об оленье. Совсем малень-

А Кымытваль решила учиться. И ушла в школу.

Долго брела она. Не боялась, потому что любила тундру, с детства бегала по ней.

В школе-интернате Кымытваль провела счастливые годы, хотя время было трудное, голодное — послевоенное. Ее полюбили там за добрый нрав, за острый ум — училась она только на «отлично». Конечно, тосковала по родным просторам, но скоро на помощь пришли книги и стали друзьями на всю жизнь. И рядом была ее первая учительница Мария Львовна Никулина. Она привязалась кмышленому ребенку. Никулины были бездетными и решили удочерить девочку. «Но если удочерят, то я больше не буду чукчей, — думала Кымытваль. — Буду юкагиркой, как Никулины. А чукчей всего тринадцать тысяч!..»

вочка быстро-быстро заговорила по-русски. Что-то мне в ее интонации показалось обидным... Я ее не понимала и, естественно, возразить не могла. И, рассердившись, вернувшись с рыбалки, стала учить язык. Довольно быстро усвоила грамматику, выучилась читать и разговаривать по-русски. Тогда-то и написала свои первые стихи про оленье. Написала по-чукотски. Но включила в текст много русских слов, знанием которых очень гордилась.

Прочитав эти стихи, учительница Мария Львовна помолчала, потом сказала девочке:

— Кымытваль, чтобы писать стихи, надо иметь талант, надо много и долго учиться. И еще запомни, сочиняют поэты на каком-то одном языке, чаще на своем родном.

Кымытваль запомнила эти слова.

Но подстрочники к своим стихам она делает только сама. И словно бы заново создает стихи — так точны и самобытны ее интонации, чисты и завершены образы.

Татьяна ТРОИЦКАЯ

СПОЛОХИ СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ

ПОЭТ ВОЗВРАЩАЕТ НАРОДУ ТО, ЧТО БЕРЕТ У НЕГО

КАЖДАЯ ЧУКОТСКАЯ СКАЗКА — ЭТО ПОЭМА ОСОБОЙ КРАСОТЫ

кой она кочевала со своим «северным племенем» по бескрайним просторам тундры. Смотрела за оленями, бродила по берегам Анадыря, любовалась полетами птиц и цветами пшпук, которые «недаром любят чукчи» за их «тугой и сладкий корень». Долгими зимними вечерами, когда пурга сотрясала стены кочевой яранги, слушала песни ветра, а когда наступало затишье, любовалась сполохами северного сияния. Отца и матери девочка не помнила, они умерли рано. Но те, кто был рядом, относились к ней, как к родной.

Природа наделила Кымытваль яркой индивидуальностью, а главное — твердым характером, который проявился довольно рано. Разве легко представить себе, что совсем один по тундре шагает ребенок девяти лет в поисках своей дороги! В то, уже давнее время чукотских девочек рано выдавали замуж, и не всегда по их желанию.

* Кэюу (чукотск.) — оленье.

— Наверное, я была упряма, даже неблагоприятна?.. спрашивает и сама же отвечает Антонина Александровна. — Не поверите — решила остаться верной моему маленькому народу!

Беседа наша течет медленно — северные люди неторопливы, в них нет нашей вечной городской суеты и неуважительной к собеседнику спешки. Будто нет ничего важнее для них, чем эта беседа. Человек в ней легко раскрывается, делается понятнее и проще.

Она ненадолго приехала из Магадана по издательским, комитетским делам (Кымытваль — член Советского комитета солидарности стран Азии и Африки и Международной ассоциации деятелей литературы и искусства для детей).

— Да, пожалуй, я была упряма, — продолжает Антонина Александровна. — Знаете, почему я сравнительно быстро выучила русский язык? Как-то мы с одной девочкой пошли ловить рыбу — уху хотели сварить, — все время хотелось есть! И когда я, сделав какое-то неловкое движение, упустила с крючка тайменя, та де-

— Я понимаю: переводить поэзию на другой язык трудно. И всегда благодарна моим переводчикам, когда они стараются передать то сокровенное, что я хотела сказать на своем родном чукотском языке...

Антонина Кымытваль — автор многих поэтических сборников. Ее стихи выходили в Магадане, Новосибирске, в Киеве... А у себя в родном краю они имеют поистине счастливую судьбу: как только их напечатывают, они сразу же становятся известны далеко в тундре, их передают из уст в уста. «О такой популярности можно только мечтать», — скажет в предисловии к ее новому сборнику стихов, впервые вышедшему в Москве в издательстве «Современник» (переводы М. Эдидовича), Юрий Рытхэу...

Сама поэтесса говорит, что она возвращает своему народу то, что берет у него. Многие годы Кымытваль занимается сбором фольклора, участвует в длительных экспедициях, записывает песни, танцы, сказки.

— Каждая чукотская сказка, — объясняет Антонина Александровна, — это поэма особого типа и особой красоты. Она достигает эффекта самыми простыми и скромными средствами. Изредка вырвутся две-три короткие фразы, как будто из самого сердца. И опять начинается описание событий спокойное. Вот, например, «Сказка о хвостом лягушонке»:

...Время стерло память этой были.
Это было много лун назад.
Тогда звери всех людей любили
И росли хвосты у лягушат.

Антонина Александровна читает стихи немного нараспев. Непосредственность ее, манера держаться просто подкупают. Возникает ощущение, что давно знаешь эту милую, обаятельную женщину, которая до сих пор по-детски влюблена в оленей и в сказочных зверят, о которых «много лун назад» рассказывали в своих песнях чукчи.

— Вы, конечно, обратили внимание, — вступает в разговор Виталий Игнатьевич Задорин, третий наш собеседник, муж Антонины Александровны, — что во многих стихотворениях Антонины Александровны речь идет об олене? Это не случайно. Олени для этого народа как тундра, как воздух, как небо... То, что называется биоценозом, то есть природа в ее взаимодействии. Как чукчам без оленей? Это и средство передвижения, и одежда, и еда.

Двадцать пять лет назад к редактору газеты «Советск Чукотка» Антонине Александровне Кымытваль явился новый автор. Его статья была посвящена проблеме оленеводства, он был специалистом в этой области. Виталий Игнатьевич Задорин очень удивился: ожидал увидеть солидного мужчину, а за редакторским столом сидела молодая женщина. Так встретились Задорин и Кымытваль. И стали мужем и женой. Она, окончив педагогическое училище, какое-то время возглавляла коллектив редакции. Сейчас Кымытваль — член Магаданского обкома партии, депутат областного Совета. А Виталий Игнатьевич — научный сотрудник научно-исследовательского института сельского хозяйства Северо-Востока, редактор журнала «Магаданский оленевод». Он много размышляет над тем, что экономика и даже судьба многих северных народностей во многом зависят от того, насколько успешно будет развиваться оленеводство.

— Знаете, оленей выгодно использовать в качестве средства передвижения — они неприхотливы, быстры, экономичны. К сожалению, их стали «вытеснять» вездеходы, тракторы... Ладно... Но какие незаживающие раны оставляют эта техника и ее небрежные хозяева в краю вечной мерзлоты!

Виталий Игнатьевич горячится, хочет объяснить свою озабоченность:

— В каждом несчастье ищите женщину, говорят французы. Некоторые специалисты утверждают, что оленеводство могут погубить женщины. Соблазненные прелестями оседлого образа жизни, они оставляют мужчин одних ночевать в стойбище. Мужчины же не хотят оставаться холостяками! И тоже покидают традиционную отрасль. Мы пытаемся привлечь внимание к этому вопросу на страницах нашего журнала, предлагаем конкретные меры... Кое-что в этом плане уже предпринимается.

Задорин старается воспитывать у детей оленеводов интерес к профессии своих отцов, дедов, прадедов. Написал учебник. Где в

В поисках старины. А. А. Кымытваль, И. Ф. Беленкин и Е. И. Кытаут.

шутку, а где и всерьез приучает ребят к серьезному труду с этими животными — добрыми друзьями северного человека.

Антонина Александровна продолжает мысль мужа: они привыкли понимать друг друга с полуслова.

— Я тоже пишу для детей — рассказы, сказки. И тоже принимаю участие в создании учебников. Так важно привить с раннего возраста вкус к чтению и труду! Учит ребят быть добрыми, благородными, любить и беречь природу — деревья, цветы, траву, зверей, тех же оленей...

Книжка «Солнышко», по-чукотски «Тиркыкэй», — это учебник для подготовительного и первого классов, в издании которого Кымытваль принимала участие. Здесь собраны рассказы Льва Толстого, Сухомлинского, современных советских писателей. Дети любят эту книжку.

— Для детей, кстати сказать, я иногда пишу по-русски. — Антонина Александровна улыбается. — Пересказываю наши сказки, предания. А теперь меня очень увлекли маленькие пьески — я их тоже пишу по-русски — для кукольного театра. Так интересно увидеть на сцене наших сказочных героев и следить за реакцией ребятшек, когда они видят, какой добрый Вэ-кэт и как легко он побеждает злые силы... Но самое для меня главное — это мои стихи.

Ради тех, кого люблю,
Чтобы в бедах не ослабли,
Сердце в брызги разобью,
Кровь свою отдам до капли...

Я прошу прочитать Антонину Александровну стихи на чукотском языке, чтобы послушать ритм, музыке чужой речи.

— Лучше я спою, — отвечает поэтесса, — «Колыбельную». Я пела ее в Ташкенте на форуме писателей стран Азии и Африки. Было тогда очень много народа. А когда я кончила петь, ко мне подошли два молодых человека, встали на колени и поцеловали мне руку: «Если б на планете звучали только колыбельные матерей, как все мы были бы счастливы!»

Несколько протяжные, гортанные звуки, мелодия нежная, простая, она наполняет душу покоем, теплом, берет за сердце.

Есть у Кымытваль поэма «Слушая музыку».

— В музыке французского композитора Равеля «Болеро», — говорит Антонина Александровна, — есть внутреннее созвучие с природой моего края. Когда я в первый раз услышала это произведение, я подумала: это про мою тундру! Так и написала:

Нет же, «Болеро» — не танец,
Эта музыка — дорога,
Она может показаться
бесконечной.
Она может показаться
повторяющейся,
Наконец, монотонной,
Но для меня в ней, в этой
музыке,
Каждый повтор — поворот
И начало нового. Как в тундре...

Отрывок из этой поэмы был переведен на французский язык и опубликован в журнале «Эроп», основанном еще Роменом Ролланом и Жаном Ришаром Блоком. Его редактор, писатель Пьер Гамарра, включил произведение Кымытваль в специальный номер, посвященный младописьменным литературам СССР. А потом — в антологию лучших стихотворений советских авторов.

Безусловно, истоки поэзии Кымытваль в глубинах устного народного творчества. Но не только в них. А в том огромном богатстве всей русской культуры, которой она владеет. Сегодняшние ее стихи — это зрелые, глубокие размышления о жизни, нежная любовная лирика и страстная гражданственность.

...Уже давно за окнами темно. А разговор с чукотской поэтессой Кымытваль и Виталием Игнатьевичем Задориным нескончаем. В комнате звучат стихи, наполняя ее запахом тундры, цоканьем копыт бегущих оленей, сполохами северного сияния...

Антонина КЫМЫТВАЛЬ

ТУНДРА

Ночь. Холодная черная ночь.
Дождь. И стон поздний ливень
пронзает.
Чей — не вижу, кому и помочь,
только утром, сомнения прочь,
поняла: это тундра взывает.
Тундра стонет в крошечной ночи,
заклейменная черным кострищем,
захлавленная смрадным
ржавищем,
в вездеходных, крест-накрест,
следах
обнаженная эмун * кричит.
Распустились — земли не щадим,
где стоим, там швырнем —
а чего нам,
хватит жить по старинным
законам...
Что оставим наследникам? Дым...
Ночь... Пречерная ночь... Тундра
стонет,
просквозив мой удушливый сон,
и напрасно, страдая, ладони
прижимаю к ушам — тундра
стонет,
слышишь тундры израненной
стон?!

ВИЖУ, КАК ПТИЦА...

Скучаю по тундре,
скучаю
по дымом пропахшему чаю.

Видю, как птица,
остро
яранги китовые кости,

лунки следов
оленьих,
жилки ручьев
весенних.

Плачет душа тундровички,
тяжко ей
в гуле столичном,
рвется ночами из города
песней тоски из горла...

Перевел
М. ЭДИДОВИЧ.

ПИСЬМО ИЗ ГОРОДА

Тундра, позови меня.
Где-то в отдалении
Назови по имени
Голосом оленьим,
Песней, полной удачи...
Помнишь ту полянку:
Оленята спутали
С матерью —
кухлянку.

Носиками тычутся,
Меж собою ссорятся...
Тундра, ты владычица
Снов моих, бессонниц...
Пусть буря — я выдержу! —
Налетает, буен.
Вот ярангу вижу я,
Вот я слышу бубен!
Дни разлуки — тучею,
Дышится так трудно.
Где мои попутчики,
Люди твои, тундра?
Невозможно выразить
Все, что душу точит.
Как олень на привязи,
Сердце воли хочет.
Тундра, позови меня
Ты из отдаления,
Назови по имени
Голосом оленьим...

Перевел
Р. ДОБРОВЕНСКИЙ.

* Эмун (чукотск.) — тундра.

И. Пелин (студент, Кишинев). ПРОБУЖДЕНИЕ СЕЛА.

Всесоюзная выставка произведений самодеятельных художников.

А. Кучеренко

1978

А. Кучеренко (ветеран труда, Черновцы). ПОРТРЕТ БУКОВИНСКОЙ ПОЭТЕССЫ ПАРАСКИ АМБРОСИЙ. 1978.

Всероссийная выставка произведений самодеятельных художников.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

Дорога жизни

На улицах его останавливают мальчишки и заговаривают о махолетах, подземных буерах, автомобилях-амфибиях. И ведущий популярной телепередачи «ЭВМ» («Это Вы Можете») тут же на листке блокнота рисует контуры машин будущего.

Вот так же внимательно его слушали и в Африке, где он (на французском языке) читал лекции о нашей стране. И в Америке, где он вел острейшие дискуссии (на английском) об ответственности каждого из нас за будущее всей планеты. И в Австрии, где он (на немецком) вспоминал, как участвовал в разминировании в конце войны знаменитого собора Святого Стефана (за что был внесен в список почетных граждан города Вены).

И столь же внимательно слушали его стихи недавно строители БАМа! Еще бы! Он учился в Литературном институте у Владимира Луговского, а через много лет он сам уже вел здесь интернациональный поэтический семинар, и теперь уже его ученики возглавляют союзы писателей в далеких от нас странах.

Почти сорок лет был он главным редактором журнала «Техника — молодежи».

Он был удостоен дружбы Юрия Гагарина, Ивана Ефремова, Василия Федорова...

Его тридцать с лишним книг посвящены летчикам, изобретателям, шахтерам, академикам, энтузиастам освоения Сибири и Дальнего Востока, поэтам, полярникам, «прорабам духа», что составляют цвет и славу

нашего Отечества. К последней его книге рисунки сделал Херлуф Бид-струп.

Десять лет назад, поздравляя его в «Огоньке» с шестидесятилетием, я с почтением отмечал, что он рискнул спуститься на лыжах с... вершины Эльбруса. Представьте себе, и нынешней зимой он повторил этот опыт! И еще не раз, я уверен, повторит.

На днях я позвонил ему, желая получить его новую книгу стихов «Вселение во Вселенную», и спросил по старой дружбе о планах на будущее. Оказывается, на минувшем Московском Всемирном фестивале молодежи и студентов он редактировал газету «Дружба» (заодно я узнал, что он участник всех — одиннадцати! — подобных фестивалей). Затем он собирается на Шпицберген. Затем писать новую книгу о будущем в жанре фантастических очерков... Затем...

Мы распрощались, а я еще долго думал о нем. О Василии Дмитриевиче Захарченко. О секрете его неувыдаемой молодости и обаяния. И вспомнил высказывание Максима Горького: «Лучшее наслаждение, самая высокая радость жизни — чувствовать себя нужным и близким людям».

...В 70 лет писатели обычно переиздаются. Захарченко выносит «на огонек» свои новые стихи.

Да послужит его творческая молодость каждому из нас примером!

Виталий СЕВАСТЬЯНОВ.

дажды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР

Василий ЗАХАРЧЕНКО

ДОРОГА ЖИЗНИ

Мне снится сон
всегда один и тот же.
С весною каждой
он еще дороже.
Стучится память
тех далеких дней —
Они на расстоянии видней.
Мне снится сон о ладожской
весне...
Стучится память
путником во сне.
И будит память давние года,
Которые запомнил навсегда.
О память-путник,
совесть не буди
Тем, что давно осталось позади!
Дорога жизни...
Я иду по льду.
По каменному холоду бреду
Среди проталин и коварных луж,
Среди весны и ступивших стуж.
Дорогой жизни я по льду иду,
Все остро примечая на ходу.
Там, за спиной, блокадный
Ленинград.
А на дороге торжествует март.
Там, за спиной, война,
смертей полна,
А здесь священнодействует весна!
И дела нет весне до наших дел —
Таков невыносимый наш удел!
Ей все равно, что отпускают нам
Блокадный хлеб —
всего сто двадцать грамм.
Ей невдомек, неспостижимо ей,
Что нам спастись от гибели детей
И увозить сквозь ладожские льды
Наследство от коричневой беды.
Весне по горло собственных забот.
Людские наши —
выбросит за борт.
Должны весной лететь во все
концы,
Как вестники весны,
ее скворцы.
И мартовская звонкая капель,
Как и всегда, должна встречать
апрель.
Закон весны —
ведь он для всех един —
Для воинов, для облаков и льдин.
Весна ликует в солнечных лучах.
Откуда ведать ей о мелочах?
О том, что доживает Ленинград,
Хоть и последний в жизни,
все же ад.
Иду по льду,
и страшно мне взглянуть,
Как тает под ногами снежный путь.
Весна, остановись, не разрушай
Дорогу жизни —
то дорога в рай!

Сдержи благоденствия свои —
Водю талой полны колеи.
Я не могу глядеть из-под руки,
Как тонут в полыньях грузовики
И глухо опускается на дно,
Что было в нищете припасено
И собрано по крохам и фунтам
Солдатам, батальонам и фронтам.
Весна, помилосердствуй,
льды дробя, —
Дорога жизни врублена в тебя.
Последним лег на ледяную грудь
Военной болью нареченный путь!
Весна молчит...
Громаду бытия
Ей пробуждать...
И понимаю я,
Ледовой трассой сердце полоснув,
В слезах,
но я приветствую весну!
О вещий сон...
Не так ли, подскажи,
В боренье вечном торжествует
жизнь.
И путь к весне сквозь лихолетье
тьмы
Дорогой жизни окрестили мы.

ПЕРЕСАДКА СЕРДЦА

Я в тревожной невыносимости,
Постарайся меня понять:
Словно доктор,
ищу совместимости,
Чтобы сердце тебе отдать,
Слышишь,
сердце на пересадку
Выдаю тебе, лишь бы смог —
Хирургическую загадку,
Содрогающийся комок.
К пересадке —
сердце живое,
Только бьющееся — мое,
За успех отвечаем вдвоем.
Легче справиться нам вдвоем.
Говорят, уже получается,
Утверждают, что, может быть,
В наши дни сердца заменяются,
Неспособные полюбить.
У тебя ведь оно такое,
Замороженное в глуби,
Сколько лет, не зная покоя,
Умоляю тебя:
— Полюби...
Ну, а ты холодком безразличья
Отвечаешь на мой порыв,
Не желая понять величия
Не свершенного до поры.
Мне последствия обозримы...
Пусть от смерти — на волосок,
Но для женщины, для любимой
Я сегодня готов на все.
Знаю, будет, увя, несладко.

Знаю, сколько еще возни.
Только сердце на пересадку
Все же ты у меня возьми.
Сколько в нем накопилось страсти,
Сколько в нем набралось любви.
Второпях разорваться на части,
Непокорное, норовит.
Не прожить ему без взаимности,
Без любви твоей не прожить.
О проблеме несовместимости
Даже речи не может быть...

ПОСЛЕДНИЙ ВИТОК

Понимаю,
я не долгожитель:
Сто годков отстукать —
не с руки.
Час придет —
на жизненной орбите
Перестану считать витки.
Сколько мне кружить еще
осталось,
Право слово, не возьму я в толк.
Может быть, пустяк — одна лишь
малость.
А быть может, сто один виток,
Только приземляться,
без сомненья,
Час придет...
Представить не могу,
Где свое я встречу приземленье?
Может, на ромашковом лугу?
Или, грудью раздирая просинь —
Верю, в этом есть какой-то
плюс, —
Где-то на опушке между сосен
В землю окаянную врублюсь.
С ходу, по-гагарински, с размаху
Смерть приму,
как истину, в упор.
На сосну,
как белый флаг — рубаху.
Сам же —
в шар земной, как метеор,
В небе прочертив полосу света,
Для кого-то след оставлю свой.
И возьмет, как должное, планета
Все, что раньше называлось мной.

Я СГОРЕЛ В ХИРОСИМЕ

Я — человек.
Я мертв.
Не существую...
Но я — есть я!
И что там говорить,
Небытием своим я протестую
Во имя тех, кто остается жить!
Я только и успел, что испариться.
Теперь я атом.
Из одних крупниц.

Мне не дышать, не видеть,
не пить, не есть,
Не рухнуть молча на камень ниц.
Ты посмотри, я сохранился тенью
На глади оплывающих камней,
Как брошенный укор
хитросплетеню.
Всех, кто убить меня спешил
ко мне.
Осталась память, словно кинолента
О том, как на планете в первый раз
Подписан был рукою президента
Короткий и чудовищный приказ.
Рассказ остался, как летят ребята
Навстречу мне с поклажей
проклятой.
В ретивом, опьяняющем угаре,
С жевательной резинкой во рту.
А командир —
сентиментальный парень,
Он имя мамы вывел на борту.
Вот так летит ко мне в глухую тишь
Кромешный ад
под именем «Малыш».
О, сколько неприкрытого цинизма!
Все с шуточкой.
С улыбкой дурачка...
Пока еще не наступила тризна,
Пока я жив,
не закипел пока,
Сдержать то преступление
до срока!
— Двадцатый век, ты что
нагородил?
— А, человек, мудрец с лицом
пророка,
Ты что молчишь? Ведь ты же
породил
Весь этот ад. Ну, и чего добился,

Переступив решающую грань?
Но человек смолчал...
...Я испарился
В тот страшный день,
в ту утреннюю рань.
Я в облаке — оно радиоактивно.
Я в ручейке — но он отравлен мной.
Я в струях субтропического ливня,
Что над твоей пролился головой.
Я в завязи застенчивых акаций,
В цветах сакуры, в щебетанье птиц...
Не прикасайся — ядом радиаций
Все отравил заряд моих частиц!
И не дыши — под мирным светом солнца
Аппаратура точная найдет
Моих костей радиоактивный
стронций,
Ты не заметишь даже, как убьет!
Растерзанный зарядом лучевым,
Я должен быть советчиком твоим.
Я заклинаю: — Повторять не надо
Однажды сотворенную беду!
Нельзя молчать с создателями ада,
Иначе испаришься в том аду!

ДОЛГОЖИТЕЛЯМ АБХАЗИИ

Гляжу — не верю.
Каждому сто двадцать!
Как говорится, возраст на двоих.
И остается только улыбаться
Неповторимой молодости их.
Такое понимается не сразу —
Две жизни, подступившие в упор!
Таинственные жители Кавказа,
Извечная загадка синих гор.
В горячих жилах кровь, а не водица,
Степенность отстоявшихся мужчин.
И не беда, что можно заблудиться
В предгрозовых расселинах морщин.
Познали столько радости и горя
И столько тревожений и тоски,
Что выпали снега высокогорья
На их заиндевелые виски.
Богата жизнь в их жизни небогатой.
Здесь все свое, а не из-под полы
Распахнуто буркою крылатой
Нахоленные горные орлы.
Они переживут кого угодно,
Многоэтажной жизнью смерть поправ,
Чтоб полный рог премудрости народной
К потомкам донести, не расплескав.
Коль небо мне покажется с овчинку
И спросит время: — Быть или не быть? —
Мне б ваших лет хотя бы половинку,
Но чтоб с такой степенностью прожить!

ХОДИКИ

О время, ты проходишь воровато,
Не оставляя видимых следов.
Лишь вехи, позабытые когда-то,
Отсчитывают ход твоих часов.
И я целую первую морщинку
У губ, у глаз, у сердца твоего,
Как времени сигнал, что под сурдинку
Вдруг осенит движение его.
Так ходики бегут... И в целом мире
Надежней их не отыскать никак.
Лишь на цепочке крохотная гиля
Определяет вечное «тик-так».
А проскользнет короткая цепочка,
Ты только гилю снова подтяни,

И ходики, как прежде, без отсрочки
Начнут отсчитывать часы и дни.
И у тебя от вехи и до вехи
Чеканит время новые черты,
Но сквозь успехи, спады и прорехи
Их второпях не замечаешь ты.
Но как придет момент... и сразу точка.
Поймешь — остались считанные дни,
Как ходики с коротенькой цепочкой.
Но ты попробуй, гилю подтяни!

ВРЕМЯ

Дай время мне взаймы — Верну попозже.
Да разве знаем мы, Что нам дороже?
Мы то, что наверху Лежит, как бремя,
Хватаем, чепуху Сменив на время.
Оно за пустельгой. Встает на смену
Правдивостью нагой — Бесценной.
Не понимаешь ты, Что обворован,
Что выхода из нищеты Нет никакого,
Что времени Ни дать, ни взять,
Ни выкрасть.
Безвременья печать Обвыклась
И, торжествуя над тобой, Как ржою вьелась.
А ты уже немолодой. Ты — зрелость!
Осталось времени, поди, Немного.
И забываешь: впереди — Дорога.

КАК Я СПЕШИЛ

Как я спешил... И как еще спешил.
Не жил — спешил. Дружил — спешил.
Грешил — спешил. Любил — спешил,
Да так, что в бесконечной спешке
Не замечал, где правда, где насмешки.
Не замечал невысказанных чувств,
Недопитой от измождения ласки
И принимал подстроенные глазки
За искренность, лукавить не хочу.
Зачем спешил? Чтоб радость откровенья,
Когда вдвоем, когда глаза в глаза,
Принять за шутку? Сколько раз в сомненье
«Остановись, прекрасное мгновенье», —
Не успевал я вовремя сказать.
Спеша, искал совсем не те объятья,
Не те слова... И все скорей... скорей...
И второпях не в силах разобрать я
Совет так называемых друзей.
Я принимал его и ошибался.
И снова второпях и на лету
То яркость принимал за красоту,
А то не тем богиням поклонялся.
Услышь меня, как горький крик души,
Сегодня заклинаю: — Не спеши!
Не торопись принять без оговорок
Друзей необязательный совет.
И не спеши на всё ответить скоро:
Семь раз отмерь — потом отрежешь: «Нет»!

ИСКРЕННЯЯ И ГНЕВНАЯ КНИГА

Почему столь острый и в лучшем смысле слова оперативный писатель-публицист Генрих Боровик счел насущно необходимым на рубеже, половины восьмидесятых годов выступить с романом-эссе, действие которого протекает в 1968 году? На этот вопрос автор с предельной точностью отвечает в предисловии к своей новой книге:

«Может быть, не было в американской истории второй половины XX века другого столь бурного, противоречивого, богатого значительными событиями года, как 1968-й. И многое в политике сегодняшней Америки становится понятней и ясней, если вспомнить тот «год беспокойного солнца», обнаживший многое в психологии американского образа жизни... В каком-то смысле 1968-й — жестокий, самодовольный, гневный и растерянный, с глазами, налитыми кровью и слезами, — пролог Америки восьмидесятых».

В самом деле, раздумывая над прочитанным, явственно ощущаешь прямую связь убийства Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди, а также зверств во Вьетнаме и других трагедийных событий «удивительных 12 месяцев» 1968-го с катастрофическими последствиями «крестовых» деятельности рейгановской администрации. Ощущаешь, как безразличные и античеловечные токсины многолетней давности все губительнее отравляют организм сегодняшней Америки.

Такому восприятию «Пролога» очень помогает композиционное построение книги, особенно первой ее части — «Один год беспокойного солнца». Внешне несложное (писатель посвятил по главе каждому месяцу года), оно обусловлено, однако, не столько хронологической последовательностью, сколько драматической напряженностью повествования. Именно драматической! Ведь каждой главе, насыщенной весьма противоречивыми событиями, свойственна своя, можно сказать, внутренняя фабула.

Вообще автору этих заметок, драматургу, приятно отметить, что на всей книге Генриха Боровика лежит отпечаток его незаурядного драматургического дарования. Особенно это сказывается в метких, сугубо индивидуальных характеристиках многочисленных персонажей, густо заселивших книгу. В равной степени это относится и к тем, кто чужд, а порой и ненавистен советскому писателю, и к тем, кому он сочувствует, симпатизирует. Читая о тех и других, вспоминаешь и с современных позиций оцениваешь слова Маяковского о том, что американцы бывают разные, которые — пролетарские, а которые — буржуазные.

В связи с этим следует подчеркнуть глубокое уважение к американскому народу, пронизавшее темпераментную, в подлинном смысле слова наступательную книгу, резко обличающую политических авантюристов из Белого дома, Пентагона, ЦРУ. Как и в своих очерках, пьесах, выступлениях по телевидению, Боровик и в этой книге горяч, эмоционален, динамичен. Правда — его основное оружие. Оружие разящее и грозное, ибо направлено оно против лжи, ставшей оружием тех, чьи грязные козни и кровавые провокации обличает роман. Очевидное стремление писателя к правдивому показу описываемых событий заставляет вспомнить, как топорно тащат в Америке «сенсационные» антисоветские псевдобестселлеры:

Генрих Боровик. Пролог. Роман-эссе. М., Изд-во «Правда», 1984. 576 с.

отъявленная выдумка плюс циничный слухок плюс провокационно «вольная» трактовка известных, но не шибко-то выгодных империализму миротворческих фактов. Все это сдобрено гарниром из стандартных и бесконечно повторяемых (что ж, повторение — мать антисоветского учения!) устрашающих сентенций о «советской угрозе».

Стремясь ни на грань не погрешить против правды, Боровик использует подлинные, зачастую изложенные суконным языком документы, записи диалогов с различными собеседниками, вынужденные признания наших идейных противников. И это не разжижает, а, наоборот, укрепляет целостную художественную ткань «Пролога», написанного сочным языком. Боровик не скупится на жанровые сценки, сатирические краски, короткие новеллы. Но прибегает к этому не ради «оживления» глупо политического романа, не ради заигрывания с читателем, а опять же во имя правдивого показа как вредоносных операций сильных капиталистического мира сего, так и растущего антиобщественного движения прогрессивно настроенных американцев.

Вторая часть книги, «Расследование», неумолимо припирает к стенке высоких и мелких сотрудников ФБР, прямых организаторов убийства Мартина Лютера Кинга. В книге он убедительно предстает не только одним из вождей многострадальной борьбы негритянского населения США за элементарные человеческие права, но и популярным лидером всех честных американцев, жаждущих социальной справедливости в своей стране.

Мне довелось прочесть не одну сотню страниц о прекрасной жизни Мартина Лютера Кинга и его гнусных убийцах. Но из «Пролога» я узнал много, очень много неизвестных доселе широким читательским кругам фактов, подробностей, улик. И мне подумалось: если бы на скамье подсудимых оказались истинные организаторы убийства Кинга и подведомственные им расистские «ратоборцы», то некоторые главы «Пролога» могли бы действительно помочь беспристрастному судебному следствию. А читателя они посвящают в тайны зарождения и развития государственного террора в США, в нечистоплотные закулисные махинации, связанные с выборами очередного главы Белого дома.

Роман-эссе «Пролог» не имеет эпилога. И, безусловно, прав автор, утверждая, что «эпилога к этой книге нет и быть не может. Пока есть разум человеческий, — говорит писатель в заключительных строках романа, — пока есть человеческое сердце — всегда будет надежда и всегда будет уверенность: эпилога быть не может! Не должно быть! Сегодняшний мир сложен, смешон, подчас трагичен и уродлив. Но он и прекрасен. И за него стоит драться, чтобы спасти жизнь наших детей, наше будущее и наше прошлое...»

За это и дерется, за это пламенно ратует искренняя и гневная книга писателя-коммуниста Генриха Боровика. Она вселяет в читателя неумеренное стремление стать участником упорной, настойчивой, повсечасной борьбы с каннибальской идеологией тех, кто от чудовищных зверств во Вьетнаме ныне шагнул к разгрому Гренады, к убийству мирных нинарагуанцев, к подготовке угрожающих жизни нашей планеты «звездных войн».

Цезарь СОЛОДАРЬ

Сотрудник киногоруппы Лоуэлл скрылся после съемки, похитив два заряда взрывчатки. После этого он уничтожил паспорт режиссера Карсона и выкрал у конгрессмена Медуика папку с документами, изобличающими того во взяточничестве. В анонимном письме, посланном тогда же на имя заместителя помощника министра юстиции Уильямса, Лоуэлл угрожал смертью Уильямсу, Карсону, Медуику, маклеру Меллону, красавице Сполдинг, тренеру Уорри.

После звонка Лоуэлл Медуик ночью поехал выкупать похищенные документы и на обратном пути погиб в устроенной Лоуэллом автомобильной катастрофе.

Предполагая, что теперь Карсон находится в наибольшей опасности, Уильямс позаботился о его охране. Но это не помешало Лоуэллу перехитрить Уильямса и убить Карсона в недоступном для посторонних номере отеля. О преступлении извещены печать и телевидение, перекрыты все аэропорты. Однако Лоуэллу удалось уйти от преследователей, и он стал готовить убийство маклера Меллона.

Секретная группа крайне правых в высших правительственных сферах обеспокоена: Лоуэлл берет себе имена ее членов и таким образом раскрывает «олимпийцев». Они дают задание своему агенту Ричардсону найти Лоуэлла. Но Ричардсон решает уничтожить вначале Уильямса, однако попадает раненым в его руки и рассказывает о службе Лоуэлла в особом подразделении во время войны во Вьетнаме.

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

21

Вашингтон, поздняя ночь. По Пенсильвания-авеню проехало несколько машин, да еще продолжала работу кофейная Ченина. В остальном жизнь на улицах возле министерства юстиции замерла.

Но выходящие на здание ФБР окна верхних этажей светились. В одной просторной, залитой неоновым светом комнате с громоздкими копировальными и перфораторными машинами и стоящими вдоль стен высокими серыми шкафами, где вращались или покоились катушки с пленкой, молодой человек без пиджака, находившийся на ночном дежурстве, поднял трубку зазвонившего телефона. «Что случилось, черт возьми? — подумал он. — Какому-нибудь полицейскому из Литл Нека, штат Омаха, потребовалась дактилоскопическая идентификация?»

Молодой человек, фамилия его была Ферфилд, заговорил:

— Кто это? Мистер Уильямс? Что вам... о! — Ферфилд неожиданно встрепетул. — Простите, мистер Уильямс, чем могу помочь?

Через комнату мимо него прошла девушка в белом халате. Ферфилд внимательно слушал.

— Да, сэр, — сказал он. — Больше на Болтона у нас ничего нет. Я помню, как его искали. Единственным Болтоном в картотеке оказался негр из Провиденса.

— Что означает номер ноль сто тридцать семьсот девяносто девять четыреста восемьдесят два? — спросил Уильямс.

— Все просто, сэр, — торопливо ответил Ферфилд. — Ноль сто тридцать — кодовая приставка, означающая, что других сведений не имеется.

— А остальные цифры?

— Семьсот девяносто девять означает, что компьютер проверил все возможные искажения фамилии и ничего не было обнаружено.

— Четыреста восемьдесят два?

— Ложная информация.

— Что? — переспросил Уильямс.

— Ложная информация, сэр. Кто-то сообщил неверные сведения.

— Черт побери! — выругался Уильямс.

Лицо Ферфилда вспыхнуло, он не мог понять, почему Уильямс сердится.

— В чем проблема, сэр?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—46.

— НАЙДИТЕ МНЕ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ЭТИ НЕВЕРНЫЕ СВЕДЕНИЯ! — сказал Уильямс так гневно, что в трубке послышался треск. — Посадить бы вас, компьютерщиков, в клетку да запустить в космос...

Но Ферфилд забормотал:

— Да, сэр. Да, сэр. Я постараюсь, сэр, — записал номер Уильямса в Нью-Йорке и положил трубку.

Он направился к установке 501, компьютеру с печатающим устройством, его туфли на резиновой подошве не издавали ни звука. Но сердце взволнованно билось. Почему именно он оказался на дежурстве, когда позвонил Уильямс? Это несправедливо. А что он сделал? Дал Уильямсу нужные сведения.

Ферфилд сел перед печатающим устройством и набрал на клавиатуре: 0130799482.

Потом заглянул в черную папку с вкладными листами, лежащую рядом с печатающим устройством, и отщелкал: 717598/475.

Печатающее устройство заработало. ЛОЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ АВТОМАТИЧЕСКИ СТИРАЕТСЯ НА ТРИНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ПОСТУПЛЕНИЯ.

Девушка в белом халате подошла к нему.

— Хочешь кофе, Билл?

Он повернулся к ней.

— Конечно, хочу. Тут мне один тип задал работенку...

И снова нагнулся к печатающему устройству, теперь оно отщелкивало:

ДАТА ДАТА ДАТА

Ферфилд отстукал дату, и устройство тут же стало отщелкивать:

ЛОЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ, ПОДЛЕЖАЩАЯ УНИЧТОЖЕНИЮ.

СТС НИЦ Вашингтон Сиракузскому отделению ФБР:

ДЖЕФФРИ БОЛТОН - АДРЕС МЕРИЛЕНД БАЛТИМОР МАРЛТОН АВЕНЮ 1340 ПОДОЗРЕВАЕТСЯ В ПОХИЩЕНИИ ДВУХ ЗАРЯДОВ ВЗРЫВЧАТКИ С Ю. С. СТИЛ В ЛАРГО ФОЛЛЗ. НИЦ ТРЕБУЕТ СВЕДЕНИЙ О ПОДОЗРЕВАЕМОМ.

СТС Сиракузского отделения ФБР — НИЦ Вашингтон:

ВОЗРАСТ ДВАДЦАТЬ С ЛИШНИМ ШЕСТЬ ФУТОВ СТРОЙНЫЙ ГЛАЗА СЕРЫЕ ОСОБЫХ ПРИМЕТ НЕТ СТРИЖЕН КОРОТКО ОПИСАН КАК «ЧИСТО АМЕРИКАНСКИЙ ТИП», ТО ЕСТЬ НЕ ХИППИ.

И тут Ферфилд воскликнул: «Ах, черт! Ах, черт!» Щелкающие клавиши воссоздали облик убийцы. Ферфилд бросил взгляд на девушку, глядевшую ошалело, как и он, на отпечатанные слова, и сказал:

— Влетит же нам от Уильямса!

22

Из дневника Аллена Лоуэлла... запись от 9/XI—73 г.:

«Несмотря ни на что, у меня нет ненависти к Ричардсону и Маркони. В управляющей ими организации они безмозглые роботы. Ненавидеть таких болванов было бы напрасной тратой душевной энергии».

23

«Тектайт III» был наиболее грандиозным океанографическим проектом после злополучного «Си Лэб III».

До сих пор так и не выяснено, что творилось во время «Си Лэб III» — смелого эксперимента, проводимого в 1968 году, когда акванавты военно-морского флота должны были жить и работать на глубине трехсот футов в бурном океане у острова Сан-Клементе, штат Калифорния.

Впоследствии на слушании в конгрессе один из руководителей высказал мнение, что это был саботаж.

В одном случае, проходя мимо барокамеры, где в это время были акванавты, он обнару-

жил, что кислородный клапан закрыт. Через несколько минут пятеро людей в барокамере погибли бы. Кто завернул клапан?

Затем во время тренировок при подготовке к учебному спуску спасательная камера с акванавтами внутри была поднята над палубой на пятьдесят футов, потом внезапно сорвалась с креплений и полетела вниз. В пяти футах над палубой стальная конструкция погасила скорость, однако камера была повреждена, и акванавты получили травмы.

А в первый день эксперимента, когда на борту плавбазы находились большие чины, телерепортеры и газетчики, освещавшие важные события, произошла трагедия. Три акванавта были спущены в так называемой спасательной камере на дно, на триста футов в ледяные глубины Тихого океана, где люди дрожали от холода даже в резиновых костюмах с электрическим обогревом. Камера мягко опустилась на дно, и три человека поплыли к домику, находившемуся в пятидесяти футах. Но вдруг двое плывущих сзади увидели, что передний схватился за горло. Они быстро подхватили его, вытащили в камеру и дали сигнал подъема, но их старший был уже мертв. Расследование показало, что с его скафандра был снят поглотитель углекислоты. Кто его снял?

Странно. И теперь, в этом гораздо более скромном эксперименте, где акванавтам предстояло жить в чистой лагуне на глубине всего пятидесяти футов, агенты службы безопасности все же нервничали. И присутствие Эверетта Меллона было последней каплей.

Джон Ладлоу подплыл на моторке к яхте Меллона и прыгнул на сходни. Меллон в белых брюках и спортивной рубашке смотрел, перегнувшись через борт, как он поднимается.

— Вам придется покинуть яхту, мистер Меллон, — сказал Ладлоу.

Вокруг них в прекрасной голубой лагуне были суда всевозможных типов, даже старый ТДК, перестроенный в грузовое судно. Военно-морской флот зафрахтовал множество небольших моторок, носившихся между ТДК и яхтой Меллона к лагерю в лесу у самого берега.

Слева, на другой стороне острова Сент-Джон, находился Рокфеллер-парк, соблазн для туристов. Но проход туда преграждали колючая проволока и охрана, сейчас эта территория принадлежала флоту. Пойти туда без пропуска никто не мог.

Меллон, не ответив Ладлоу, повел его в салон яхты с металлическими, обтянутыми кожей стульями, баром слева и большим камбузом за дверью сзади.

— В чем дело, мистер Ладлоу? — спросил он наконец.

Ладлоу служил в военно-морской разведке и носил гражданскую одежду, состоявшую на острове Сент-Джон из зеленых шорт, джемпера и старых теннисных туфель.

— Я послал рапорт в военно-морское министерство, — сказал Ладлоу. — Написал, что у нас достаточно хлопот и без гражданского дела об убийстве.

— Ну и что?

— Мы отправим вас отсюда на вертолете и закажем билет на самолет до Нассау.

Меллон стоял за стойкой бара.

— Хотите кока-колы?

— Спасибо. Я рад, что восприняли вы это нормально. Лично я охотно оставил бы вас. И мы признательны вам за яхту.

Меллон налил кока-колы в два высоких стакана, поглядел на пузырьки и пену, потом подошел к Ладлоу, сидевшему, выпрямившись, на обитом кожей табурете.

— Успокойтесь, мистер Ладлоу, — сказал он с улыбкой. — Вряд ли убийца находится на борту.

— Как знать, — сказал Ладлоу. — Тот, кто способен убивать по телефону, не человек.

— Тут вы правы. Но все же, где мне будет безопаснее: в этой лагуне, где повсюду морская пехота и разведка, или дома в Нассау? Если я погибну, мистер Ладлоу, моя смерть падет на вашу голову.

Ладлоу пристально посмотрел на него.

— Не обижайтесь, мистер Меллон. Но как вы можете шутить? Окажись я в этом списке, мне было бы не до шуток. Я служу в разведке восемь лет, знаю приемы самозащиты

и каратэ, прекрасно стреляю, однако вскакивал бы с постели при каждом шорохе.

Меллон отпил кока-колы.

— Всем хочется, чтобы я валялся в шоке из-за этой истории. Вы говорите, я шучу. Наоборот, я воспринимаю эту угрозу совершенно серьезно. В Нассау я мог бы сидеть на пляже с девушкой, а здесь созерцаю океанографический проект в пустынной лагуне. Не такое уж это удовольствие, мистер Ладлоу.

Ладлоу чуть не рассмеялся. Разумеется, он знал об эскапде Меллона с юной девицей. Рапорт охранников сотрудники разведки в Нассау прочли с восторгом. Но он промолчал.

— Должен признаться, я пошел на небольшой компромисс, — сказал Меллон. — У меня здесь... гостья. Иди сюда, Кэти.

Из камбуза появилась юная брюнетка, которую Меллон впервые увидел в оранжевом бикини. Рассерженный Ладлоу подскочил.

— У нее нет пропуска. Вы тайком переправили ее сюда!

— И вы вините меня? — спросил Меллон, указывая на девушку, теперь она была в красных брюках, готовых треснуть по всем швам. — Не делайте ошибочных выводов, мистер Ладлоу. Это совершенно невинное общение.

Ладлоу промолчал.

— Кстати, — сказал Меллон, — родители ее тоже находятся у меня на борту. Сейчас они сошли на берег.

— Кто они такие? — спросил Ладлоу. На девушку он старался не смотреть. — Рапорт. Подробности!

— Ее отец Джексон Симмонс, — сказал Меллон. — Один из океанографов. Пропуск есть и у него, и у жены, поскольку он участник проекта, и он был рад остановиться на моей яхте.

— Ну что ж, — сказал Ладлоу. — Все они могут оставаться. А вам нельзя.

— Вы разве не знаете...

— О чем?

— Адмирал-океанограф прислал мне телеграмму. Вот она.

Смущенный Ладлоу прочел:

ВАМ НЕОБХОДИМО ОСТАВАТЬСЯ НА СУДНЕ В ТЕЧЕНИЕ ДВУХ НЕДЕЛЬ ДО ЗАВЕРШЕНИЯ ОКЕАНОГРАФИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА. ДЕЙСТВУЮ ПО ПРОСЬБЕ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ.

Ладлоу стал оправдываться:

— Известия вечно до кого-то не доходят, мистер Меллон. Я прошу прощения.

— Ничего. Сказать по правде, эта телеграмма была неожиданностью и для меня. Наверно, вмешался Джордж Уильямс из министерства юстиции.

Ладлоу настроился по-деловому.

— В таком случае мы примем жесткие меры предосторожности. Я поставлю две лодки с правого и левого бортов на круглосуточное дежурство. На яхту никого не будут допускать. Ночью будем освещать борта прожекторами. Я помещу на борт пять вооруженных морских пехотинцев, и, если вы захотите сойти на берег или перебраться на другое судно, двое будут сопровождать вас. Идет?

— Согласен на все, — сказал Меллон. — Эта угроза не дает мне покоя.

Но Ладлоу, спускаясь в моторку, сомневался в этом. Судя по настроению Меллона, он вовсе не был испуган.

Ладлоу не мог тягаться с работниками министерства юстиции, но он подумал, что если б возглавлял это дело, то как следует припугнул бы Меллона.

24

Накануне вечером Джордж Уильямс позвонил из Нью-Йорка Фреду Джарвису и сообщил о полученных из НИЦ сведениях, а утром вылетел в Вашингтон и вошел в кабинет Джарвиса перед самым полуднем. Джарвис сказал, что связался с комбинатом «Ю. С. стил» в Ларго Фоллз и все выяснил. Болтон был киноредактором-внештатником, подвизавшимся в балтиморской кинокомпании «Леонард Колмен продакшнз».

Уильямс сперва не поверилось. Внештатный киноредактор? Так вот кто такой Болтон! Джарвис продолжал:

— Эта информация подлежала уничтожению, потому что начальник отдела охраны хотел спасти от увольнения того, кто допустил кражу взрывчатки. Он признался, что написал ложный рапорт, будто взрывчатка найдена.

Но Уильямс не слушал. Он сказал Джарвису:

— Мы имеем дело с убийцей, которому под тридцать, он был однажды на приеме у Кеннеди и там сфотографирован. Вопрос: как он попал на прием? Молодому человеку это не так просто. Мы имеем дело с убийцей, который был в «зеленых беретках», оказался среди олимпийцев, научился убивать, обращаться с электроникой и всевозможным грязным фокусам. И теперь мы имеем дело с убийцей — внештатным киноредактором. Судя по твоим сведениям, работавшим у Колмена и раньше.

Он умолк, и Джарвис сказал:

— Приверженец Кеннеди, садист из «зеленых беретов» и киноредактор. Неужели мы говорим об одном и том же человеке?

— Надеюсь, что да, — сказал Уильямс. Он поднял трубку и попросил секретаршу Джарвиса соединить его с компанией «Колмен продакшнз» в Балтиморе, хотя Джарвис сказал: «Мы звонили туда. До завтра его не будет». Когда секретарша Колмена ответила, Уильямс сказал ей, что приедет завтра в полдень, и попросил объяснить мистеру Колмену, что дело не терпит отлагательства.

— Как сказать ему, о чем пойдет речь? — спросила секретарша.

— О Джеффе Болтоне.

— Ах, о нем! Славный парень.

— Славный?

— Он мне нравился. Жаль его.

Уильямс спросил, почему. Секретарша ответила:

— Джефф был всегда таким... нервным. И все же хорошим. Мистер Колмен вам все расскажет.

Уильямс поблагодарил ее и положил трубку. Колмен будет только завтра. Он сказал Джарвису:

— Теперь я в библиотеку конгресса.

Джарвис вытаращил глаза.

— Это еще зачем?

— Нужно прочесть, что говорил Маркони на этих слушаниях. Он знал Болтона.

Джарвис даже расстроился.

— Черт возьми, Джордж! В Балтиморе появился горячий след, а ты начинаешь копать в десятилетнем прошлом.

— У меня свой метод, — сказал Уильямс.

Его тон заставил Джарвиса переменить тему.

— Кстати, об одном из списка можно не беспокоиться.

— О ком?

— О Меллоне. Он в сент-джонской лагуне, вокруг него там целая флотилия под усиленной охраной морских пехотинцев.

— Сент-Джон! — гневно сказал Уильямс. — Худшего места не придумаешь. Как узнать убийцу, если он будет в форме?

Джарвис встревожился.

— Коннорс решил, что это прекрасный план. И протолкнул его.

— Можно забрать Меллона оттуда?

— Наверно. Но Меллон хочет остаться. Там он чувствует себя в большей безопасности.

— В таком случае, — сказал Уильямс, — установи на его яхте радиотелефон, и пусть охранники докладывают тебе ежедневно. Чуть что... докладывай. Понял?

— Будет сделано, Джордж. Извини.

Уильямс поднялся, и Джарвис сказал:

— Джордж... У меня душа за тебя болит. Ты стал совсем дерганный.

— Я не справляюсь с этим делом, — сказал Уильямс. — Чем глубже я в него вникаю, тем он дальше оказывается. Такое чувство, будто он заманивает меня на ложные следы.

— Взял бы ты отпуск, Джордж...

— Его расписанием отпуск не предусмотрен, — ответил Уильямс.

25

В половине первого Уильямс вошел в кабинет Клары, на ее столе лежали бланки пропусков и ключ. И листок с надписью «Джеймс Паттон». Секретарша в другом конце комнаты подняла взгляд.

— Могу я помочь вам?
— У меня назначена встреча с мисс Эббот.
— Она ушла на ленч,— сказала девушка.— Вернется, очевидно, в два.
— Спасибо. Передайте ей, что заходил мистер Уильямс и зайдет еще.

Выйдя, он спустился по мраморным ступеням в вестибюль и в главном читальном зале заполнил себе пропуск.

Потом спустился на лифте в цокольный этаж. Показал пропуск охраннику у двери. На пропуске была подпись «Джеймс Паттон». Охранник пропустил его и захлопнул за ним дверь.

Уильямс оказался среди протоколов заседания комиссий конгресса за целое столетие. Полки, набитые толстыми книгами в переплетках, высились до самого потолка. Он нашел дату, которая была ему нужна: заседание комиссии по военным делам, 10 октября 1967 года.

Страницы он просматривал бегло, потому что все факты были ему известны. Он искал любое упоминание о Болтоне. От того, что он нашел, у него задрожали руки и забилося сердце. Только бы это было правдой! Только бы Маркони не лгал!

26

Из протокола заседания комиссии палаты представителей по военным делам 10 октября 1967 года:

Присутствуют уважаемые конгрессмены Кессуэл, Бертон, Флейджер, Роджерс.

ФЛЕЙДЖЕР. Были вы на похоронах Болтона?

МАРКОНИ. Конечно, мы же вместе росли. ФЛЕЙДЖЕР. Вместе росли и оказались в одном отряде? В армии, насколько мне известно, такое не допускается.

МАРКОНИ. Вот как это получилось, сэр. Майор Ричардсон приказал мне выбрать для нашей операции кого-нибудь из опытных пехотинцев, в одном из подразделений я нашел своего друга Болтона и выбрал его.

ФЛЕЙДЖЕР. Что сказал Ричардсон по этому поводу?

МАРКОНИ. Мы ничего не говорили ему, сэр. В сущности, я еще никому не говорил об этом.

ФЛЕЙДЖЕР. Почему?

МАРКОНИ. Ричардсону это не понравилось бы. В операциях подобного рода нельзя допускать ни малейшего риска. Офицерам не нравится, когда среди подчиненных есть старые друзья.

ФЛЕЙДЖЕР. Вы говорите, что проводили какую-то... секретную операцию?

МАРКОНИ. Да, сэр. Хотя вы уже знаете, в чем она заключалась. Мы ловили бежавшего двойного агента.

ФЛЕЙДЖЕР. Хорошо, вернемся к Болтону. Юриконсульт, дело Болтона у вас?

ЮРИСКОНСУЛЬТ. Да, сэр.

ФЛЕЙДЖЕР. Итак, вы с Болтоном росли вместе. В Чикаго? У него указан чикагский адрес.

МАРКОНИ. Нет, сэр. Стойбенвилл, штат Огайо. Он переехал в Чикаго, когда его отец и мать погибли в автокатастрофе. Вместе со своим сводным братом Томми Шовайса...

Томми Шовайса! Несомненно, это тот самый! Уильямс закрыл глаза. Дальше читать он не мог. Джефф Болтон — сводный брат Томми Шовайса? Если так, то понятно, почему один человек оказался в списке смертников. Он сам, Джордж Уильямс.

27

В марте 1969 года начальник Уильямса Харли Коннорс вызвал его к себе.

— Послушай, я знаю, что в отделе гражданских прав ты загружен по горло, но у нас есть одна проблема, и ты можешь помочь.

— Мне хватает своих дел...

Но Коннорс замахал своей мясистой рукой.

— В Канаде находится двадцать тысяч наших дезертиров. Ладно. И мы ждем, когда армия что-то предпримет — это их забота. Ладно. Но армия ничего не делает.

— Ну и что?

— Мы должны прекратить это, черт возьми, хотя бы попытаться.

— Так попытайтесь.

Уильямс был уверен, что сумеет отвязаться от всех вздорных планов Коннорса, обратясь к его начальнику.

— Мы уже пытались,— сказал Коннорс.— Расшевелили ФБР в Сент-Поле, и они тут же сцапали гражданского, который переправлял дезертиров через границу — разумеется, не бесплатно.

— Я слышал об этом. Хорошая работа.

— Дерьмо работа,— ответил Коннорс, не блиставший деликатностью выражений.— Эти наши короткостриженные друзья действовали как всегда блестяще. Оба арестанта бежали.

— Оба?

— У этого типа был подручный. Главного зовут Фред Колдуэлл. Помогал ему Том Шовайса — парню девятнадцать лет, он удрал из Чикаго от призывной комиссии и связался с этой организацией дезертиров.

Уильямс в изумлении поглядел на него.

— Шерлок Холмс мертв, Харли. Что мне делать — ехать в Сент-Пол, изучить какой-нибудь след на снегу и отыскать их?

— Ты точно определил характер своей работы,— сказал Коннорс.

Томми Шовайса был напуган. Они с Колдуэллом провели всю ночь в сарае, но Томми так и не смог заснуть, просто лежал. Во что он ввязался? Может, зря послушал Аллена?

Томми очень беспокоился об Аллене. Брат, которого, учась в школе, он обожал, вернулся больным, настороженным, подозрительным, молчаливым. Тетка терпела его три дня, потом велела убраться из ее дома. Томми перебрался к брату в меблирашки на южной окраине Чикаго.

— Что происходило во Вьетнаме? — спрашивал Томми Аллена снова и снова. Но Аллен не рассказывал ничего, лишь твердил:

— Пойдя в армию, я сделал ошибку. И ты этой ошибки не повторишь.

Потом Томми пришла повестка. Аллен взял ее и вместе с конвертом разорвал у него на глазах.

— Ты не пойдешь на эту мерзкую войну! Томми забеспокоился, но Аллен велел ему сидеть дома и не высовывать носа, а сам через несколько дней вернулся с новостями и назначил встречу в баре.

— Я делал здесь кое-что для дезертиров в Торонто, до того ненавистна мне эта вьетнамская война,— сказал Аллен, когда они сели за столик.— Теперь я написал туда главе группы, некоему Майку Горджо, и у него появилась мысль.

— Какая — застрелить ЛБДж? ¹

— Горджо пишет, что слышал о моей работе для СДО и что каждый, кто настроен так против войны, близок ему. Он намерен еще попользоваться моими услугами. И обещает, если я помогу ему и его ребятам в кой-каких особых делах, проявить к тебе особую заботу.

— А что это значит? — спросил Томми.

— Тебе не придется уезжать в Швецию, Канаду или куда-то еще. Горджо связан с одним человеком в Миннесоте. Зовут его Фред Колдуэлл, он переправляет дезертиров через границу.

Томми забеспокоился.

— Аллен, я только увязну еще глубже. Я буду помогать другим нарушать закон.

— Зато будешь в безопасности,— сказал Аллен.— Эти ребята изо дня в день живут в опасности, что канадское правительство передумает и отправит всех домой держать ответ. И там все находится под надзором... ФБР известна каждая фамилия. С Колдуэллом ты будешь невидимкой. Если что случится, у тебя будет возможность возвращаться на север или на юг и даже тайком возвращаться на север.

Вскоре к ним подвели две девицы из-за соседнего столика, они поболтали, но дело кончилось ничем, в ту ночь они легли на свои кровати в меблированной комнате, и Аллен сказал:

— Ты отстал от жизни, Томми.

— Почему?

— Я был четыре года в «беретах» во Вьетнаме, вернулся домой и что обнаружил... ровесники смеются надо мной. Говорят, что «бе-

реты» — головорезы и садисты, ведущие бессмысленную войну против крестьян. Три года я думал, что сражаюсь во имя какого-то идеала. А дома мои друзья, одноклассники и приятели считали меня идиотом. И были правы.

Два дня спустя они отправились к Фреду Колдуэллу, кареглазому парню лет двадцати пяти.

— Береги Томми,— сказал Аллен.— Это мой единственный брат. Если с ним что случится, я убью тебя, где бы ты ни прятался.

— Как я всегда говорю, нет ничего лучше дружеского знакомства,— ответил Колдуэлл.— Скажу тебе только, что он будет в такой же безопасности, как и я, а у меня пока не было никаких осложнений. Ты друг Майка Горджо?

— Я ни разу не встречался с ним, но у нас велись кой-какие дела по почте и системе сообщений.

— Толковый парень этот Горджо,— сказал Фред.— Приехал в Торонто год назад и взялся за дело как следует. Наконец-то наши дела организованы.

— Он поручал мне дел десять,— сказал Аллен,— и по-моему, организация у него прекрасная. Даже жаль, что у меня не хватило ума отправиться вместо Вьетнама в Канаду.

Но вечером в одной из сент-полских пивных Томми сказал Аллену:

— Не хочу скрываться от призыва. Пойду в армию. Отслужу свой срок.

Аллен, побледнев, схватил его за плечи.

— Чтобы я больше этого не слышал. Никогда! — Потом немного успокоился.— Это не вторая мировая война, дружище, это небывалая мерзость.

На другой день Аллен вернулся в Чикаго искать работу, а на следующий Томми познакомился с красивой девушкой по имени Пегги Бартон. Пегги была активисткой в университете штата Миннесота, кроме того, увлекалась марихуаной и сексом. Томми еще никогда не встречал такой девушки, но Пегги он сразу понравился. Услышав, что он состоит в организации дезертиров, она не могла поверить.

— Ты? — изумилась она.

— Я,— ответил Томми.— Что тут странного?

— Ты не похож на дезертира. Если б не сказал, я держала бы пари, что ты хочешь пойти в армию и тем более не станешь помогать другим уклоняться от призыва.

Томми улыбнулся.

— И была бы права,— сказал он.— Но мой брат только что вернулся из «беретов», он стал там сам не свой.

Пегги, стройная блондинка в армейской куртке с вызывающей надписью «Убийцы» на спине, реагировала на это странно.

— Но тобой он распоряжаться не должен,— сказала она.— Раз тебе так хочется, иди в армию.

— Боюсь, что Аллену станет еще хуже,— простодушно ответил Томми.

— Ты влюблен в него, что ли?

— Аллен — замечательный человек. Всю жизнь он был мне больше чем братом. Конечно, мы любим друг друга. Почему бы нет? Пегги улыбнулась.

— Никогда не встречала такого старомодно-го парня,— сказала она.— Ты прелесть.

Томми познал с ней марихуану, свободный секс, а потом любовь, и однажды вечером, когда они ехали на велосипедах по холодной миннесотской дороге, Пегги сказала:

— Я бы хотела, чтобы ты вернулся домой, Томми.

— Почему?

— Я люблю тебя, и мне страшно,— сказала она.— Ты можешь попасть в тюрьму. А это нелепо, раз ты на самом деле хочешь служить.

В ту же ночь осведомитель позвонил в сент-полское отделение ФБР, Фред Колдуэлл и Томми Шовайса были схвачены и арестованы без права освобождения под залог. Самое странное, что осведомитель звонил не из Сент-Пола.

Перевел с английского
Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

¹ Президент США Л. Джонсон.

Продолжение следует.

БЕЛЬМОНДО ЛОЖКИН

Младшему научному сотруднику Ложкину неожиданно крупно повезло. Коллега по работе вдруг продал ему два билета на Неделю французского кино.

— Фильм идет сегодня вечером, — сказал коллега. — Не опоздай. Эх, пошел бы сам, да дела... Повезло тебе. Встретишь Бельмондо — передай привет.

— Передам, — отозвался Ложкин.

Минут за тридцать до начала сеанса он уже пробирался сквозь толпу, осаждавшую кинотеатр. До знакомых он не дозвонился, поэтому сейчас перед ним стояла задача продать один лишний билет.

«Это не так-то просто, — думал Ложкин. — Продашь какому-нибудь шизнику, а он будет весь фильм хохотать как сумасшедший, спокойно посмотреть не даст. Тут нужен человек спокойный, уравновешенный. Лучше всего старичок пенсионер. Или девушка симпатичная, которая будет благодарна. Можно потом и познакомиться...»

— Нет лишнего билета? — вдруг услышал он около себя.

— Нету! — грубо сказал он и посмотрел на спрашивающего. Это была девушка лет двадцати, из-под мехового капюшона выбивались золотистые пряди волос.

— Жаль, жаль, — сказала она и отошла в сторону.

«Какая миленькая, — подумал Ложкин. — И одинокая, и в глазах что-то этаное...» Он стал искоса наблюдать.

«Да, — решил он наконец. — Вот кто будет по-настоящему счастлив в этот вечер. Это же так приятно — делать людей счастливыми. Важно только знать, кого именно».

— Вам, что ли, лишний? — спросил он, подходя к девушке. — Я могу.

— Ой! — удивилась девушка, и глаза ее вспыхнули радостным огнем. — Вот спасибо!

— Ничего, ничего, — сказал он. Ложкин выбился вместе с девушкой из ограды и оторвал половинку от двух билетов. Девушка протянула пять рублей.

— Нет, это много, — сказал он. — Цена рубль пятьдесят. Только у меня сдачи нет.

— Берите, — сказала девушка. — В кинотеатре разменяете.

— Нет, нет, — сказал Ложкин. — Так не годится. А вдруг мы потеряем? Пойдемте к киоску, там разменяем.

Контролерша, повертев его билет в руках, преградила путь.

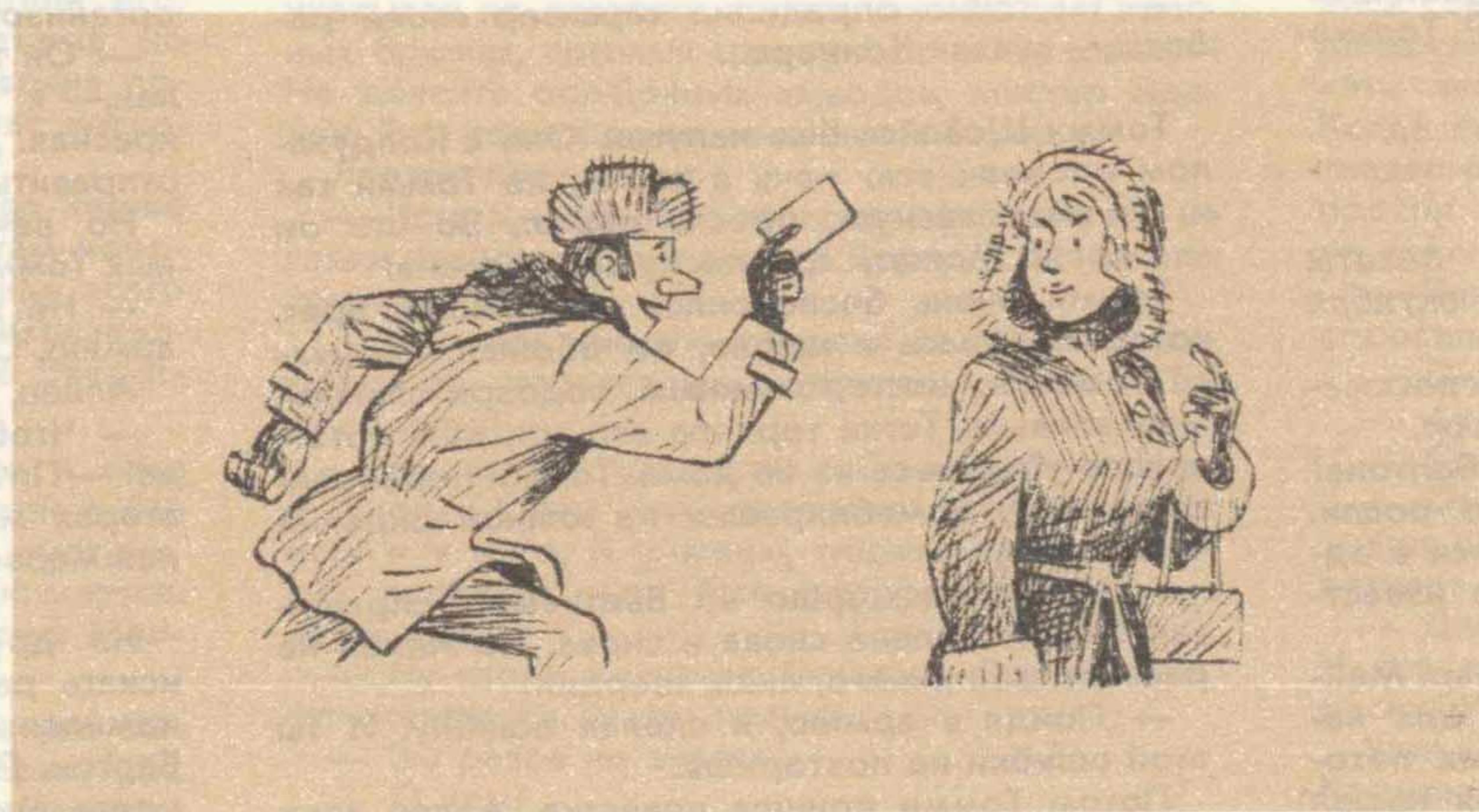
— А где второй? — спросила она тоном, не предвещающим ничего хорошего.

— Какой второй? — испугался Ложкин. — Я один.

— Билет второй где? — спросила контролерша.

— А я его того... продал, — ничего не понимая, сказал Ложкин. — По государственной цене, — добавил он зачем-то.

— По государственной? — насмешливо сказала контролерша. — А вы какую серию смотреть собирались — первую или вторую? Фильм-то двухсерийный. Потому и два билета нужно.

— Как же быть? — упавшим голосом спросил Ложкин. — Я ведь не знал.

— Отойдите в сторонку, не мешайте, — сказала контролерша. — Кому продали, с тем и разбирайтесь.

Минуты через две появилась девушка, весело летящая по снегу. — Эй, стойте! — крикнул Ложкин. Он перехватил ее и отвел в сторонку.

— Ошибочка вышла, — сказал он. — Вы уж простите. Фильм-то двухсерийный, на каждую серию по билету. Так что я вам свою половинку продал. Смешно, правда? — Смешно, — сказала девушка грустно. — Ну ладно, берите...

Ложкин забрал билет и вернул деньги.

— Зато с разменом нет мучений, — сказал Ложкин. Девушка улыбнулась.

Он повернулся и пошел к входу. Потом посмотрел назад. Девушка стояла к нему спиной. В свете неона под плавающим в воздухе снегом она казалась такой хрупкой и беззащитной, что у него что-то кольнуло в сердце.

Он подошел к ней и тронул ее за руку.

— Берите, — сказал он, протягивая билет. — Я, собственно, перебысь...

— Ну что вы? — удивилась она, широко раскрывая глаза. — Как можно.

— Ничего, — ответил он. — Идите и не волнуйтесь. Смотрите на этого Бельмондо, а у меня дела.

— Спасибо, — тихо сказала девушка. — Просто огромное спасибо.

— Ладно, — усмехнулся он. — Стоит ли говорить...

Он отвернулся и быстро пошел в сторону метро. Позади оставался снег, только какой-то мокрый, холодный, несправедливый.

«Тот же мне, Бельмондо нашелся, — сказал вдруг себе со злостью Ложкин. — Билетами швыряешься!

Да девица эта, может быть, сто раз эти фильмы видела, а ты ни одного... Благодарствуй! Сколько раз повторять — считай до тридцати, а потом делай...»

Неожиданно он повернулся и, расталкивая людей, побежал в сторону кинотеатра. «Успел, — подумал он. — Перехвачу!»

И вдруг на полпути он нос к носу столкнулся с девушкой.

— Ой! — сказала она радостно. — Хорошо, что вы еще не ушли. Вы же деньги не взяли. Совсем из головы вылетело, вот растерялся!

Она протягивала ему деньги за билет.

— Девушка, — сказал Ложкин, задыхаясь после бега. — Погодите с деньгами. Сам еле успел... Понимаете, какое тут дело вышло... Все

нарушилось... Ошибся я, перепутал... Я-то думал — не надо, а оказывается — очень даже надо... Понимаете?

— Нет, — сказала девушка.

— Ну, встреча у меня... Там, в кино...

— А, — сказала девушка. — Понятно.

Она молча протянула ему билет и, быстро и грустно взглянув, пошла прочь...

И вдруг кто-то очень уж неприятно и больно наступил ему на ногу. Он оглянулся. Молодой парень пронзительно смотрел на него.

— Ну что? — сказал парень. — Нужен билетик?

— Нужен, — обрадовался Ложкин. — Давайте скорее!

— Отойдем, — сказал парень. — В сторонку.

Они отошли, и парень достал билеты.

— Пять рублей, — сказал он тихо.

— Дороговато, — засомневался Ложкин. — А, ладно! Беру!

Он выхватил билет и помчался за девушкой.

— Стойте! — закричал он еще издали. — Погодите!

Девушка оглянулась, увидела Ложкина и как-то с испугом посмотрела на него. Он подбежал, размахивая билетом.

— Вот, — сказал он. — Это вам. С рук достал, идите скорее. Теперь всем хорошо будет.

Девушка посмотрела на него из-за темных ресниц, и глаза ее блеснули.

— Все-таки вы странный человек, — сказала она. — Ну, хорошо, — решила девушка. — Доверяюсь в последний раз.

Они вместе подошли к входу в кинотеатр, и контролерша, взглянув на него и припоминая что-то, взяла у девушки билет.

— Разобрались, — сказал Ложкин. — А вы боялись...

— Это вы боялись, — отозвалась контролерша. — Девушка с вами?

— Со мной, — радостно сказал Ложкин.

— Ай-яй-яй, — сказала контролерша. — И не стыдно вам?

— А что? — опешил Ложкин и почему-то посмотрел на девушку, оглядывая ее. Девушка как-то сжалась, ожидая любого удара судьбы.

— В чем дело? — спросил Ложкин.

— В чем дело, — передразнила контролерша. — Вчерашний билет! Безобразие, а еще интеллигентный человек. Вот дружинников бы надо позвать!

Ложкин что-то забормотал, стараясь не встретиться с девушкой взглядом. Сзади стали напирать.

— Ну не знал я! — выкрикнул Ложкин. — Девушка, вы-то хоть верите? — Он повернулся к ней, но ее уже рядом не было. Разда ее шубка мелькнула где-то впереди, в толпе. Ложкина отпустили.

— Ну не знал я, — еще раз повторил Ложкин горько и жалобно. С афиши, огромной, как парус, на него ободряюще смотрел сам Бельмондо...

А. ТРАПЕЗНИКОВ

это интересно

ИГРЫ НА РУСИ

Удал и азарт. Толпы жаждущих вступить в игру. Подбадривающие крики, свист, улюлюканье. Радостные песни и танцы... Такими представляются состязания на Руси, проходившие около тысячи лет назад.

Во что играли и как? На первую часть вопроса позволяют ответить находки археологических экспедиций.

Судя по всему, новгородцы охотно играли в игры, подобные футболу и хоккею. Кожаные мячи, которые набивались паклей или тряпками, найдены на раскопках в большом количестве. Первые мячи были у новгородцев уже около тысячи лет назад.

Известно, что в прошлом веке игра в мяч протекала так. Все ее участники, обыкновенно молодые, делились на две группы. Каждая старалась загнать тряпичный мяч за черту «противников». Большим мячом играли ногами. Небольшой гоняли палками. До введения христианской религии на Руси, возможно, эти игры допускались и среди русских девушек.

Особую популярность завоевала лапта. Пять веков назад в связи с широким распространением мячей даже появилась специальная профессия — «мячники», «мячедылы» (до этого мячи изготавливали сапожники).

Широко у новгородцев были распространены костяные коньки. Поэтому игра в мяч на льду вполне вероятна, а «футбол на снегу» мог быть тоже привычным состязанием — зимний сезон длился почти шесть месяцев.

Неизвестно, проводились ли лыжные гонки, но лыжи у новгородцев были. До раскопок имелись лишь

их условные изображения на средневековых миниатюрах. А ныне найдено уже 10 лыж и их обломков. Две лыжи совершенно целые. На них катались новгородцы несколько веков назад.

Юные новгородцы играли и в «травяной хоккей». Он назывался шар-мазла, и правила игры, конечно, отличались от современных. Специальной клюшкой надо было загнать в земляную лунку деревянный шар (их найдено более 200). Эта игра могла быть похожа на гольф, родиной которого считают средневековую Данию. Новгородцы играли в шар-мазла еще в десятом веке.

Имелись у новгородцев и вертеницы, вертушки. С XI века известна эта вращающаяся игрушка с крыльями, аналогичными современному пропеллеру. Можно с уверенностью сказать, что это своеобразные истоки авиамоделизма.

Конечно, играли в городки («рюхи»). Фигуры из чурок (чушек) разбивались битами (палками). Расстояние до городка — кон — определялось примерно метров в двенадцать. Предметы, похожие на чурки и биты, встречаются на раскопках в большом количестве.

Состязания на меткость стрельбы из лука в древности были обычным делом. Ученые установили, что детские луки довольно точно воспроизводили форму сложного древнерусского лука. Игрушечных луков (учитываются лишь хорошо

определенные находки) извлечено на раскопках более десяти. Найдено до двухсот стрел и их обломков.

Игрушки для самых маленьких делали из дерева, глины, тряпок, кожи и других материалов. В Новгороде было найдено много глиняных погремушек, свистулек, игрушечной глиняной посуды, «хлебцев». Среди детских игрушек имеются разнообразные куклы, коники (оседланные кони), фигурки различных птиц и животных.

Любили маленькие новгородцы «скакать» на конях-скакалках: длинные палки, завершающиеся на конце плоской или объемной фигурой коня (чаще всего лошадиной головы) с уздечкой.

К началу восьмидесяти годов в Новгороде найдены 153 шахматные фигуры от 94 комплектов. Судя по находкам, игра эта распространилась на Руси с конца XI века, а в XIV веке в шахматы играли почти в каждой новгородской усадьбе. Большинство фигур значительно отличалось от современных. Но фигура коня уже шесть столетий назад была похожа на современную.

Раскопки в Новгороде дали тысячи предметов, связанных с играми русских от мала до велика. И с каждым годом бесценное богатство этой археологической коллекции возрастает.

П. ЗОЛИН,
кандидат исторических наук

АБРАМЦЕВСКИЕ ПЕНАТЫ

Ровно столетие тому назад в подмосковной усадьбе Абрамцево, принадлежавшей тогда одному из интереснейших людей своего времени, тонкому ценителю искусства, покровителю многих талантов, Савве Ивановичу Мамонтову, организовалась столярная мастерская для крестьянских детей. Точнее, создана она была еще раньше, но именно в 1885 году, по свидетельству Е. Д. Поленовой, художницы, ставшей руководителем этой школы, был включен в обучение «художественный элемент». Обучение в школе велось бесплатно, а цель его была в том, как писала Поленова, чтобы «подхватить еще живущее народное творчество и дать народу возможность развить его». У истоков нынешнего училища стояли большие русские художники В. М. Васнецов, В. Д. Поленов, внесли свою лепту в его создание и многие выдающиеся деятели отечественной культуры.

Загорская земля сослужила добрую службу русскому искусству. По преданию, отсюда родом великий живописец Андрей Рублев, для Троице-Сергиевой лавры была написана его бессмертная «Троица». Здесь три столетия тому назад неподалеку от Сергиева посада (ныне Загорска) зародился знаменитый богородский промысел. Из абрамцевских усадебных мастерских вышли и переливчатая майолика Врубеля, и первая матрешка Малютина.

Абрамцево красиво всегда. Летом у студентов художественно-промышленного училища имени В. М. Васнецова начинается особая страда, в эту пору их особенно часто можно встретить в самых поэтичных уголках старого парка. Позже в учебных мастерских эти летние впечатления материализуются в дереве, камне, керамике.

Четыре с половиной года — столько отпущено на время ученичества. Здесь обучают ребят искусству росписи на керамике, приемам художественной обработки камня, дерева, кости, металла. Но главное, их учат понимать подлинную красоту народного творчества; любовь к нему должна войти в плоть и кровь будущего мастера. Только тогда его работы смогут возвыситься до лучших образцов, созданных народными умельцами.

Задача очень сложная — не растерять накопленных поколением традиций и в то же время обогатить их, творчески переосмыслить. И во всем, что бы ни создал мастер — ковш, квасник или ларец, — должен сохраняться национальный характер, а сами эти вещи могли бы жить в современном интерьере.

В кабинете художественных образцов хранятся лучшие ученические дипломные работы. Большинство из них составили бы честь любому музейному собранию, а ведь сработаны они руками девятнадцатилетних. Впечатление такое, что это творения уже сложившихся, зрелых мастеров, с таким пониманием свойств и возможностей материала сделаны они, так совершенны. Но есть в них и то, что невозможно приобрести чисто профессиональными навыками, — живой, добрый и радостный взгляд в мир.

Конечно, легче учиться тем ребятам, которые приезжают в училище из центров народных ремесел. Знания, полученные ими здесь, ложатся на уже подготовленную почву. С Севера приезжают сюда, как правило, потомственные косторезы, есть среди них уроженцы русского села Ломоносово и чукотского Уэлена. И возвращаются рабо-

тать в свои родные места. Главным художником Уэленской косторезной мастерской стал выпускник училища С. Никитин.

На отделении «Художественная обработка камня» училась представительница далекой Тувы В. Пихаева. Сейчас она работает на Кызыл-Ординском экспериментальном художественном предприятии. А резные фигурки из агальматолита, ее дипломная работа, остались в экспозиции кабинета образцов. Так же, как и яркие глиняные филимоновские игрушки — ученические работы О. А. Серегинной, ныне известной мастера, члена Союза художников СССР. Работает она в Туле: ведь из этих мест родом и филимоновская игрушка.

Мудра старая русская поговорка: кто где родился, там и содился. Можно, конечно, научиться технике богородской резьбы, но, чтобы стать мастером, нужно все-таки жить и работать в самом Богородском. Промысел искусственно на новое место не перенесешь. Но вот возродить угасающий народный промысел, поднять его былую славу — дело нужное и благородное. Здесь, помимо творческих данных, нужны и бойцовские качества. Многие сделано для возрождения знаменитой скопинской керамики

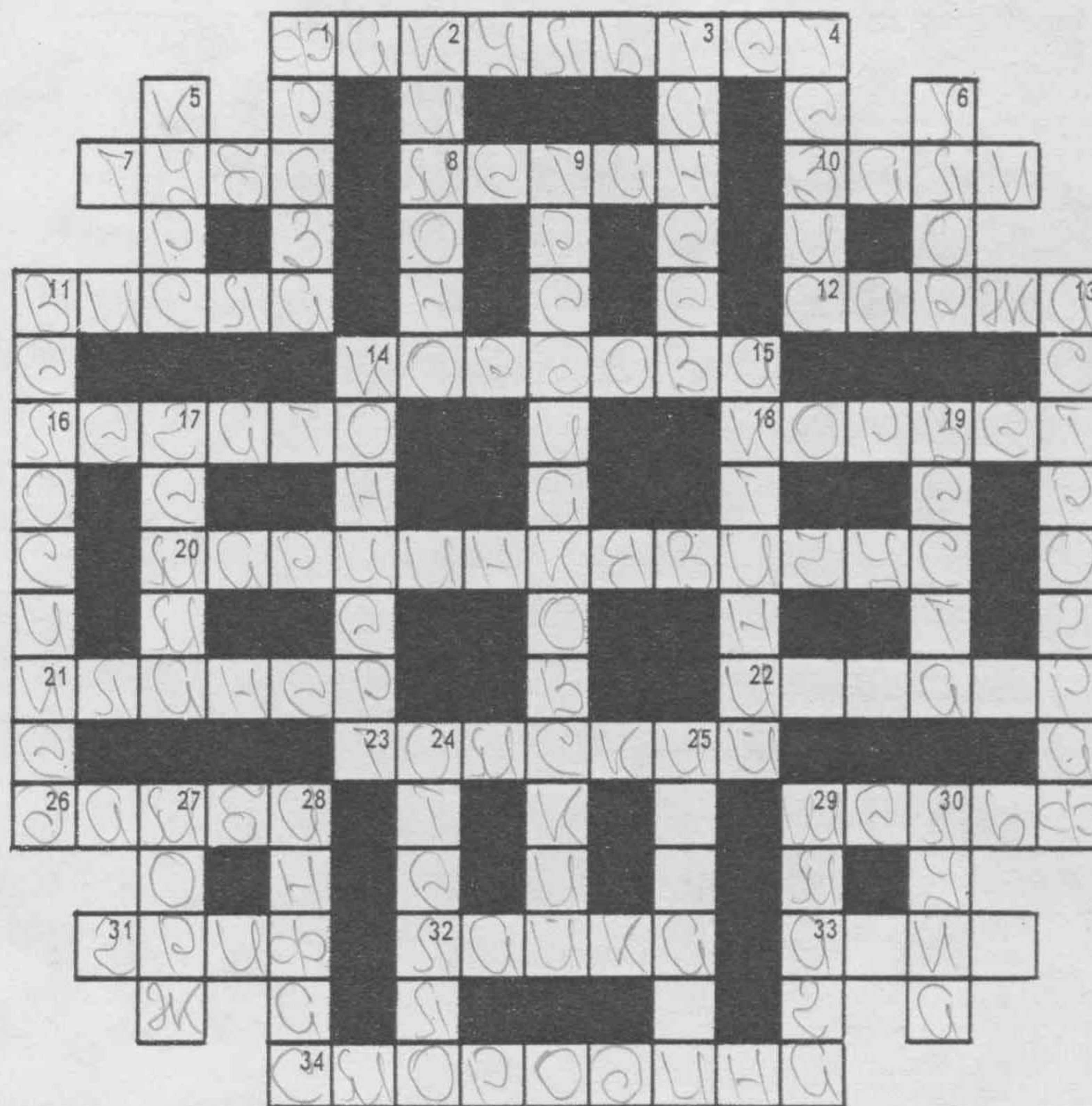
выпускником училища Александром Ивановичем Рожко.

Школа сильна своими учениками. Многие из них выросли в больших художников, в заслуженных мастеров. Это мастер богородской резьбы, член Союза художников Н. Шипеев, главный художник Рамонской керамической фабрики З. Суворкова, семья художников Роповых, работающая на Дулевском фарфоровом заводе имени газеты «Правда», художник гжельского промысла, лауреат премии Ленинского комсомола В. Розанов.

Работы воспитанников училища успешно представляли народное искусство нашей страны на международных выставках за рубежом.

И, несомненно, заслуга в этом всего педагогического коллектива училища и его директора Юрия Яковлевича Цыпина. Много замечательных педагогов в училище: Е. Галуева, Л. Большакова, В. Серегин, Ю. Андреев, Ю. Булыгин, А. Фарапонтова, И. Тоншина, Г. Дегтярев... Они готовят смену народных мастеров, чтобы не скудела наша земля талантами.

Л. ЧЕРКАШИНА

По горизонтали: 1. Подразделение вуза. 7. Духовой музыкальный инструмент. 8. Углеводород, применяемый как топливо. 10. Одновременный выстрел из нескольких орудий. 11. Река в Польше. 12. Хлопчатобумажная или шелковая ткань. 14. Город в Аргентине. 16. Плавный переход в музыкальном исполнении одного звука в другой. 18. Парусный корабль. 20. Народный поэт Литвы. 21. Безмоторный летательный аппарат. 22. Город в Индии. 23. Скульптор, Герой Социалистического Труда. 26. Гидротехническое сооружение. 29. Материковая отмель. 31. Стержень спортивной штанги. 32. Охотничья собака. 33. Приток Аракса. 34. Ягода.

По вертикали: 1. Предложение, законченное высказывание. 2. Японская одежда. 3. Русский композитор, пианист. 4. Одно из основных положений научного труда, доклада. 5. Полное изложение научной дисциплины в вузе. 6. Химический элемент, газ. 9. Русский поэт, филолог XVIII века. 11. Педальная транспортная машина. 13. Телескоп для фотографирования небесных объектов. 14. Исполнение музыкальных произведений по объявленной программе. 15. Радиоактивный химический элемент, металл. 17. Драгоценный резной камень. 19. Малая планета. 24. Трагедия Шекспира. 25. Азербайджанский народный танец. 27. Ластоное морское животное. 28. Вид лица спереди. 29. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Без вины виноватые». 30. Увеличительное стекло.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

По горизонтали: 3. Почтамт. 6. Мальцев. 9. Верста. 10. Сверло. 11. Стандарт. 14. Герцен. 15. Манера. 16. Сайгак. 18. Криминалистика. 21. Ангола. 24. Педаль. 25. «Восток». 27. Диоптрия. 30. Плотва. 31. Грабли. 32. Рокотов. 33. Нальчик.

По вертикали: 1. «Манас». 2. Клесть. 3. Премьера. 4. Часы. 5. «Тачанка». 6. Микаэла. 7. Цвет. 8. Валторна. 12. Фестиваль. 13. Шампиньон. 16. Сюита. 17. Каска. 19. Крейсер. 20. «Проселок». 22. Нарков. 23. Лигроин. 26. Стык. 27. Данте. 28. Ягель. 29. Матч.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Лауреат премии Ленинского комсомола биолог Александр Тихонов. (См. в номере материал «Любимая птица — жаворонок»).

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Музей-заповедник Абрамцево. На пленэре * Декоративное настенное блюдо * В кабинете художественных образцов * Шкатулка * «Северодвинские скобкари». (См. в номере материал «Абрамцевские пенаты»).

Фото Н. СОЛОВЬЕВА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономии быта — 250-38-17; Повзми — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 25.10.85. Подписано к печати 12.11.85. А 00423. Формат 70 × 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 480 000 экз. Изд. № 2698. Заказ № 1597.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Мы пролетали Долину гейзеров. Увы, лишь пролетали... Световой день уже на исходе, к тому же тяжелые облака могли вообще перекрыть воздушные дороги. Ни струй гейзеров, ни сверкающих разноцветьем берегов с высоты полета нельзя было разглядеть. А вот его разглядели—мишку. Рыжий зверюга шел не спеша по крутогору, нимало не смущаясь близости гроыхающей над ним машины. Вертолет зашел на посадку—на пятачок возле дома, а вскоре снова взлетел, захватив пассажиров—лесничего и его двенадцатилетнего сына. В руках у лесничего был мешок с отснятой фотопленкой—катушек двести, а то и больше. Мы заинтересовались: что там, на пленке! «Это я одного медведя снимаю. Но не все успел: еще надо года два, чтоб завершить съемку». Мы увидели снимки, нам они понравились. Понравился и рассказ Виталия Николаенко, лесничего Кроноцкого заповедника. Его рассказ и фотографии—на этих страницах.

В. КУЗНЕЦОВ,
Л. ШЕРСТЕННИКОВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

ДРУГ

Зову я его Корноухим. Скорее всего в молодости в какой-нибудь драке—у медведя это дело обычное—рассадил ему противник лоб когтистой лапой и ухо слегка порвал. Рана зажила, а ухо так и осталось приплюснутым. Знаком я с Корноухим уже лет пять. В первую встречу он поразил своей худобой, обвислым брюхом и нелюдимостью. Светло-бурая шуба в берлоге свалаялась, топорщилась клочьями. Походка косолапая—когтистые лапы развернуты вовнутрь, голова тяжелая, носит ее понуро. Не молод уже медведь, немало, наверное, и повидал. Я решил познакомиться с ним поближе.

Сначала медведь, издали учуяв меня, сразу же уходил. Но постепенно все ближе стал подпускать к себе, все терпимее относиться к моему присутствию. На всякий случай мишка делал угрожающие выпады, но явной злобы не проявлял. И подпускал уже метров на тридцать, на расстояние «фотовыстрела». А я старался хоть и не очень ему надоедать, но все же давать знать, что я, мол, здесь. Насвистывал потихоньку, словно звал его, или, наоборот, делал вид, что не замечаю медведя. Когда мишка надолго уходил, я натирал стволы деревьев рыбой. Запах дразнил медведя, звал его. Но подкармливать зверя я не стал. Привыкнув получать подачки, он начнет и требовать, а это может обернуться худо... Так мы и привыкали друг к другу. Как и его сородичи, Корноухий строго следит за своей территорией, ставит метки у «чесальных» берез: вытягивается вдоль них во весь почти трехметровый рост и натирает кору лохматой холкой и лбом. Обитает Корноухий обычно в центральной части каньона у реки Гейзерной или у ручья Водопадного. Уже в начале апреля там образуются проталины, а в мае зеленеют всходы полыни, вейника, шеломайника, борщевика. Молодые побеги—лакомая пища для медведей ранней весной. Набив брюхо, уходит мишка в уединенное местечко, на лежку. А станет жарко, выберется на снежник или упадет плашмя на плотный снег. Если рядом окажется прозрачный ручей, плюхнется в него и глаза зажмурит от удовольствия.

Так проходят весна и лето, наступает осень. Все реже встречаю я своего приятеля. А там зима. Укроет снег долину, повиснут долги зимние сумерки. Не скоро придет тепло, солнце. Но оно придет. В первых числах апреля начнут подниматься из берлог мишки. Приснится и Корноухий. Ждет ли он нашей встречи? Едва ли. Но я-то жду...

Виталий НИКОЛАЕНКО,
фото автора

Камчатская область.

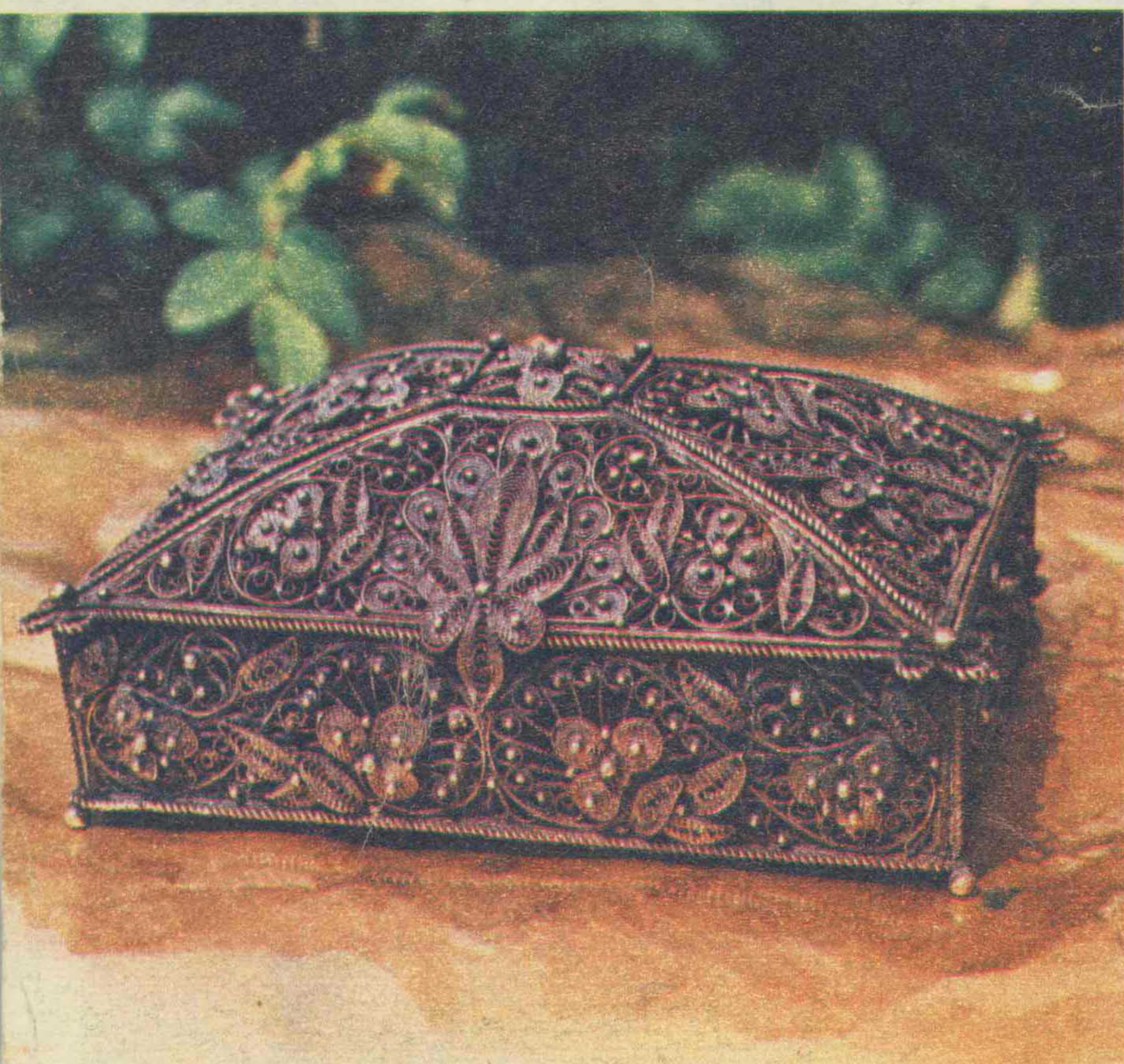

МОЙ, КОРНОУХИЙ

ISSN 0131-0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663